

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
УЗБЕКСКОЙ ССР
СЫРДАРЬИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. Г. ГУЛЯМА.

Х. ДАНИЯРОВ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ
ДЖЕКАЮЩИХ (КЫПЧАКСКИХ)
ДИАЛЕКТОВ В СРАВНЕНИИ
С УЗБЕКСКИМ
ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

(НА МАТЕРИАЛАХ САМАРКАНДСКОЙ
И ДЖИЗАКСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1975

Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком (на материалах Самаркандской и Джизакской областей). Библ. 257 назв., стр. 240.

В монографии исследуются джекающие (кыпчакские) диалекты узбекского языка, рассматривается их влияние на формирование и развитие староузбекского и современного литературного языка.

Книга рассчитана на специалистов-филологов, диалектологов, студентов филологических факультетов университетов и педвузов, а также на преподавателей родного языка и литературы средних школ Узбекистана.

Ответственный редактор
доктор филологических наук

Э. Н. Наджип

ПРЕДИСЛОВИЕ

Узбекский язык многодиалектен, что объясняется сложными историческими условиями, в которых формировались узбекская нация и узбекский национальный язык. Е. Д. Поливанов писал: «Изучение особенностей местных говоров для узбекского языкознания имеет большое значение, так как узбекский язык характеризуется большим разнообразием местных областных диалектов и говоров, что объясняется историческими условиями образования узбекской народности и узбекской нации»¹.

Известно также высказывание А. К. Боровкова: «Ни один из тюркских языков СССР не обладает столь резкими диалектическими различиями, как узбекский язык, и ни один другой из тюркских языков СССР не представляет, следовательно, столько специфических — вытекающих из этого диалектологического разнообразия — трудностей в вопросе о выборе литературного стандартного диалекта»².

Современная узбекская нация сформировалась в результате консолидации ряда неоднородных тюркоязычных и персоязычных родов и племен. На современной территории Узбекистана издревле жили ираноязычные оседлые согдийцы и хорезмийцы, кочевые массагетские народности. Эти племена в течение ряда веков жили в соседстве и благодаря экономическим и торговым связям смешивались. Начиная с VI в. на территорию современного Узбекистана большими группами начали прибывать новые тюркоязычные племена. Массовый приход тюркоязычных племен, главным образом из современного Семиречья, продолжался до XII в. В результате смешения местного населения с пришлыми частями тюркских пле-

¹ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1933, стр. 3.

² А. К. Боровков. Вопросы классификации говоров. «Изв. АН УзССР», 1953, № 5, стр. 58.

менами начался процесс ассимиляции, вернее, тюркизации местного нетюркоязычного населения. Так, в XIII в. население Хорезма было полностью тюркизировано и говорило на различных тюркских диалектах. В это же время с монголами пришли новые потоки тюркоязычных племен. Наконец, в XVI в. под предводительством Шейбанихана прибыли узбекские племена, которые кочевали на территории от низовьев Сырдарьи до современного Оренбурга, а на востоке до Иртыша, образовав автономию — Белую Орду, известную в истории под названием Союз узбекских племен. Приход тюркских племен продолжался и в последующие века. Позднее они дали свое имя «узбек» всему тюркоязычному населению Узбекистана. В составе этого многоплеменного образования решающее место занимали кыпчакские племена (или «команы», «половцы»).

История знает немало случаев, когда разнородные и разноязычные племена объединялись, получая название ведущего племени. Так, пришедшие вместе с монголами татары дали свое название местным кыпчакским, болгарским, угрофинским племенам. Пришедшие с Поволжья через Северный Кавказ на Балканы болгары смешались с местными славянскими племенами на территории современной Болгарии и дали им свое имя.

Отдельные кыпчакские племена, кочевавшие в южно-русских степях от Днепра до Иртыша, в дальнейшем вошли в состав крымских татар, кумыков, ногайцев, балкарцев, карачаевцев, каракалпаков, татар, башкир, казахов, киргизов. Смешивались они даже с некоторыми огузскими племенами, в частности с предками современных азербайджанцев. В течение нескольких сот лет господствовавшие в арабоязычном Египте мамлюкские кыпчаки впоследствии ассимилировались османскими тюрками и арабами.

Такова сложная судьба кыпчакских племен, некоторая часть которых как важный компонент вошла в состав современного узбекского народа. Кыпчакские племена южной России в период существования Золотой Орды входили в состав этого государства. После его распада отдельные кыпчакские племена продвинулись в Среднюю Азию. Если одни из них продолжали вести кочевой образ жизни, то другие — оседлый, вследствие этого появляются различия в диалектах. Некоторая часть западных кыпчаков оказалась в соседстве с огузскими племенами и подверглась их влиянию. Следы этого влияния чувствуются и в наши дни в языке хорезмских узбеков и частично в языке населения Каракульского и других районов Бухарской области. В состав современного узбекского

народа вошли и так называемые «тюрки», которые никакого отношения к огузским племенам не имеют, не входили в их состав и являются одним из наиболее древних обитателей нынешней территории Узбекистана.

Некоторые ученые считают, что кыпчаки-узбеки в Среднюю Азию пришли лишь в XVI в., т. е. во времена прихода сюда шейбанидских узбеков. С таким мнением согласиться нельзя. Обратимся к историческим фактам.

И. А. Аристов, ссылаясь на китайские источники, свидетельствует о том, что кыпчакские племена еще до нашей эры имели тесную связь с населением Ташкента, Ферганы, Зарафшанской долины, Бухары, даже Хивы³.

Известно, что один из основных фонетических признаков кыпчакских диалектов, отличающих их от других тюркских языков, — это «джеканье»: употребление *ж* [дж] в начале слова вместо *й*.

Как утверждает А. Н. Бернштам, «джеканье» в языке тюркских племен известно с древнейших времен. Оно издавна было отмечено и на территории Средней Азии; это свидетельствует о том, что кыпчакские племена, наряду с ираноязычными и тюркскими племенами, — также коренные обитатели Средней Азии. М. Ш. Ширалиев свидетельствует, что кыпчакские племена еще в VI—VIII вв. жили на современной территории Азербайджана⁴.

Видный ученый-этнограф Н. В. Ханыков сообщает, что кыпчакские племена (например, кангли) с древнейших времен имели тесную торгово-экономическую связь со Средней Азией, в том числе и Бухарой, а некоторая часть кыпчакских племен обосновалась на этой территории⁵.

Такие же данные имеются в памятнике «Диван-лугатит тюрк» М. Кашгари, «Шаджараи-тюрк» Абуль-Гази; в трудах С. Н. Иванова, В. В. Бартольда, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского⁶.

---

³ И. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, Спб, 1897, стр. 17, 35, 36.

⁴ М. Ш. Ширалиев. «Озарбайжон тилида кыпчоқ элементлари. «Узбек тили ва адабиёти», 1961, № 6.

⁵ Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства, Спб, 1843, стр. 54, 55.

⁶ Махмуд Кошғарий. Девону лугатит тюрк, т. I—III, Ташкент, 1960—1963; С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков», Абул-Газихана, Л., 1964; В. В. Бартольд. Соч., т. I, II, ч. I, М., 1963; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950; А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 3—4.

Известный историк средневековья Рашид-ад-дин Казвини в «Джами-ат-таварих» сообщает, что хотя все племена, пришедшие в Среднюю Азию, носили общее название «монголы», среди них немаловажное место занимали тюркские племена⁷.

Высказывание историков, востоковедов-историков языка подтверждается данными, собранными нами.

Приток тюркоязычных племен в Среднюю Азию продолжался и в последующие века, он продолжался и после распада Золотой Орды. Однако исторический процесс ассимиляции племен благодаря совместной жизни и смешения не мог не оказать влияния на быт, культуру, наконец, на язык.

Значительную часть населения Средней Азии, в особенности начиная с XVI в., составляли кыпчакские племена. Поэтому непрерывным потоком проникали в литературный язык местного тюркоязычного населения кыпчакские лексические, грамматические элементы.

Многие из представителей науки, литературы, культуры являлись выходцами из среды кыпчакских племен. Поэтому они не могли не внести в литературные произведения, создаваемые ими, элементы своего родного языка.

Таким образом, если на первом этапе формирования узбекский классический литературный язык испытал сильное влияние существовавшей тогда уйгурской литературной традиции, а в дальнейшем — литературного языка Золотой Орды и кыпчакско-огузского литературного языка, то в дальнейшем развитии он испытал сильное влияние языка местных кыпчакских племен. Однако язык оставался смешанным литературным языком многочисленных тюркоязычных племен не только данной территории. Им пользовались как своим литературным языком многие тюркоязычные племена и за пределами Средней Азии. Позже в результате многовековой связи на культуру тюркоязычных народов Средней Азии оказала влияние культура пришедших с запада и распространивших ислам и свой алфавит арабов, культура разных племен Ирана, Индии и других народов. Многогранная культура обогатила узбекский язык новыми понятиями, следовательно, новыми терминами и словами, в основном абстрактного характера. Так в узбекский литературный язык проникло большое количество арабских, персидских, монгольских, индийских слов.

Кыпчакские племена, пришедшие в Среднюю Азию, стали основным компонентом при формировании современного уз-

---

⁷ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 102—103.

бекского народа, и их язык оказал и продолжает оказывать сильное влияние на формирование и развитие узбекского литературного языка, что подтверждается дошедшими до нас литературными памятниками. К сожалению, нашими республиканскими учеными еще не созданы обобщающие исследования, которые освещали бы этот вопрос. В нашем распоряжении имеются лишь некоторые разрозненные памятники, созданные в средние века на разной территории разными авторами в разное время. Изучение их поможет воссоздать картину формирования и развития узбекского языка.

Как известно, все памятники литературы этого периода написаны на смешанном кыпчакско-огузском или огузско-кыпчакском языке. Если одни из них испытали влияние уйгурской литературной традиции (в частности «Кутадгу билиг»), то другие почти свободны от этого влияния.

К сожалению, изученные памятники не исследованы в историко-сравнительном плане, их языковый материал не сопоставляется с современным узбекским языком, с его диалектами. Не исследовано, в какой конкретной среде, среди каких племен написаны эти книги.

При исследовании истории всякого языка, в том числе и узбекского, немаловажную роль играют диалектологические и этнографические материалы, освещающие этнический состав народа, помогающие выяснить вопрос, на базе каких диалектов формировался данный литературный язык, какие диалекты и говоры вошли в его состав как неотъемлемый компонент.

Изучение всех диалектов современного узбекского языка поможет установить этапы развития узбекского литературного языка, выяснить, какой вклад внес тот или иной диалект в его формирование и развитие.

Для выяснения этого вопроса мы изучали историческую литературу в основном на русском и узбекском языках, исследуя родословное древо узбекского народа. Нам удалось собрать материалы по этническому составу нашего народа. Ценные сведения дали люди пожилого возраста, главным образом представители джекающих диалектов и говоров узбекского языка.

В течение ряда лет мы изучали языковые особенности ведущих узбекских диалектов, обращая особое внимание на джекающие диалекты. Полученные данные сравнивали с данными староузбекского литературного и современного узбекского литературного языка. Частично использовали диалектные данные, полученные и другими исследователями узбекских диалектов. В результате такого историко-сравнительного изучения пришли к выводу, что в развитии узбекского

литературного языка важное место занимают джекающие диалекты Самаркандской, Джизакской и других областей. Поэтому основное внимание обратили на изучение говоров этих областей, исследовав их в фонетическом, лексическом и грамматическом планах. Наши материалы и исследования других диалектологов показали, что языковые факты джекающих диалектов Самаркандской и Джизакской областей в главных чертах не расходятся с языковыми фактами кыпчакских диалектов других областей Узбекистана. Поэтому полученные нами данные можно рассматривать как характерные особенности вообще джекающих диалектов.

Для выяснения роли джекающих диалектов в формировании староузбекского литературного языка мы изучали язык произведений узбекских классиков, в частности язык произведений Навои. Для полноты картины также изучали язык египетских кыпчаков периода правления мамлюков; полученные данные сравнивали с языковым материалом джекающих диалектов современного узбекского языка и языка произведений староузбекских классиков.

В результате многолетнего труда выяснили, что джекающие (кыпчакские) диалекты внесли свой вклад в развитие староузбекского литературного языка и не только на первых этапах его формирования, но и продолжают влиять на современный узбекский литературный язык в наши дни.

Полученные материалы, подтверждающие наши выводы, изложены в очерках о фонетических, морфологических и лексических особенностях джекающих диалектов узбекского языка, которые написаны в историко-сравнительном плане с узбекским литературным языком.

Серьезным источником для исследования истории узбекского литературного языка являются материалы устного народного творчества. Поэтому мы сочли необходимым дополнить наши исследования материалом об отношении языка узбекских народных дастанов к джекающим диалектам.

Автор выражает искреннюю благодарность за ценные советы действительному члену АПН СССР профессору В. В. Решетову, действительным членам АН Азербайджанской и Узбекской ССР профессорам М. Ш. Ширалиеву, Ш. Ш. Шаабдурахманову, докторам филологических наук Н. А. Баскакову, Э. В. Севортяну, Э. Р. Тенишеву, профессорам А. Г. Гулямову, Ф. А. Абдуллаеву, а также за помощь в подготовке к изданию кандидатам филологических наук А. А. Кокляновой, Х. Джамалханову и другим товарищам.

ТРАНСКРИПЦИОННЫЕ ЗНАКИ

ä (э) — для обозначения переднего (мягкого), неогубленного, широкого *a* в кыпчакских диалектах (соответствует в основном лит. орф. *a*).

а — для обозначения заднего (твердого), неогубленного, широкого *a* в кыпчакских говорах (соответствует в основном лит. орф. *o*).

а (о) — для обозначения заднего твердого, слабо огубленного, широкого *a* в городских говорах (соответствует лит. орф. *o*).

о — для обозначения заднего твердого, огубленного, широкого *a* в говорах самаркандско-бухарского городского типа или в говорах, попавших под влияние таджикского языка или смешанных с ними, в том числе для некоторых тюрко-барласских говоров (соответствует лит. орф. *o*).

э/е — для обозначения полуоткрытого (полуширокого), переднего (мягкого), неогубленного *э* во всех говорах и в литературном языке (соответствует лит. орф. *э* и *е*).

ö (θ) — для обозначения полуширокого, переднего (мягкого), огубленного *o* (соответствует переднему варианту лит. орф. *ŷ*).

о — для обозначения полуширокого, заднего (твердого), огубленного *o* (соответствует твердому варианту лит. орф. *ŷ*).

ÿ — для обозначения узкого, переднего (мягкого), огубленного *y* (соответствует переднему варианту лит. орф. *y*).

у — для обозначения узкого, заднерядного (твердого), огубленного *y* (соответствует твердому варианту лит. орф. *y*).

и — для обозначения узкого, переднерядного (мягкого), неогубленного *i* (соответствует переднему варианту лит. орф. *i*).

ы — для обозначения узкого, заднерядного (твердого), неогубленного *i* (соответствует заднему варианту лит. орф. *i*).

ь — для обозначения узкого, индифферентного (термин проф. В. В. Решетова), неогубленного *i* (соответствует лит. орф. *i*).

ж (дж) — для обозначения специфической узбекской смычной аффрикаты *дж* (соответствует лит. орф. *ж*).

ң (нг) — для обозначения специфического узбекского носового *нз* (ң) (соответствует лит. орф. *нз*).

Глава I. ДЖЕКАЮЩИЕ (КЫПЧАКСКИЕ) ДИАЛЕКТЫ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА В ИХ ОТНОШЕНИИ К СТАРОУЗБЕКСКОМУ И СОВРЕМЕННОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И О РОЛИ КЫПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Исследуя проблему исторической связи кыпчакских диалектов с узбекским литературным языком с учетом исторических, лингвистических, этнографических и других материалов, процесс формирования общности узбеков-кыпчаков, равно как и процесс формирования узбекско-кыпчакского наречия, мы делим на четыре исторических периода. Думается, что эти периоды одновременно отражают и этапы формирования узбекской социалистической нации.

I. Первый период слияния узбеков-кыпчаков с остальными племенами, жившими на территории нынешнего Узбекистана, происходил в очень древние времена. Например, по свидетельству А. И. Бернштама, элементы джеканы в Средней Азии обнаруживаются уже в VI в. н. э.¹

Такое мнение подтверждается и учеными-языковедами. Например, М. Ш. Ширалиев отмечает, что кыпчакские элементы, в том числе джеканы, на территории Азербайджана встречались еще в V—VIII вв.² А В. В. Решетов пишет, что «указание об употреблении *дж* вместо *й* у кыпчаков и огузов мы находим у ...арабских и армянских писателей VIII века»³.

Примеры джеканы встречаем также в работе известного языковеда и этнографа XI в., ученого народов Средней Азии Махмуда Кашгарского — «Дивану лугатит турк»⁴. Махмуд Кашгарский выделяет кыпчаков как отдельную группу среди тюркских народов. По свидетельству М. Кашгарского, кып-

---

¹ А. И. Бернштам. О древнейших следах джеканы в тюркских языках Средней Азии.

² М. Ш. Ширалиев. Озарбайжон тилида кыпчоқ элементлари. «Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 6, 6-бет.

³ В. В. Решетов. Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959, стр. 60.

⁴ Махмуд Кашгарий. Девону лугатит турк, т. I, Ташкент, 1960, 65—69-бет.

чаки более приближаются к огузам, чем к остальным тюркским народам. Он указывает на *дж* в начале слова как на одну из основных особенностей кыпчакской, отчасти и огузской, группы тюркских языков⁵. В «Дивану» также приводятся обильные примеры на «джеканье» в начале слов, в кыпчакских наречиях это сопоставляется с другими наречиями⁶.

В. В. Бартольд указывает, что у кыпчаков в XII в. и значительно раньше столицей был город Туркестан, они имели весьма близкие экономико-политические связи с остальной частью Средней Азии⁷. Н. В. Ханыков утверждает, что особенно общение усилилось в VIII—X в.⁸ Но в этот период еще основная часть узбеков-кыпчаков находилась за пределами территории нынешнего Узбекистана.

В первый период, вероятно, вначале все узбекские диалекты и говоры были девятифонемными. В настоящее время они стали шестигласными. По термину Е. Д. Поливанова, это — язык иранизованных узбекских племен или части племен, который приближается к языку отуреченных таджиков. В нем отмечается смешение местного и направительного падежей.

II. Второй период общения и слияния узбеков-кыпчаков с другой частью узбекской нации охватывает время с 1220 г. по 1506 г., т. е. период с нашествия Чингизхана до нашествия Шейбанихана. В этот период узбекизация и особенно кыпчакизация на нынешней территории Узбекистана усилилась. Об этом свидетельствуют известный персидский историк XIII—XIV вв. Рашид-ад-дин Казвини⁹ и наши соотечественники В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович¹⁰.

Говоры и диалекты этого периода имеют 7—8-фонемный состав гласных, а в морфологии смешиваются направительный и винительный падежи.

III. Третий период слияния узбеков-кыпчаков с другой частью узбекской нации начался примерно с начала XVI в. В начале этого периода узбеки-кыпчаки значительно отделились от других кыпчаков, т. е. казахов, каракалпаков, ногайцев и др. Об этом процессе дифференциации кыпчакских племен имеются отдельные замечания в трудах В. В. Бартольда

⁵ Махмуд Қошғарий. Девону лугатит турк, т. I, Тошкент, 1960, 65—69 бет.

⁶ Там же, 66—69 бет.

⁷ В. В. Бартольд. Указ. соч., т. I, ч. 1, стр. 404, 405.

⁸ Н. В. Ханыков. Указ. соч., стр. 54, 55.

⁹ Рашид-ад-дин. Сб. летописей, т. *1, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 102.

¹⁰ А. Н. Самойлович. К истории среднеазиатско-турецкого литературного языка. Сб. «Мир-али-Шир», Л., 1928, стр. 1—23.

да¹¹, А. А. Фалева¹², Мухаммада Салиха¹³, Б. А. Ахмедова¹⁴, а также в трудах А. Ю. Якубовского¹⁵, А. К. Боровкова¹⁶, М. Вахабова¹⁷ и др. В этот период нынешняя территория Узбекистана заселяется основной частью узбеков-кыпчаков и начинается, с одной стороны, интенсивная интеграция узбеков-кыпчаков с остальными узбеками, а с другой — обособление их от казахов и каракалпаков.

Узбекские говоры и диалекты третьего периода характеризуются наличием согласного *ж* (*дж*) в начале многих слов, закона гармонии гласных, неогубленного общетюркского *a*; в них не смешиваются местный и исходный, а также направительный и винительный падежи.

IV. Четвертый период формирования и развития узбекской социалистической нации проходит в советский период. Темп консолидации в этот период значительно усилился. В результате бурного развития просвещения и культуры, науки и техники, радио, телевидения, театра и кино специфические особенности говоров и диалектов быстрыми темпами начали исчезать.

В этот период благодаря мудрой ленинской национальной политике КПСС происходит бурный рост культуры, науки и экономики, что способствует еще большему сплочению членов узбекской (и других) наций, которые исторически относились к различным этническим группам. В этот период происходит неудержимый процесс нивелировки диалектов, процесс интеграции культурно-бытовых и социально-экономических ценностей, формируется и развивается качественно новая узбекская социалистическая нация.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЖЕКАЮЩИХ (КЫПЧАКСКИХ) ДИАЛЕКТОВ

Узбекский национальный язык в сравнении с другими тюркскими языками характеризуется многодиалектностью. Диалекты узбекского языка подразделяются на три большие наречия:

1) чагатайское (термин Е. Д. Подиванова) -среднеузбекское (термин А. К. Боровкова) -тюркско-барласское (термин

¹¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 270.

¹² А. А. Фалев. Введение в изучение тюркских литератур и наречий, Ташкент, 1922, стр. 6.

¹³ Мухаммад Солих. Указ. соч., стр. 43, 45, 57, 62, 65.

¹⁴ А. Б. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

¹⁵ А. Ю. Якубовский. Указ. соч.

¹⁶ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 92—120.

¹⁷ М. Вахобов. Узбек социалистик миллати, Тошкент, 1960, 3—8-бет.

Гази Алима) -карлуко-чигильское (термин В. В. Решетова) -городское (наш термин);

2) кыпчакское¹⁸ (термин В. В. Решетова, М. Ш. Ширалиева, А. Н. Самойловича, Н. А. Баскакова и др.) -собственно узбекское (термин Е. Д. Поливанова) -шейбанидско-узбекское (джекающее) (термин А. К. Боровкова);

3) огузское или южно-хорезмское.

Кыпчакские диалекты находятся в тесном контакте со всеми остальными диалектами узбекского языка, их элементы обнаруживаются в различных диалектах и узбекском литературном языке.

Джекающие (кыпчакские) диалекты и говоры распространены на большой территории и являются крупными языковыми единицами. На этих диалектах говорит население основных районов Джизакской, Самаркандской, Сырдарьинской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской, Ташкентской и Хорезмской (северный Хорезм) областей, Каракалпакии, некоторых районов Ферганской области и частично Бухарской (в основном Навоийский район). Кроме того, они широко распространены на территории Южно-Казахстанской области Казахской ССР, Душанбинской и Ленинабадской областей Таджикской ССР и в некоторых других местах Средней Азии (отдельные районы Киргизской и Туркменской ССР).

По сведениям В. В. Решетова, кыпчакские диалекты узбекского языка распространены и за пределами Советского Союза, например, в северной части Афганистана¹⁹.

Действительно, автор монографии довольно часто отмечал их в Катаганской долине (северная часть Афганистана) во время научной поездки в Афганистан.

Кыпчакские диалекты объединяют следующие особенности:

1. Во всех кыпчакских диалектах имеется по девять гласных фонем (в современном узбекском литературном языке — шесть гласных фонем): *y, ü, u, y, ö (ø), o, ä (ə), a (á), э*. Однако одинаковые по количеству гласные в кыпчакских диалектах имеют некоторые различия. Например, в найманском и джушском говорах перед гласными *э, и, ö, o* в произношении появляется дифтонгоидный *в*, а перед гласным *э* — звук *й*: *вортақ* (товарищ), *йэчки* (козел) (ср. аналогичное явление в казахском и каракалпакском языках).

¹⁸ В своем исследовании мы пользуемся термином «кыпчакские говоры» (кыпчакские диалекты).

¹⁹ Узбек диалектологиясида материаллар, I-т., Тошкент, 1957, 8-бет.

В противоположность узбекскому литературному языку почти во всех кыпчакских диалектах четко действует закон гармонии гласных (сингармонизм), но при этом в них почти отсутствует губная гармония.

2. В кыпчакских диалектах отсутствует согласный *ф*. Его заменяет согласный *п*. В большинстве кыпчакских диалектов согласный *х* заменяется согласным *қ*. Согласный *в* (*ш*) обычно губно-губной.

3. В кыпчакских диалектах во многих исконно тюркско-узбекских словах на месте начального литературного *й* употребляется *дж*.

4. Губно-губной *в* (*ш*) в конце и в середине слова часто заменяется узбекским литературным *ғ/г, қ/к*: *тав—тоғ* (гора), *тилāv—тилақ* (желание), *урув—уруғ* (род), *авур—оғир* (тяжелый), *ийār-эгар* (седло), *сийир—сигир* (корова), *эллүв—эллик* (пятьдесят), *бойав—бўёқ* (краска) и др.

Этими и некоторыми другими фонетическими особенностями кыпчакские диалекты приближаются не только к современному казахскому, каракалпакскому и другим тюркским языкам кыпчакской группы, но и к языку египетских кыпчакских памятников XIV в.²⁰

5. В кыпчакских диалектах, как и в узбекском литературном языке, имеется шесть падежей, в них родительный и винительный падежи маркированы различными аффиксами, чего не отмечается в городских карлуко-чигильских диалектах. Формы дательно-направительного падежа образуются афф. *-ға/-гә, -қа/-кә, -а/-ә*. В некоторых кыпчакских говорах употребительны застывшие формы этого падежа — формы личных местоимений 1, 2 и 3-го лица единственного числа: *маған, саған, уған*.

6. Благодаря наличию закона сингармонизма каждый аффикс в кыпчакских диалектах в отличие от литературной формы имеет парный вариант.

7. В кыпчакских диалектах показатель мн. числа *-лар -ләр*, в глаголе-сказуемом при подлежащем-существительном во мн. числе обычно не употребляется: *адамнар ишлади* (люди работали), *қойлар отлады* (овцы паслись), *қушлар учти* (птицы улетели). Однако афф. *-лар/-ләр* широко отмечается в кыпчакских говорах в глаголах 2-го лица и при этом указывает не только на множественность, но и несет определенную смысловую нагрузку: ср.: *сен келдинг* 'ты пришел' (в отношении одного лица). *Сиз келдингиз* 'вы при-

²⁰ Аттухфатуз закяту филлуғатит туркия, Тошкент, 1968, 114-бет.

шли' (в отношении одного лица с оттенком вежливости), *силләр келдиләринг* 'вы пришли' (в отношении многих лиц), *сизләр келдиләрингиз* 'вы пришли' (в отношении многих лиц с оттенком вежливости).

Кыпчакские диалекты имеют и свои лексические особенности.

Прежде всего следует отметить наличие очень большого количества слов, особенно относящихся к области животноводства и быта, которых нет не только в литературном языке, но и в остальных диалектах. Например, *чечә* 'сноха' (лит. *янга*), *бөлә* 'дети тёти' (лит. *холавацца*), желак 'женское покрывало для закрытия лица' (в лит. нет), *қотан* 'стадо овец', 'место, где ночует стадо овец' (лит. *атар*), *қырқым* 'стрижка овец' (лит. *жун қирқиш*), *уйур* 'табун' 'лошадь-вожак в табуне' (в лит. нет). Многие из таких лексических единиц кыпчакских диалектов вполне могли бы войти в фонд литературного языка.

В кыпчакских диалектах имеется большой пласт исконно узбекских слов, которым в литературном языке и других говорах соответствуют арабские и персидско-таджикские заимствования. Например, вместо арабского *мустахам* (крепкий) употребляется *қатты* (лит. *қаттиқ*), *вм. зудлик билан* 'быстро' — *тездан*, *вм. иранского баҳор* 'весна' — *көкләм, ангушвона* 'перстень' — *оймақ* и т. д. Некоторые из этих диалектных слов уже вошли в лексический состав литературного языка, образовав тем самым синонимичные ряды.

В кыпчакских диалектах были и продолжают в какой-то мере существовать многие имена собственные исконного происхождения. В основе их образования лежат лексические единицы с конкретным значением, причем связь производного слова и производящего достаточно ясна. Например: *Көбай* букв. 'умножайся', *Турсун* букв. 'пусть живет', *Қошақ* букв. 'человек, имеющий где-либо на теле парные органы; кош 'пара', *Улбосын* букв. 'пусть станет мальчиком'. *Оғылай, Улбувиш, Ултув* — варианты имени *Улбосын*.

В кыпчакских диалектах имеется заметное количество табуизмов. Например, волка называют *ийтқуш* букв. 'собачья птица' (вм. лит. *бўри*), вместо *тугади* или *тамом бўлди* 'конец' в отношении скота говорят *байыды* букв. 'разбогател', вместо *қызамық* 'корь' говорят *гүл* 'цветок', вместо *бўғоз* 'беременная' говорят *авырайақлы* букв. 'с тяжелыми ногами', 'тяжелоголая' или *жүкли* букв. 'с грузом', 'отяжелевшая', вместо *қысыр* букв. 'яловая', 'нетельная', говорят *салт* 'свободная'.

Раньше жены не называли своих мужей по именам, а невестки — всех детей в семье, родившихся до ее прихода в дом, т. е. родившихся до ее замужества. Они их называли просто *бала* 'ребенок', *қиз* 'девочка' или по прозвищам, характеризующим какой-либо признак: *қоразбай* 'ребенок, который плачет петушиным голосом', *ақбала* 'светлокожий', *мáллá* 'светловолосый', 'рыжий' и др. В связи с этим появлялось множество вторичных имен для маленьких детей.

Никто из ученых, изучавших кыпчакские диалекты, кроме А. Н. Самойловича и Гази Алима, не затрагивает вопроса об участии кыпчакских диалектов в развитии узбекского литературного языка. А между тем, как показывают материалы сопоставительного изучения кыпчакских диалектов и литературного языка, роль кыпчакских диалектов в формировании и развитии узбекского литературного языка огромна. Например, из трех форм настоящего времени на *-япти*, *-моқда* и *-ётир*, которые бытуют в современном узбекском литературном языке, две последние взяты из кыпчакских диалектов; из двух параллельных аффиксов степени сравнения *-дай/-дек*, первый, чаще применяющийся в художественной литературе, также из кыпчакских диалектов; из трех форм имени действия на *-моқ*, *-ув/-в*, *-иш/-ш* — последние две — из кыпчакских диалектов²¹.

Почти все ученые, исследовавшие староузбекский (чагатайский) литературный язык обратили внимание на наличие в нем уйгурских и огузских элементов. На кыпчакские элементы в староузбекском языке впервые указал А. Н. Самойлович еще в 1930 г.²² Точнее, он констатировал употребление *дж* в начале слова вместо совр. лит. *й*.

Однако кыпчакские элементы довольно часто встречаются и в фонетике, и лексике, и в морфологии, и в синтаксисе как современного, так и староузбекского литературного языка. Это подтверждается языковыми особенностями произведений классиков узбекской литературы — Лутфи, Алишера Навои, Мухаммада Салиха и др. Так, в сборнике произведений Лут-

²¹ Подробнее о роли кыпчакских говоров в развитии узбекского литературного языка см.: Х. Дониёров. Узбек адабий тилини ривожландиришда қипчоқ шевалярининг роли. «Узбек тили ва адабиёти», 1964, № 6; Х. Данияров. Роль кыпчакских говоров в развитии стилистической системы узбекского литературного языка, Сб. «Проблемы стилистики литературных языков СССР», Материалы Всесоюзной конференции по стилистике. Ашхабад, 1968.

²² Samojlovic. Čagataj adabij tilida Gočqiliq unsurlari, «Ilmij fikr», No. 1, 1930, Samarqand—Taškent.

фи встречаются следующие кыпчакские элементы: *қонима* (стр. 320) в м. лит. *қонимға* 'к моей крови'; *тавбамға ҳеч таянмадим* (стр. 320) букв. 'я никогда не раскаивался в своих поступках' (*тавбамға* в м. лит. *тавбамға*).

Кроме того, встречаются такие фонетические и лексические элементы кыпчакского языка, как например: *тенгри* (стр. 320) — лит. *тангри* 'бог', *ёвугмади* (стр. 320) — лит. *яқинлаштиради* 'не подпускал близко', *йировлар* (стр. 435) — лит. *хонандалар* 'чтецы', *йўлга узанди* (стр. 350) — лит. *йўлга тушди* 'отправился в путь', *тураған ери* (стр. 339) — лит. *айланиб чиққан ери* 'места, которые он обошел', *онт ичти* (стр. 435) — лит. *қасам ичди* 'покаялся', *қурсоғидин* (стр. 435) — лит. *қорнидан* 'из живота', *уёнсин* (стр. 339) — лит. *уйғонсин* 'пусть проснется', *неши бор* (стр. 320) — лит. *нима иши бор* 'кому какое дело' и др.

В поэме «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха кыпчакские элементы еще более употребительны. Например, здесь мы встречаем такие типичные кыпчакские слова, как *бузов* (стр. 205) — лит. *бузоқ* 'теленос', *сақлов* (стр. 295) — лит. *сақлов* (также из кыпчакских говоров) 'стража', *қўш* (стр. 295) — лит. *штаб* 'место, где сосредоточено войско', 'штаб'; *қалпоқ* (стр. 138) — лит. также *қалпоқ* 'шапка' в говорах Самаркандской области это слово означает 'тюбетейка'.

Список слов с кыпчакскими элементами из этого произведения можно продолжить: *ули* (130), 'старший', *эгов* (203) 'точило', *бий* (64), 'богатый', *бовурчи* (172) 'распорядитель', *бойағи* (182) 'тогдашний', *доритмай* (192) 'не допуская', *юртовул* (143) 'селение', 'народ', *илғамак* (195) 'замечать', *қолпоқ* (138) 'шапка', *ийаси* '(его) хозяин' (171) и т. д.

Кроме того, в языке «Шейбани-наме» сохранился характерный кыпчакский элемент *ж* в начале слова вместо лит. *й*. Например, *жов* (стр. 84, 85) 'неприятель', 'враг', *жор* (стр. 179) 'овраг', *жирим олмоқ* (стр. 202), *мизғиб олмоқ* 'подремать', *жийан* (318) 'племянник', *жилов* (242) 'узда' и т. д.

В языке произведений Алишера Навои кыпчакских элементов значительно больше²³.

Сохранение таких парных аффиксов, как *-мақ/-мак*, *-ға/-гә*, *-қа/-кә*, *-ғыл/-гил* и других в языке произведений классиков староузбекской литературы заставляет сделать выводы, что

²³ См. об этом: Х. Доннёр в. Навоий тилида кыпчак элементлари, «Ленин йўли» газетаси, 23 декабрь, 1966 йил. О'н ж е Алишер Навоий ва ўзбек адабий тили, Тошкент, Фафур, Ғулам Ғафуров 1972 й.

в староузбекском литературном языке закон сингармонизма был довольно устойчивым. Это в свою очередь является основанием для определения состава вокализма из девяти гласных, как в староузбекском литературном языке в целом, так и в языке произведений Алишера Навои в частности. Как известно, закон гармонии гласных в тюркских языках определяется характером гласных корневых морфем. Однако возникает вопрос: каким путем установить наличие сингармонизма и состав гласных в языке староузбекской литературы, если в корне из-за отсутствия в арабской графике знаков для обозначения гласных фонем невозможно установить их мягкость или твердость.

Над этим вопросом задумывались многие языковеды, в том числе К. К. Юдахин, А. К. Боровков, Ф. А. Абдуллаев, А. М. Щербак, А. Рустамов, Г. Ф. Благова и другие ученые. Однако никто из них не предлагал судить о составе гласных и наличии сингармонизма в староузбекском литературном языке по мягкости или твердости гласных, сохраненных не в корне, а в аффиксах. А между тем, наши исследования и эксперименты показали, что наличие сингармонизма и характер гласных корня можно определить по мягкости и твердости аффиксов.

Сохранение парных гласных и девятифонемная система вокализма, различие в большинстве случаев показателей родительного и винительного падежей и употребление 1-го и 2-го лица ед. числа местоимений в формах *мен* и *сен*, а также большое количество слов и фразеологизмов в языке произведений староузбекской литературы, которые генетически восходят к кыпчакскому языку и имеются в современных кыпчакских говорах, свидетельствуют о том, что кыпчакские элементы занимали значительное место в староузбекском языке.

Кыпчакские элементы встречаются не только в староузбекском и современном узбекском литературном языках, но и в городских говорах. Например, выпадение звука *л* в середине слова, которое присуще только кыпчакским диалектам, встречается в ташкентском, андижанском, ферганском, кокандском, джизакском и других приближенных к ним говорах. Примеры: *аса* 'если он возьмет' (лит. *олса*), *кесä* 'если он придет' лит. *келса*, *боса* 'если он станет', 'если он будет' лит. *бўлса* и т. д.

Кыпчакский вариант показателя винительного падежа *-ди* встречается во всех городских и остальных говорах (включая даже самаркандский, бухарский и ленинабадско-узбекский).

Кроме того, такая характерная черта кыпчакских говоров, как «джеканье» в начале некоторых слов, тоже встречается в некоторых городских и приближенных к ним говорах. Например, слово *жўр* 'иди' (лит. *юр*) встречается в ташкентском и джизакском говорах.

В кыпчакских диалектах сохранилось большое количество этнонимов, из которых нам удалось во время экспедиции собрать более 850. Они могут быть источником для изучения истории и этнографии народа, его языка.

Таким образом, наши исследования показывают, что кыпчакские говоры сыграли и играют большую роль в становлении и развитии как староузбекского, так и современного узбекского литературного языка. Они также имеют влияние на городские говоры и, естественно, сами испытывают их влияние. Названные особенности кыпчакских говоров дают основание ставить их в один ряд с ташкентско-андижанским говором и считать их одним из опорных диалектов узбекского национального языка. При этом следует иметь в виду, что кыпчакские говоры обладают большими потенциальными возможностями, которые могут быть успешно использованы литературным языком, как внутренние ресурсы в процессе его дальнейшего развития.

О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ КЫПЧАКСКИМИ (ДЖЕКАЮЩИМИ) ДИАЛЕКТАМИ

Наряду с общностью, существующей между джекающими (кыпчакскими) говорами, между ними отмечаются и некоторые характерные расхождения. Это объясняется рядом причин. В частности, тем, на какой территории и в каких условиях живут носители этих говоров, среди представителей каких языков, диалектов и говоров, возле какого города они разместились, чем занимаются носители этих говоров, как давно ведут оседлый образ жизни и т. д.

В связи с этим отметим, что такие говоры, как халдар-кыпчакский говор Уратепинского района Таджикистана, Чагызманский говор Ургутского района Самаркандской области, казак-найманский говор Самаркандского сельского района и мангитанский говор Гиждуванского района Бухарской области (несмотря на то, что по происхождению являются кыпчакскими говорами), в настоящее время сохраняют лишь шесть гласных фонем и фактически превратились в говоры самаркандско-бухарского городского типа. Кроме того, в большинстве случаев в них смешиваются аффиксы винитель-

ного и родительного падежей (как в городских говорах), в лексике содержится большое количество таджикских слов.

Точно так же в хитай-кыпчакском и бахринском говорах Самаркандской области, в ряде говоров, носители которых проживают около г. Андижана, Намангана, Коканда и которые по происхождению являются кыпчакскими, сингармонизм в значительной степени нарушен, в их языке обычно содержится лишь 7—8 гласных фонем, часто смешиваются аффиксы винительного и родительного падежей. Во многих случаях вместо аффиксов винительного и родительного падежей употребляется афф. *-ди*.

В языке довольно значительного количества узбеков, проживающих на территории Казахстана и Каракалпакии, а также вблизи кураминцев, часто встречаются языковые элементы, характерные для казахского или каракалпакского языков, типа *екен* 'оказывается' (модальная частица), *ўйинде* 'в его доме' и т. д.

Такие расхождения, встречающиеся в джекающих (кыпчакских) говорах, носители которых живут в разных областях, часто встречаются и в говорах, носители которых проживают в одной и той же области, даже в одном и том же районе.

На основании вот таких особенностей кыпчакских говоров их можно разделить на две группы — восточную и западную: к востоку от города Самарканда (на территории приблизительно от Самарканда до Бекабада и к западу от Самарканда, приблизительно до города Навои). В восточную группу входят говоры кыпчаков-узбеков, проживающих в Заамилском, Джизакском, Бахмальском, Галляаральском²⁴, Фаришском (в основном в Карабдале) районах Джизакской области, в Булунгурском, Джамбайском, Пайарыкском, частично в Ургутском районах Самаркандской области, в Самаркандском кишлачном районе; в западную группу в основном можно включить говоры Пастдаргомского, Каттакурганского, Найманского²⁵, Акдарьинского, Иштиханского, Нарпайского, Пахтачинского, Хатырчинского, частично Нурагинского районов (Джуш) Самаркандской области²⁶.

---

²⁴ Об этом говоре см.: В. Эгамов. Галляаральский говор узбекского языка, Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1955.

²⁵ М. Валиев. Найманский говор узбекского языка. Канд. дисс., Ташкент, 1963.

²⁶ А. Ахмедов. Джошский говор узбекского языка. Канд. дисс., Ташкент, 1962.

Наряду с этим в отдельных восточных говорах, особенно в тех местностях, которые граничат с районами западных говоров, встречаются языковые особенности, характерные для западных говоров.

Следует отметить, что расхождения между восточной и западной группами джекающих кыпчакских говоров в основном касаются их лексического состава. В отдельных же случаях они отмечаются и в фонетической системе, а также морфологии. В качестве примера сопоставим некоторые характерные особенности бахмальского говора, являющегося одним из типичных представителей говоров восточной группы, с характерными особенностями байкут-куйбакского говора Пахтачыйского района Самаркандской области, который представляет кыпчакские говоры западной группы.

Фонетические расхождения

1. В бахмальском говоре и вообще в говорах, входящих в восточную группу, во многих случаях вместо фонемы *x* употребляется *q*. Что касается типичных говоров западной группы, в частности байкут-куйбакского говора, каждая из этих фонем употребляется самостоятельно, и фонемы взаимно не заменяются.

Таким образом, кыпчакские говоры, входящие в западную группу, по фонетическим признакам довольно близко стоят к узбекскому литературному языку.

2. В тех случаях, когда в восточных говорах в начале слова употребляется фонема *y*, в западных говорах она заменяется фонемой *u/ы*.

<i>Вост.</i> <i>бахмал. гов.</i>	<i>Западн.</i> <i>байкут. гов.</i>	<i>Лит. яз.</i>	<i>Значение</i> <i>в рус. яз.</i>
<i>уйқы</i>	<i>ыйқы</i>	<i>уйқу</i>	'сон'
<i>ул</i>	<i>ыл</i>	<i>ўғил</i>	'сын'
<i>ун</i>	<i>ын</i>	<i>ун</i>	'мука'

Из этих примеров ясно видно, что восточные кыпчакские говоры в сравнении с говорами западной группы значительно ближе стоят к узбекскому литературному языку.

Однако слово *туш* 'сон' в составном глаголе *туш кўрмоқ* 'видеть сон' в обоих говорах произносится как *тиш*, тогда как в литературном языке — *туш*.

Фонема *ф* литературного языка в обоих группах отсутствует.

3. В говорах восточной группы составной глагол *борар эди* произносится как *барарыды* или *барғычыды*, а в говорах западной группы конечное *р* в форме будущего времени — *борар* в результате диссимилиации произносится как в городских говорах Самарканда и Бухары — *барайыды*:

<i>Вост. гов.</i>	<i>Западн. гов.</i>	<i>Лит. яз.</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>барарыды</i>	<i>барайыды</i>	<i>борар эди</i>	‘(он) шел’
<i>бараракан</i>	<i>барайкан</i>	<i>борар экан</i>	‘оказывается, он пойдет’
<i>келәриди</i>	<i>кәләйиди</i>	<i>келар эди</i>	‘(он) приходил’

Как видно, и здесь говоры, входящие в восточную группу, стоят значительно ближе к литературному языку.

В некоторых кыпчакских говорах, носители которых живут к западу от г. Самарканда, особенно в найманском говоре Пастдаргомского, Каттакурганского районов, в джошском говоре Нуратинского р-на, частично в байкут-куйбакском говоре Пахтачинского района фонемы *о*, *у* и *э* принимают дифтонжность. В этих говорах, когда фонемы *о—ö* встречаются в начале слова, им предшествует слабый губно-губной *в*; перед фонемой же *э* в этих говорах возникает вставочный *й*:

Вост. гов.   *Западн. гов.*   *Лит. яз.*   *Значение в рус. яз.*

<i>брдак</i>	<i>вбрдак</i>	<i>урдак</i>	‘утка’
<i>осма</i>	<i>восма</i> ²⁷	<i>усма</i>	(растение)
<i>обал</i>	<i>вобал</i>	<i>увол</i>	‘грешно’
<i>уры</i>	<i>вуры</i>	<i>уҕры</i>	‘вор’
<i>эчки</i>	<i>йэчки</i>	<i>эчки</i>	‘коза’

В данном случае восточные говоры значительно ближе стоят к литературному языку, чем западные.

В тюркских языках чередование звуков *ш* и *й* как закономерное явление не встречается. Такое чередование отмечается лишь в одном слове в западных говорах Самаркандской области — *ташлади* ‘(он) бросил’ произносится как *тайлади*.

Это явление встречается и в отдельных дастанах сказителя Эргаша Жуманбулбул оглы. В стихах сказителя *ташлади* произносится как *тайлади* и рифмуется со словами *байлади*, *шайлади*:

Эгар-абзал кўймоқ бўлиб чол Соқи
Фиркўк отни яланғочлаб *тайлади*.

²⁷ В произведениях Лутфи, Навои слово *усма* встречается в виде *вусма*; в «Бабур-наме» слово *увол* встречается в форме *вубол*. Это явление характерно и для тюркских говоров Джизакской области.

Бориб, олиб чиқиб Ғирни далага,
Абзал қўймоқчи бўп отни шайлади²⁸.

Старик Саки приготовил коня,
Чтобы оседлать.
Вывел коня на улицу,
И начал седлать его.

Ғиротни деб, ота бундай ўйлама,
Ғирот учун менинг сўзим тайлама.
Омин де, қўлингни кўтар, отажон,
Ғирот учун насиҳат қип сўйлама²⁹.

Отец, из-за Гирата ты так не думай,
Из-за Гирата ты мне не отказывай,
Моли за меня Аллаха, милый отец,
И отдай коня, не отговаривай меня.

Морфологические расхождения

1. В восточных говорах, в частности бахмальском говоре, сложные глаголы типа *барып турды*, *келип турды* употребляются как и в литературном языке, а в байкутском говоре, вообще в большинстве западных говоров, вспомогательный глагол *турды* заменяется глаголом *тўхтади*.

Например:

<i>Бахмал. гов.</i>	<i>Байкут. гов.</i>	<i>Лит. яз.</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>барып турды</i>	<i>барып тохтады</i>	<i>бориб турди</i>	'(он) ходил'
<i>келип турды</i>	<i>келип тохтады</i>	<i>келип турды</i>	'(он) приходил'
<i>қарап турды</i>	<i>қарап тохтады</i>	<i>қараб турди</i>	'(он) смотрел'

Кроме того, сочетание *гапириб ўтирди* в восточных говорах употребляется, как и в литературном языке, в своем основном значении: 'сидел и говорил', а в западных говорах это сочетание означает 'долго говорил', 'без конца говорил'.

2. В бахмальском говоре, и вообще в восточных говорах, направительный падеж 1, 2 и 3-го лица личного местоимения

²⁸ Булбул тароналари, 5-томлик, II ҷ., Тошкент, 1972, 24-бет.

²⁹ Там же, III т., 13-бет.

имеет формы *маған, саған, уған* (на востоке 3-е лицо личного местоимения наряду с *у* имеет еще форму *ў*). Однако это явление почти не встречается в байкутском говоре и вообще в западных говорах.

3. В восточных говорах, в частности бахмальском говоре, сочетание *чайни қуй* употребляется как в литературном языке, а в западных говорах, в частности байкутском говоре, второй компонент этого сочетания *қуй*- заменяется глаголом *суз*-; в литературном языке и в восточных говорах *суз*- употребляется только тогда, когда речь идет о густой пище и вообще предметах; в байкутском же говоре и вообще в западных диалектах этот глагол употребляется и тогда, когда речь идет о жидкой пище, например о воде, чае и т. д. Это явление, по-видимому, объясняется влиянием таджикского языка.

4. В восточных говорах множественное число 1-го и 2-го лица личного местоимения *биз, сиз* совпадает с формой литературного языка, а в западных говорах к этим личным местоимениям еще присоединяется афф. мн. ч. *-лар* в форме *-ар* и употребляется в виде *бизар, сизар*.

5. В восточных говорах, а также в ташкентском, андижанском и в ферганском говорах, совместность действия и знак уважения оформляется, как и в литературном языке при помощи афф. *-и(ш)*; в западных говорах это передается при помощи афф. мн. ч. *-лар*. Например:

<i>Вост. гов.</i>	<i>Западн. гов.</i>	<i>Лит. яз.</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>барышты</i>	<i>бардылар</i>	<i>боришди~бордилар</i>	‘(они) пошли’
<i>келишти</i>	<i>келдиләр</i>	<i>келишди~келдилар</i>	‘(они) пришли’
<i>гапиришти</i>	<i>гапирдилар</i>	<i>гапиришди</i>	‘(они) поговорили’

6. В типично восточных говорах к глаголу III лица никогда не присоединяется афф. мн. ч. *-лар*. В этих говорах значение множественности передается при помощи афф. *-лар*, который присоединяется не к глаголу, а к имени: уважение передается при помощи афф. *-и(ш)* в глаголе. В западных же говорах афф. *-лар* присоединяется к глаголу III лица и передает значение как множественности, так и уважения.

7. В восточных говорах, за исключением пайарыкского, жартепинского (Ургут) говоров, аффиксы винительного и

родительного падежей не смешиваются. В западных диалектах, за исключением найманского и джошского говоров, аффиксы этих падежей, как в городских говорах, так и в говорах окрестностей городов, почти всегда смешиваются. Вернее, почти во всех этих говорах вместо аффикса родительного падежа употребляется аффикс винительного.

8. В восточных говорах хорошо сохранились типичные особенности кыпчакских диалектов. Именно поэтому в них почти не смешиваются аффиксы винительного и родительного падежей. Точно таким же образом в этих диалектах не смешиваются аффиксы местно-временного и направительного падежей.

В западных же диалектах аффиксы винительного и родительного падежей почти всегда смешиваются. Кроме того, в этих говорах, особенно в каттакурганском городском говоре и в говорах района Навои, часто встречается смешение аффиксов местно-временного и направительного падежей.

9. В восточных говорах, как и в литературном языке, при приглашении пойти куда-либо говорят: *юринг* 'пойдем', *кетдик* '(мы) пошли', иногда *хайданг кетдик*; в западных же говорах в этом значении говорят только *хайданг*. Как в восточных, так и западных говорах (на востоке от Галляарала), вместо литературного *бошлаб юринг* 'ведите' употребляется *тартынг* букв. 'тяните'; на западе вместо литературного *гап-лашмоқ* 'разговаривать' употребляется хорезмско-каракалпакская форма *гүрүнглашмак*.

10. В некоторых из типично восточных говоров, например в узунбулакском, чувуллакском и чаянлинском говорах Галляаральского района, встречаются формы глагола *барыңсызлар*, *келиңсызлар*. В западных говорах это не наблюдается.

Из приведенных примеров видно, что архаические особенности кыпчакских диалектов в восточных говорах сохранились больше, чем в западных.

Лексические расхождения

Среди особенностей джекающих говоров населения, проживающего на востоке и западе от города Самарканда, важное место занимают лексические особенности. Это естественно, ибо лексика подвергается изменению больше, чем грамматика. То, что происходит в жизни народа, в первую очередь отражается в лексике. Именно поэтому кыпчакские говоры, носители которых живут в восточной и западной частях от города Самарканда, больше всего отразили в своей лексике

те изменения, которые происходили в жизни населения, говорящего на этих говорах.

Приведем примеры, иллюстрирующие те расхождения, которые имеются в лексике восточных и западных говоров.

*Вост. гов.   Западн. гов.   Лит. язык   Значение
в рус. яз.*

<i>чал</i>	<i>бабай</i>	<i>чол</i>	‘старик’
<i>кәмпир</i>	<i>мамай</i>	<i>кампир</i>	‘старуха’
<i>бүрчәк</i>	<i>күнжәк</i>	<i>бурчак</i>	‘угол’
<i>этак, пәст</i>	<i>адақ</i>	<i>қуйи; пәст</i>	‘низ’
<i>бала</i>	<i>бәччә</i>	<i>бола</i>	‘ребенок’, мальчик’
<i>сүхбәт,</i>	<i>гәпхана,</i>	<i>сухбат,</i>	‘беседа’
<i> хәңгәмә</i>	<i> гүрүн</i>	<i> хангома</i>	
<i>брик</i>	<i>зардалы</i>	<i>үрик</i>	‘урюк’
<i>күйәв</i>	<i>дамат</i>	<i>куёв</i>	‘зять’
<i>вақ(т),</i>	<i>пиллә</i>	<i>вақт, палла</i>	‘время’
<i>пәллә</i>			
<i>қоңғышы</i>	<i>хәмсәйә</i>	<i>құшни</i>	‘сосед’
<i>жора,</i>	<i>хәмрәй </i>	<i>жұра (йәлдош)</i>	‘спутник’
<i>жолдаш</i>	<i> хәмпирәй</i>	<i>хамроқ</i>	
<i>бузав</i>	<i>гбсәлә бузав</i>	<i>бузоқ</i>	‘теленок’
<i>жағач,</i>	<i>чбп</i>	<i>ёғоч</i>	‘лес’
<i>ағач</i>			
<i>сийир</i>	<i>инәк сыр</i>	<i>сигир</i>	‘корова’
<i>пақта</i>	<i>пахта</i>	<i>пахта</i>	‘хлопок’
<i>уйқысы</i>	<i>ыйқысы</i>	<i>уйқуси</i>	‘его сон’
<i>топпы </i>	<i>қалмақ, кәлә-</i>	<i>дүппи</i>	‘тубетейка’
<i>тақйа</i>	<i>пәш</i>		
<i>гәң нуры</i>	<i>нуры пары</i>	<i>гүнг</i>	‘навоз’
<i>шым</i>	<i>чалвар</i>	<i>шим</i>	‘брюки’
<i>тәшләди </i>	<i>тәйләди</i>	<i>ташлади</i>	‘(он) бросил’
<i>тәштәди</i>			
<i>гәпләшмәк</i>	<i>гүрүнләшмәк </i>	<i>гаплашмоқ</i>	‘разговаривать’
	<i>гәпхана қыл-</i>		
	<i>мақ</i>		

Эти примеры свидетельствуют о том, что говоры, входящие в восточную группу, и в лексическом отношении стоят ближе к литературному языку. Кроме того, они показывают, что почти все лексические особенности бахмальского и галляаральского говоров совпадают с джекающими диалектами, носители которых живут в восточной стороне от города Самарканда. Иначе говоря, названные говоры могут служить

типичным примером джекающих диалектов, входящих в восточную группу.

В течение двадцати лет мы изучаем характерные языковые особенности кыпчакских говоров. За это время, безусловно, в жизни их носителей, следовательно и в языке, произошли существенные изменения. Кыпчакские говоры интенсивно теряют характерные особенности, приближаясь к литературному языку и отдельным ведущим диалектам. Происходит процесс смешения говоров и диалектов, их нивелировка.

В настоящее время постоянно уменьшается количество лиц, сохранивших характерные языковые особенности кыпчакских говоров и чисто разговаривающих на каком-либо из них. Что касается молодежи, то ежегодно увеличивается число говорящих на литературном языке. Среди молодых людей, некогда принадлежащих к носителям джекающих диалектов, сейчас невозможно найти человека, который такие слова, как *ёмон* плохой, *яхши* хороший, произносил бы в виде *джаман*, *джақши* с начальным *дж*. Следует отметить, что постепенно стираются также характерные черты отдельных этнических групп.

Исследуя особенности кыпчакских говоров, мы ставили задачу:

— собрать материал о характерных особенностях кыпчакских говоров;

— изучить историю развития этих говоров, установить их отношение к узбекскому литературному языку, выявить их участие в формировании национального языка;

— всесторонне изучая их особенности, выявить языковое богатство и показать возможности его использования в процессе развития современного узбекского литературного языка.

Ниже подробно остановимся на характерных фонетических, морфологических и лексических особенностях кыпчакских говоров. В ряде случаев сопоставим их с нормами литературного языка и особенностями некоторых других говоров; изложим свои соображения о том, каким образом лексические и стилистические возможности могут быть использованы для обогащения нашего литературного языка.

СОСТАВЛЕНИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ И АТЛАСА

В Самаркандской и Джизакской областях Узбекской ССР представлены все типы народных говоров, которые имеются в Узбекистане. Поэтому составление диалектологического

словаря, анкеты и атласа этих областей требует значительных усилий. Здесь самаркандскими диалектологами достигнуты значительные успехи. Прежде всего следует отметить, что подготовлены материалы словника диалектологического словаря, состоящего примерно из 3000 диалектных слов, терминов и устойчивых сочетаний. Известно, что фразеологизмы имеют огромное значение для изучения не только истории узбекского языка и исторической диалектологии, но и для изучения истории других тюркских языков, а также могут служить материалом для обогащения литературного языка и его стилей. Поэтому помимо общего словаря диалектных слов мы составили также отдельный словник диалектных фразеологизмов, состоящий примерно из 1200 устойчивых сочетаний.

Основной состав слов (75—80%) в словниках содержит материалы кыпчакских диалектов. Именно в кыпчакских диалектах Самаркандской и Джизакской областей сохранились архаические формы и специфические черты в гораздо большем количестве, чем в других говорах.

* *
*

Для составления вопросника диалектологического атласа Самаркандской и Джизакской областей в течение ряда лет нами использовался его рабочий вариант.

В этот вопросник входит более 200 вопросов, затрагивающих характерные явления в области фонетики, лексики и грамматики (в основном морфологии) не только кыпчакских, но и всех народных говоров Самаркандской и Джизакской областей.

Материалы, собранные по данному вопроснику, могут служить для выяснения изогласс и ареалов не только узбекских народных говоров, но и большей части тюркских диалектов вообще. Приведем некоторые вопросы:

По фонетике:

1. Сколько гласных имеется в данном говоре? (Вопрос этот обусловлен тем, что число гласных в узбекских народных говорах колеблется от 5—6 до 9—10, а иногда может быть и больше. Например в некоторых говорах передний *ö* и задний *o* различаются, а в других они слиты в один *ö* передний. Аналогичное положение характерно и для звуков *y* и *ü*).

2. Различаются ли в говорах передний *ö* (*ü*) и задний *o* (*u*)? (В скобке дополнительно вопрос: как произносятся слова *ғүза*, *үтин*, *құл*, *күл*? Различается ли *ü* в этих словах по звучанию?).

3. Различаются ли в говоре согласные *x* и *қ*? Как произносятся в говоре слова *пахта*, *тахта*, *хола*, *хотин*, *халқ* и т. д.?

4. Как произносятся слова *уйқу*, *улуш*, *ука*, *пул*, *кул* (через *u* или через *и*?).

5. Соотношения *й* или *ҕ* (*г*) в середине и в конце слова например: *эгар* или *ийэр*, *тав* или *тоғ*, *тугма* или *түймә*, *сигир* или *сийир*, *эллик* или *эллүв*, *бүёқ* или *бойав*? и т. д.

6. Встречается ли случай выпадения *қ*, *к* в конце слова (например, слова: *ыссы*, *сары*, *қуры*, *өли*, *тири*)?

7. Встречаются ли звуки *ф*, *х* в говоре или они заменяются другими?

Несколько вопросов даются на чередование и замену гласных звуков.

По фонетике в вопроснике содержится более 70 вопросов.

По лексике:

После десяти общих вопросов, направленных на уточнение специфических сторон лексики говора, задаются вопросы следующего типа:

1. Как вы зовете отца (*ата*, *дәдә*, *әдә*, *әкә* и т. д.)?

2. Как называете отца Вашего отца, т. е. деда (*баба*, *бава*, *бүвә*, *кәттә ата*, *ата*, *апақи* и т. д.)?

3. Как называете дядю по отцу (*әмәки*, *әкә*, *ава*, *дайы*)?

4. Как называете дядю по матери (*таға*, *дайы*)?

5. Как называете детей тети по матери (*бөлә*, *халә-вәччә*)?

6. Как называете свою мать (*ана*, *ойи*, *айә*, *буви*, *эна*, *апа*)?

7. Как называете бабушку (*мама*, *ача*, *эна*, *катта эна*, *буви*)?

8. Как называете в данном говоре корову (*сигир*, *сийир*, *гав*, *инак*)?

9. Как называется теленок (*бузақ*, *бөзав*, *бозак*, *жөга*, *госала*)?

10. Как называется мята (*ёлпиз*, *жалпыз*, *пидина*, *хилво*)?

11. Как называется урюк (*өрик*, *туршак*, *зардалы*)?

12. Как называется люцерна (*беда*, *от*, *йонғичка*)?

13. Как называется сандал (*сандал*, *сандали*, *танча*)?

14. Как называется мяч (*топ*, *топпи*, *копток*)?

15. Как называется райхан (*райхан*, *назбойи*)?

16. Как называется тюбетейка (*доппы, топпы, қалпақ, калапш, тахия*)?

17. Как называется угол (*бурчак, кунжак*)?

18. Как в вашем говоре называется стройматериал (лес) (*тақта, тахта, ағач, чоп*)?

19. Как называется звезда (*юлдуз, илдиз, жылдыз, йилдиз*)?

20. Как называется теплая вода (*иссиқ сув, илиқ сув, жылы сув, йили сув* и т. д.)?

21. Как называется в говоре сновидение (*туш көрмәк, тиш көрмәк, уйки кормак*)?

22. Как называется веник (*супурги, шибиртки, шипирги, жөрәп*)?

23. Как называются носки (*пайпақ, жилап*)?

24. В каком значении употребляется глагол раздевать (*ечмак, чечмак, суғурмоқ, чиқармақ*)?

25. Как называется ручей (*булақ, былақ, чашма*)?

По лексике в вопроснике содержится около 100 вопросов.

По морфологии:

Вопросы по морфологии уточняют все падежные и другие аффиксы.

1. Сколько вариантов имеет тот или иной падежный аффикс?

2. Имеется ли тот или другой вариант в данном говоре?

3. Смешиваются ли родительный и винительный, датель-но-направительный и местные падежи?

4. Какие формы (варианты) *-лар* имеются в говоре *-лар/ -ләр, -нар/-нәр, -сар/-сәр, -зар/-зәр, -ла/-лә, -а/-ә*?

По морфологии в вопроснике дано более 50 вопросов.

* * *

*

В качестве подсобного материала для составления диалектологического атласа необходимо изучение и некоторых этнографических признаков. Такая практика даст возможность составить наряду с диалектологическим атласом и этнографическую (точнее, лингво-этнографическую) карту, поможет лучше определить изоглассы и ареалы. Поэтому в вопросник были включены вопросы, касающиеся и этнографии.

1. Чем сейчас занимается население, говорящее на данном говоре, и чем занималось до Октябрьской революции?

2. Кочевую или оседлую жизнь вело оно до Октябрьской революции?

3. К какому роду или племени (или подразделению) относилось оно себя до Октябрьской революции?

4. Какие племенные или родовые подразделения сохранились в памяти людей в данном районе?

5. Какую одежду одевают женщины в дни траура (повязывают ли женщины белый платок во время траура)?

6. Какие обряды совершаются во время тоя или свадьбы (жгут ли костры, сажают ли невесту на лошадь, собирают ли деньги у близких)?

7. Какие песни поют во время свадьбы или тоя? Поют ли «Ёр-ёр» во время свадьбы, если «да», приведите примеры.

8. Как укладывают косы девушки и как невестки?

9. Какого цвета одежду (платья) носят обычно молодые женщины — красную или любую? Позволяется ли женщинам одевать черное (когда нет траура)?

10. Надевают ли мужчины зеленую тюбетейку во время траура?

11. Надевали ли раньше молодые женщины джелак?

12. Надевали ли раньше женщины паранджу?

13. Какой вид кураша (ферганский или бухарский, т. е. с определенными правилами или вольный) встречается в кишлаке?

14. Какой встречается вид купкари?

15. Играли ли мальчики в альчики?

16. Позволялось ли называть невестке в новом доме людей по имени? Имеет ли она право называть детей по имени?

17. Подают ли женщины свою руку, когда они здороваются с мужчинами? Как они здороваются со своими близкими, родственниками, мужчинами?

18. Как должна говорить невестка с маленькими детьми: на «ты» или на «вы»?

19. Как приветствует женщина мужчину и какие она при этом употребляет слова приветствия (ассалом, келинг, ҳорманг)?

20. Дают ли кушать горячие блюда посетителям, почтившим в день кончины покойного или это делают только через три дня?

В вопроснике имеется около 50 вопросов по этнографии.

Изучение говоров Самаркандской и Джизакской областей позволят усовершенствовать нормы узбекского литературного языка, обогатить художественную стилистику, внести предложения по улучшению и совершенствованию нынешней узбекской орфографии и алфавита. Этого можно достигнуть за счет использования богатств кыпчакских диалектов.

О формировании литературного языка Навои

Обычно, когда речь идет о языке узбекской классической литературы, о языке Навои и его современников, говорят о влиянии уйгурской литературной традиции, об уйгурских и огузских элементах, но почти не упоминают о кыпчакских элементах, несмотря на то, что они сыграли и продолжают играть важную роль в развитии узбекского литературного языка.

По вопросу формирования языка Навои А. К. Боровков писал: «Самым замечательным с этой точки зрения является тот факт, что Алишер Навои окончательно порвал с «восточными» древнеуйгурскими традициями в языке»³⁰.

Некоторые ученые, например А. Н. Самойлович³¹, Э. Н. Наджип³² и другие, считают, что литературный язык Алишера Навои сложился на базе старуюйгурского и кыпчакско-огузского литературных языков, оформившихся в XIII—XIV вв. в Золотой Орде и на нижнем течении Сырдарьи — в Белой Орде. О кыпчакских элементах в староузбекском языке еще в 1930 г. писал А. Н. Самойлович³³. В 1966 г. В. М. Жирмунский убедительно доказал, что «джеканье» в произведениях на староузбекском литературном языке занимает значительное место³⁴. Независимо от многочисленных высказываний, нельзя считать, что в вопрос, связанный с историей формирования литературного языка, на котором писали Навои и его современники, внесена полная ясность и он решен окончательно. В частности, остается невыясненным вопрос о месте и роли, об участии кыпчакских диалектов в формировании и дальнейшем развитии староузбекского литературного языка. Имеющиеся высказывания ученых противоречивы.

Узбековеды единодушно утверждают, что Алишер Навои — основоположник староузбекского литературного языка.

---

³⁰ А. К. Боровков. Указ. соч., стр. 104.

³¹ А. Н. Самойлович. Указ. соч., стр. 1—23.

³² Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века, М., 1965.

³³ А. Н. Самойлович. Указ. соч., стр. 4—23.

³⁴ В. М. Жирмунский. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов, «Тюркологический сборник», М., 1966, стр. 60—61.

Они присоединяются к существующему мнению о том, что староузбекский литературный язык формировался в XIII в.

Правы те ученые, которые начало формирования староузбекского литературного языка относят к XI в. В самом деле, в XI в. созданы такие крупные литературные произведения, как дидактическая поэма «Қутадғу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгари, который содержит более трехсот двестишестидесяти, основная часть которых без всякого сомнения, взята из письменной литературы. Однако этот литературный язык мы не должны считать исключительно узбекским. Литературный язык, на котором созданы названные произведения, принадлежит всем тем народам, которые в тот период жили на современной территории Средней Азии, в Восточном Туркестане, Семиречье. Следовательно, он является общим достоянием узбеков, уйгуров, каракалпаков, казахов, туркмен. Современный узбекский народ — один из основных наследников этого литературного языка.

Следует согласиться с теми учеными, которые считают, что староузбекский язык оформился в XV в.

Литературный язык XIII—XIV вв. поражает многих исследователей своей близостью к современному общенародному узбекскому разговорному языку. Язык произведений Навои отличается сложностью. Однако это не опровергает мнения о том, что Алишер Навои является основоположником староузбекского литературного языка, а лишь требует разъяснения.

Наши наблюдения показывают, что язык предшественников Навои — вполне оформившийся литературный язык и характеризуется близостью к общенародному узбекскому языку.

То же самое можно сказать и о языке старших современников Навои — Лутфи, Саккаки, Амири, Ходжанди и др. Лирические стихи этих поэтов отличаются высокой художественностью и светским содержанием. Язык и этих поэтов очень близок к общенародному языку. В лексико-грамматическом строе их видное место занимают кыпчакские языковые элементы, с некоторым влиянием огузских.

Из вышеизложенного видно, что староузбекский язык действительно оформился как литературный до Навои. Но дальнейшее развитие он нашел в великих произведениях поэта. Язык Навои — вершина староузбекского литературного языка. На этом вполне оформившемся языке поэт создал свои бессмертные произведения, которые вошли в золотой фонд всемирной литературы. Староузбекский литературный язык На-

вои поднял до уровня арабского и персидского языков, которые были самыми совершенными языками того времени, усовершенствовал поэтико-изобразительные средства узбекского литературного языка. Алишер Навои создал много новых форм, объединил разнородные литературные языки, которыми пользовались различные племена на огромной территории Средней Азии и за ее пределами, создал не только для узбеков, но и для многих тюркоязычных племен единый литературный язык. Поэтому он вполне правильно говорил в поэме «Фархад и Ширин»:

Турк назмида мен чу тортиб алам,
Айладим ул мамлакатни якқалам.

Или:

Трудясь в области тюркской поэзии,
Я объединил эту страну под одним пером.

Олибмен тахти фармонимға осон
Черик чекмай Хитодин то Хуросон.
Хуросон демаким, Шерозу Табриз,
Ки қилмишдур найи килким шакаррез.
Қўнгул бермиш сўзимга турк, жон ҳам,
Не ёлғуз турк, балким туркмон ҳам³⁵.

Легко завоевал я без всяких войск (силой своего
пера) границы,

Начиная от Китая до Хорасана.
И не только до Хорасана, а также до Шераза
и до Табриза.

Душой и сердцем слушают мои слова все —
И тюрк, и (азербай)джан, и туркмен.

В завершающем бейте «Фархад и Ширин» поэт утверждает:

Агар бир қавм, гар юз, йўқса мингдур,
Муайян турк улуси худ менингдур...
Қўнгул бермиш сўзимга турк, жон ҳам,
Не ёлғуз турк, балким туркмон ҳам³⁶.

Все тюркские племена, независимо от того, йуз
они или минг,

---

³⁵ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 7-том, Тошкент, 1964, 414-бет.

³⁶ Алишер Навоий. Там же.

Принадлежат мне.
Полюбили мои произведения и тюрки,
и азербайджанцы,
И не только тюрки, но и туркмены.

В области усовершенствования литературного языка ни до Навои, ни после него никто не сделал столько, сколько сделал Алишер Навои. В этом смысле мы называем его основоположником староузбекского литературного языка. После Навои этот литературный язык в течение нескольких столетий не претерпел каких-либо значительных изменений.

То, что язык предшественников Навои, литературный язык XIII—XIV вв., значительно ближе к современному узбекскому языку, чем язык Навои, мы объясняем тем, что в произведениях поэта освещаются весьма сложные литературные, научные, философские вопросы, которые требовали особых языковых средств выражения. Наконец, сказывается влияние той среды, в которой жил и творил поэт. Кроме этого, литературный язык, на котором писали до Навои, создан был на территории Белой Орды, где жили в основном кыпчаки. Язык же Навои развивался в северном Афганистане (далеко от Белой Орды), где сказывалось значительное влияние арабского и персидского языков. К тому же это объясняется, по нашему мнению, приходом в начале XVI в. кочевых узбекских племен из низовьев Сырдарьи и захватом ими территории Средней Азии. Относительно характера языка произведений великого поэта со времен Захир-ад-дина Бабура до сих пор идет спор. Бабур считал, что язык произведений Навои близок к языку населения Андижана. По его утверждению: «Эли (Андижана.— Х. Д.) туркдур. Шаҳар ва бозори-сида туркий билмас киши йўқтур. Элининг лафзи қалам би-ла росттур».—('Население его тюрки. В городе и на базаре нет человека, который бы не знал тюркский язык. Язык населения совпадает с литературным языком')³⁷. Далее Бабур говорит: «Ани учунким Мир Алишер Навоий-нинг мусаннафоти бовужудким Ҳирида нашъу намо толиптур, бу тил биладур» 'Поэтому произведения Мир Алишера Навои, хотя и созданы в Герате, написаны на этом языке'³⁸.

А. Ю. Якубовский считает возможным совпадение языка произведений Навои с разговорным языком Андижана, который был одним из культурных очагов средневековья³⁹.

³⁷ Б о б и р. Бобирнома. Тошкент, 1960, 60-бет.

³⁸ Там же.

³⁹ А. Ю. Якубовский. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. Сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 6.

До настоящего времени нет исследования, в котором бы анализировался язык Навои в сравнительном плане с языком населения современного Андижана. Эта проблема осложняется тем, что арабский алфавит, которым пользовался Алишер Навои, не отражал фонетического состава языка того времени.

Язык произведений поэта сохранился без всяких изменений, дошел до нас в первоначальном виде. Что касается языка населения Андижана, то, как всякий живой язык, он значительно изменился в результате процессов интеграции и дифференциации. Он испытал влияние пришедших на современную территорию Узбекистана многочисленных новых тюркоязычных и тюркизированных племен из современного Семиречья, Кыпчакских степей южной России и кочевых узбекских племен из Белой Орды.

По этим причинам очень трудно изучить язык произведений Навои в сравнительном плане с языком современного населения Андижана и всего Узбекистана.

Вокализм языка произведений Алишера Навои

Результаты исследования староузбекского литературного языка и, в основном, языка произведений Алишера Навои, показали, что кыпчакские диалекты принимали активное участие не только в развитии современного узбекского литературного языка, но и в формировании староузбекского литературного языка, в том числе, языка произведений Алишера Навои. Это мнение подтверждается многочисленными фактами как лексико-грамматическими, так и фонетическими.

Например, как теперь уже установлено, состав гласных языка Алишера Навои в целом почти совпадает с составом гласных кыпчакских диалектов. Сингармонизм языка его произведений также в основном совпадает с сингармонизмом в кыпчакских говорах узбекского языка.

При изучении языка произведений Навои особую трудность представляет вопрос об установлении фонетической системы языка. Если можно было бы установить фонетическую систему языка произведений Навои, то появилась бы возможность сравнить их язык с Андижанским говором с учетом исторических изменений.

Когда речь идет об определении звукового состава языка произведений Навои, в первую очередь встает вопрос о сингармонизме, который является самой характерной особенностью тюркских языков. Закон гармонии гласных почти

полностью сохранился во многих кыпчакских говорах современного узбекского языка.

Над вопросом, сохранился ли этот закон в языке Навои, в течение многих лет работали и работают сейчас многие советские и зарубежные тюркологи.

А. К. Боровков пишет, что многие тюркологи, в том числе и такой крупный языковед, как П. М. Мелиоранский, пришли к выводу о невозможности точно определить звуковой состав языка произведений Навои. Он пишет: «существование многих диалектов при жизни Алишера Навои не вызывает сомнений; однако чтобы ближе и точнее определить особенности языка Алишера Навои и ближайшие параллельные черты в современных узбекских говорах, следовало бы выяснить в первую очередь звуковую сторону в языке Навои. Но это не так просто. Арабский алфавит затемняет особенности произношений настолько, что такой блестящий тюрколог, как проф. Мелиоранский, в свое время почти безнадежно высказался о возможностях в этой части»⁴⁰.

Однако работавшие в дальнейшем в этой области К. К. Юдахин, В. В. Решетов, Ф. А. Абдуллаев, А. Рустамов и сам А. К. Боровков позже пришли к убеждению, что в языке произведений Навои закон гармонии гласных сохранился, хотя уже в тот период он начал нарушаться⁴¹.

А. Рустамов пишет: «В языке Навои в основном действуют законы сингармонизма, но начинается подготовка почвы для их нарушений»⁴².

На самом деле, несмотря на то, что в отдельных случаях в языке произведений Навои закон гармонии гласных нарушался, в целом этот язык сингармоничен. Это подтверждают наши исследования.

К. К. Юдахин в 1929 г. в своей статье «Материалы к звуковому составу чагатайского языка»⁴³ предложил оригинальный метод по выяснению звукового состава произведений Навои и его современников. Он предлагает анализировать рифмовку туюгов Навои и его современников и установить, рифмуются ли в этих туюгах заднеязычные с переднеязычными. По его мнению, если заднеязычные рифмуются с переднеязычными, то можно будет установить, что Навои и его современ-

⁴⁰ А. К. Боровков. Указ. соч., стр. 106.

⁴¹ Ф. А. Абдуллаев. Алишер Навоий асарлари тилида унли товушлар уйғунлиги масаласига доир. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1966, № 5; В. В. Решетов. Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959, стр. 22.

⁴² А. Рустамов. Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1966, стр. 46.

⁴³ К. К. Юдахин. «Культура и письменность Востока», 1929, № 5.

ники не различали разницу между этими звуками. Анализируя таким образом туюги Навои и других узбекских классиков, К. К. Юдахин приходит к твердому убеждению, что количество гласных в изученных произведениях не превышало шести, что закон сингармонии гласных в их языках не соблюдался, что они не отличали заднеязычных гласных от переднеязычных.

Если это так, то можно сделать вывод о том, что количество гласных в языке Навои и его современников совпадает с количеством гласных звуков самаркандских и бухарских городских говоров. К. К. Юдахин, сопоставляя полученные им результаты с современными узбекскими говорами, считает, что по составу гласных язык произведений Навои приближается к некоторым из шестигласных говоров современной Ферганы.

Независимо от правильности такого метода исследования и полученных результатов, это было первой попыткой определить звуковой состав языка произведений Навои. Однако такой метод анализа вызвал сомнение некоторых тюркологов. Например, А. К. Боровков оценил такой эксперимент следующим образом: «Эта очень соблазнительная мысль может быть подвергнута сомнению в силу того, что для доказательства ее привлечены четверостишия — туюги поэтов хронологически и географически весьма далеких друг от друга»⁴⁴. А. К. Боровков считает, что К. К. Юдахин в своем эксперименте не учел того, что говоры различных периодов и различных территорий имеют специфические особенности, характерные только для них.

Метод К. К. Юдахина не решает сложный вопрос состава гласных, но открывает путь к дальнейшим исследованиям.

Безусловно, эксперимент К. К. Юдахина, как первая попытка в области определения состава гласных в произведениях Навои, заслуживает серьезного внимания. Однако, с нашей точки зрения, прав А. К. Боровков. В самом деле, часто в стихах, в том числе и в туюгах, рифмуются слова с переднеязычными и заднеязычными гласными. Это особенно часто отмечается в народных дастанах, в устном народном творчестве. Независимо от такой рифмовки, каждое из этих рифмующихся слов в большинстве говоров произносится по-разному. Так и у Навои рифмующиеся в его стихах *от* 'желчь' и *от* 'огонь' едва ли в разговорной речи произносились одинаково.

---

⁴⁴ А. К. Боровков. Указ. соч., стр. 104.

В дальнейшем вопросом системы гласных языка Навои занимался А. К. Боровков. Он, ссылаясь на сопоставительный анализ системы гласных в тюркском и персидском языках в произведении Навои «Муҳокаматал-луғатайн», говорит, что в языке поэта, по-видимому, было восемь гласных и сопоставляет их с гласными кокандского и андижанского говоров:— гласные в андижанском говоре — *и—ы, у, е, о—ö, а—ä (а)*;— гласные в языке Навои, по А. К. Боровкову,— *і, и—й, е, о—ö, а—ä*⁴⁵.

А. К. Боровков отмечает, «что звуковой состав языка Алишера Навои в части гласных отличается от современных нам говоров ташкентского, бухарского и самаркандского типа и может быть сопоставлен скорее с современными ферганскими говорами андижанского и кокандского типа, в которых сохраняется, в частности, противопоставление гласных *о* (в Коканде) и *и* (в Андижане) заднего и переднего ряда»⁴⁶.

Продолжая свою мысль, А. К. Боровков далее пишет: «Если рассматривать, следовательно, литературный язык Алишера Навои с точки зрения отношения к современным узбекским диалектам, то мы должны были бы отнести его к промежуточным говорам, утратившим принципиально сингармонистический уклад, но сохранившим элементы различения гласных *о/ö* и *и/й*. Уточняя еще больше этот вопрос, мы можем прийти к тому заключению, что ближайшей основой литературного языка Навои был один из подвергшихся некоторому смещению говоров, родственных ферганским»⁴⁷.

Эксперимент А. К. Боровкова был серьезным шагом вперед в вопросе выяснения системы гласных языка Навои. Его выводы, к которым он пришел, не вызывают возражения. Нельзя только согласиться с утверждением ученого о наличии в кокандском говоре двух заднеязычных *а*, один из которых неогубленный чистый звук, а другой — огубленный. По нашему мнению, здесь смешивается основной звук, фонема, с его вариантом.

А. К. Боровков считает, что заднеязычный *а* в языке Навои не подвергся влиянию лабиализации. Мы в принципе присоединяемся к выводам А. К. Боровкова о вокализме в языке Навои. Однако, с нашей точки зрения, заднеязычный *а* в языке Навои уже в то время до некоторой степени подверг-

⁴⁵ А. К. Боровков. Указ. соч., стр. 105.

⁴⁶ Там же, стр. 106.

⁴⁷ Там же, стр. 106, 107.

ся лабиализации и не был чистым звуком. Вернее он состоял из двух вариантов, в некоторых позициях участвовал один из этих вариантов и выполнял функцию фонемы.

Точно также и в современном кокандском говоре заднеязычный *a* — лишь одна фонема, выступающая в различных позициях в виде двух вариантов одной фонемы. В противном случае огубленный *á* (ǝ) вместе с задним *o* являлись бы двумя огубленными фонемами и, таким образом, одна исключала бы другую.

Здесь необходимо учесть еще одно обстоятельство. Фонетическая система андижанского и кокандского говоров со времен Навои, безусловно, значительно изменилась. А. К. Боровков, критикуя точку зрения К. К. Юдахина, почему-то не удел это обстоятельство в своих выводах.

По мнению В. В. Решетова, староузбекский литературный язык, по-видимому, был тесно связан с городскими говорами Андижана, Маргелана, Ферганы⁴⁸. Он не видит больших расхождений между выводами К. К. Юдахина и А. К. Боровкова и считает, что, по-видимому, еще во времена Навои в андижанском говоре сингармонизм был нарушен.

Таким образом, некоторые советские тюркологи, которые изучали фонетический состав языка Навои, приходят к выводу о том, что в языке поэта не соблюдался закон гармонии гласных, но парные гласные отличались друг от друга и имели словоразличительное значение.

В области изучения фонетической системы языка Навои и вообще староузбекского литературного языка работали и зарубежные ученые. Например, Янос Эккман считает, что в языке Навои соблюдался закон гармонии гласных, и фонетическая система его языка состояла из девяти гласных звуков⁴⁹. По его мнению, в языке Навои имеются следующие гласные звуки: *i—ĩ, e, ä—a, ü—u, ö—o*. Но свое мнение он не аргументирует. Если ему верить, то фонетическая система языка Навои ничем не отличается от фонетической системы современных кыпчакских говоров узбекского языка или современного азербайджанского и турецкого языков.

Мы присоединяемся к мнению ученых о том, что в языке произведений Навои сингармонизм полностью сохранил свою силу. О наличии сингармонизма в языке Навои свидетельствует употребление парных аффиксов. Например, аффиксы:

---

⁴⁸ В. В. Решетов. Узбекский язык, ч. I. Ташкент, 1959.

⁴⁹ J. Eckman. Das Tschagataische. Philologiae Turcicae Fundamenta, Wiesbaden, 1959.

-мақ, -ған в зависимости от корня или основы употребляются в двух вариантах, как -мақ и -ма̋к, -ған и -га̋н. Это свидетельствует о том, что в языке Навои сингармонизм все же играл важную роль. При тщательном изучении произведений Навои установили, что почти все аффиксы употребляются в чих в двух, задних и передних, вариантах; *ған—га̋н, рақ—ра̋к, ғыл—гил, ғач—гәч, ға—гә, қа—кә/гә, ғай—гәй, дақ—дәк, мақ—ма̋к* и т. д. Установление этого факта, в свою очередь, помогает нам правильно определить количество гласных фонем в языке Навои.

По закону гармонии гласных характер гласных фонем аффикса определяется в соответствии с характером аналогичных гласных корня или основы.

С целью определения характера гласных корня тщательно изучили характер гласных в аффиксах в произведениях Алишера Навои и взаимосвязь этих гласных с согласными. Выяснилось, что не только характер гласных и согласных аффиксов зависит от характера гласных корня, но и не отраженный на письме характер гласных корня можно восстановить через его отражение в аффиксальных гласных и согласных. К такому утверждению мы пришли в результате анализа обратного действия гармонии гласных и остаточных явлений сингармонизма в аффиксах, встречающихся в языке произведений Алишера Навои.

Итак, мы пришли к выводу, что закон сингармонизма, отсутствующий в современном узбекском литературном языке и присущий современным кыпчакским диалектам, в основном был сохранен и в языке Алишера Навои, правда, с некоторыми нарушениями, имевшими место преимущественно в словах арабского и персидского происхождения. Исходя из этого сделали заключение, что девятигласная фонемная система вокализма, а также все парные гласные (в том числе *и—ы*) тюркских языков были сохранены в языке Алишера Навои и в староузбекском литературном языке в целом.

Особенно примечательны, как нам кажется, в вопросе сохранения отличия узких гласных *и—ы* два примера, которые приведены Алишером Навои в «Муҳокаматул-луғатайн», не там, где он характеризует *ى* *ёй*, а там, где он перечисляет сто тюркских (узбекских) глаголов, эквиваленты которых, как он полагает, трудно найти в персидском языке. Это глаголы *сийланмоқ* 'угощаться' и *сизғурмоқ* 'горевать'⁵⁰. Как видно теперь из характера гласных в аффиксах, гласные в

⁵⁰ Алишер Навоий. Указ. соч. т. 14, стр. 108.

корнях обоих этих глаголов являются заднерядными, т. е. твердыми, потому что гласные аффиксов обоих этих глаголов являются твердыми, заднерядными.

Поскольку в современном узбекском литературном языке и в языке произведений Алишера Навои имеются многочисленные примеры на ту же позицию гласного в корне, но другого ряда, другого звучания и другого значения (т. е. все три условия выделения как самостоятельной фонемы налицо), то можем утверждать, что в глаголах *сийланмоқ* и *сизгурмоқ* в корне представлены самостоятельные узкие фонемы заднего ряда, т. е. *ы* вместо часто встречающейся переднерядной самостоятельной узкой фонемы *и*.

Опираясь на исследование других тюркологов и на свои собственные, мы поставили цель выяснить, какие фонемы являются самостоятельными и какие — вариантами. В языке Навои установлены 11 гласных фонем, из которых 9 являются самостоятельными, а остальные лишь вариантами отдельных самостоятельных фонем.

Вероятно, в ряде случаев расхождение в количестве гласных происходит потому, что некоторые ученые варианты одного и того же гласного считают за самостоятельные фонемы, в результате чего количество гласных в языке Навои доходит до 11.

Навои, безусловно, различал заднеязычный *ы* в словах типа *қыш* 'зима', *тыш* 'внешность' от переднеязычного *и* в словах типа *киши* 'человек', *тиш* 'зуб' и т. д. не только в первом слоге, где имеются разные фонетические позиции, но и во втором слоге, где отмечаются только одинаковые фонетические позиции. Мы считаем, что в языке Навои звук *ы*, по-видимому, был самостоятельной фонемой, а не задним вариантом переднего *и*. Тогда для вокализма Навои получаем 11 звуков, из которых девять являются самостоятельными фонемами, а два — вариантами соответствующих фонем. Это в случае, если *ы* считать самостоятельной фонемой. Показатели полученных фонем следующие: *и* (*и:*), *ы*, *у—ў*, *е*, *ө—о*, *ә—á* (э).

Такое определение количества фонем (девять) в вокализме языка Навои совпадает с количеством фонем не только в кыпчакских диалектах, но и в современном андижанском диалекте⁵¹.

Однако, по нашему наблюдению, в отдельных говорах города Андижана имеются не девять, а лишь восемь самостоя-

⁵¹ С. Ибрагимов. Андижанский диалект. Ташкент, 1967.

тельных гласных фонем. Ибо андижанцы чисто заднеязычный *y* не различают от переднеязычного *y̆*: одинаково произносят *y̆ч*, 'три' и *уч* 'летать', но, как в кыпчакских диалектах, различают *туз* 'соль' и *т̆уз* 'наладить'. Что касается заднеязычного *o* и переднеязычного *ö*, то существование этих звуков как самостоятельных фонем не вызывает сомнения. Самостоятельное существование этих фонем подтверждается и самим Навои в «Муҳокаматул-лугатайн», когда он говорит, что *اوت* употребляется в тюркских языках в четырех значениях⁵².

Следует отметить, что звуки *o—ö*, которые 500 лет тому назад различал Навои, не различают некоторые наши современники (деятели искусства и культуры) и одинаково произносят их как переднеязычные. В этом не в малой степени виновата орфография, которая одним лишь знаком передает эти совершенно различные звуки.

Люди, говорящие на андижанском говоре, ясно различают парные фонемы, в том числе переднеязычный *ö* и заднеязычный *o*. Однако в последнее время почти во всех городских говорах четко прослеживается тенденция произносить все гласные как переднеязычные. В результате этого и в андижанском говоре наблюдается смешение заднеязычных фонем с переднеязычными.

Значит, в XV в. как в андижанском говоре, так и в языке Навои, существовали парные гласные и ясно различались переднеязычные от заднеязычных гласных звуков. Возможно, не различали эти гласные лишь тюркизированные таджики.

В то же время следует иметь в виду то обстоятельство, что не только в андижанском городском говоре, но и в городских говорах Самарканда, Бухары, Джизака, Хивы, Ургенча и в некоторых других городских говорах во многих случаях заднеязычный *y* смешивается с переднеязычным *y̆*. Если так, то предположительно можно говорить, что, быть может, и в XV в., во времена Навои, в узбекском литературном языке, а также почти во всех говорах, за исключением кыпчакских, лишь в отдельных случаях смешивались эти совершенно различные фонемы.

В большинстве современных узбекских говорах и диалектах, кроме говоров городов Самарканда и Бухары, фонемы *ы* и *и* существуют как самостоятельные. Следовательно, в языке Навои и его современников *ы* и *и* значились как само-

---

⁵² Алишер Навоий. Указ соч., стр. 121.

стоятельные фонемы, но впоследствии в отдельных говорах они начали смешиваться.

Несмотря на то, что в разговорной речи звуки *ы* и *и* резко отличаются друг от друга, сохранилось мало примеров, указывающих на их существование в историческом прошлом как самостоятельных фонем.

В произведениях великого поэта задние согласные *қ* и *ғ*, за редким исключением, встречаются лишь в словах, которые содержат в своем составе задние гласные фонемы, а в словах с передними гласными, наоборот,— согласные *к* и *г*, что, в свою очередь, подтверждает наше мнение о наличии сингармонизма в языке Навои.

На основе всего сказанного мы приходим к выводу о том, что в языке Навои существовали заднеязычные *ы* и *о*, и поэтому состав самостоятельных гласных фонем в языке Навои состоял из девяти звуков. В таких словах как *олмағы*, *ачмағы*, *дағы*, *йырақ*, *қырақ*, *чайқалғаны* арабская буква *ع* (ёй) сочетается исключительно с заднеязычным гласным *ы* и заднерядными согласными *қ* и *ғ*, что убеждает нас, что знак *ع* (ёй) в этих словах неизбежно должен передавать заднеязычный *ы*. Следовательно, фонема *ы* в языке Навои реально существовала как самостоятельный звук. Этот факт, в свою очередь, еще раз подтверждает, что в языке Навои сингармонизм сохранялся и только в редких случаях он нарушался.

Сочетаемость во многих словах переднеязычных гласных с переднеязычными *к* и *г* (*көпәләк* 'бабочка', *секрип* 'спрыгнув', 'вздвогнув'), и заднеязычных с заднерядными *қ* и *ғ* в таких словах, как *жананға* 'любимой', *айға* 'луне', *қалин* букв. 'густой', *қашыға* 'к ней, к нему', еще раз убеждает, что по гармонии гласных язык Навои совпадал с языком как кыпчакских диалектов, так и других сингармонистических диалектов узбекского языка.

Язык «Муҳокаматал-луғатайн» в сравнении с кыпчакскими диалектами и современным узбекским литературным языком

«Муҳокаматал-луғатайн»⁵³ — «Спор двух языков» — итог большого творческого пути Алишера Навои⁵⁴. В этом произ-

⁵³ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 14-том, Тошкент, 1967,

⁵⁴ О «Муҳокаматал-луғатайн» подробно см.: А. Усманов. «Муҳокаматал-луғатайн» Алишера Навои, автореферат канд. дисс., Ташкент, 1940; А. Рустамов. Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои, автореферат докт. дисс., Ташкент, 1966; У. Санакулов. Исследование языка памятника XV века «Муҳокаматал-луғатайн» Алишера Навои, автореферат, канд. дисс., Ташкент, 1971.

ведении поэт и мыслитель повествует главным образом о языке и вместе с тем о литературе, науке и философии — областях человеческого познания, которым он посвятил свою жизнь.

Великий мыслитель пишет о том, что многие молодые поэты не в полной мере владеют своим родным языком, поэтому их произведения страдают недостатками; что некоторые из поэтов не в полной мере осознают богатство родного языка, его красоту, глубину оттенков, ясность выражений, легкость, художественно-образительные возможности; некоторые же из них совершенно пренебрегают родным языком, считая его грубым и несправедливо клеветают на него; что из-за неумения точно выразить в языке свое понимание действительности они не могут глубоко отражать ее в произведениях.

Чтобы наглядно показать богатство и красоту тюркского языка, Навои создал замечательное произведение «Муҳокаматал-луғатайн».

Великий поэт начинает свое произведение так: «Слово — это жемчуг, а сердце поэта — море, где оно проявляет себя и в полной мере раскрывает себя. Жемчуг в море добывается водолазами, и мы только после того, как его добывают, узнаем, каким перлом является он. Так и слово. Мы оцениваем слово по глубокому его содержанию, по смыслу, по красоте»⁵⁵.

Следует отметить, что «Муҳокаматал-луғатайн» написано рифмованной прозой и является одним из первых и лучших произведений этого жанра в тюркских языках.

Алишер Навои своим научным трудом заложил основы грамматики узбекского языка, стилистики, практической стилистики и на практике показал, каким должен быть язык научных и художественных произведений, их стиль, художественно-выразительные средства.

Поэт в сопоставлении показывает возможности персидского и тюркского языков. Его очень огорчает, что некоторые тюркоязычные поэты свои поэтические произведения творят на персидском языке, а не на родном тюркском, который ни в каком отношении не уступает персидскому. Навои говорит, что каждый человек, если он любит свой родной язык, должен творить на нем, в крайнем случае должен писать на обоих языках.

Алишер Навои на конкретных языковых фактах убедительно доказывает богатство и совершенство родного тюрк-

---

⁵⁵ Алишер Навоий. Указ. соч., стр. 105.

ского языка, говорит о его больших художественно-образительных возможностях, об игре слов, существующих в тюркском языке, о ясности выражений, о возможностях передачи значений со всеми оттенками и т. д. Он приводит несколько глаголов, точные эквиваленты которых отсутствуют в персидском языке. Документирует некоторые из них существующими примерами из устного народного творчества и из произведений поэтов того периода.

Нам хотелось бы остановиться на вопросе о том, в какой степени Алишер Навои был знаком с кыпчакскими диалектами, как глубоко знал их. В связи с этим мы поставили цель выяснить вопрос о том, как часто встречаются кыпчакские элементы в произведении Навои «Муҳокаматал-луғатайн», в каких значениях они употребляются. Изучая научно-лингвистическое произведение поэта, мы пришли к глубокому убеждению, что Алишер Навои хорошо знал кыпчакские диалекты, знал их в такой степени, в какой изучил материалы своего родного языка.

Характерно, что из приведенных им в качестве примера ста глаголов, эквиваленты которых либо отсутствуют в других (персидском) языках, либо имеют не совсем адекватные соответствия, 69 употребляются в современных кыпчакских диалектах узбекского языка; 54 из этих глаголов являются активными в этих диалектах, а 30 из них встречаются только в кыпчакских говорах. К ним относятся в основном следующие глаголы: *қуруқшамоқ* 'пересыхать', 'высыхать', *жийжаймоқ* 'ухмыляться', 'щериться', *дўмсаймоқ* 'нахмуриться', 'обижаться', *усонмоқ* 'опротиветь', 'сожалеть', *ўхранмоқ* 'воображать себя героем', *ториқмоқ* 'тосковать', 'нервничать', *сийланмоқ* 'быть почитаемым', 'быть уважаемым', *серпмак* 'брызгать', 'размахивать', *сирмамак* 'обвязывать', 'взметнуть', 'взмахнуть', *куйманмак* 'суетиться', 'оконфузиться', *сийпамоқ*, 'погладить', *мунғаймоқ* 'опечалиться', 'быть унылым', *бурмак* 'кривить', 'скрутить', *турмак* 'засучить', *томшимоқ* (*тамшанмоқ*) 'причмокивать', *ўртанмак* 'горевать', 'терзаться', *кезармак* 'бледнеть', 'голодать', 'страдать', *безанмак* 'наряжать' и др.

В «Муҳокаматал-луғатайн» автор приводит больше ста имен существительных, включающих в свой состав синонимы, омонимы, имена прилагательные. Среди имен названия родства, домашних животных и птиц, птицеводов, домашней утвари, сбруи лошадей, белых и черных юрт, столовых и кухонных приборов, одежды, пищи и др. Основная часть этих слов взята из кыпчакских диалектов. Например, современное

узбекское слово *тикон* 'колючка' в «Муҳокаматал-луғатайн» передано как в кыпчакских диалектах в форме *тикан*. Кроме того, там же указан и его синоним *чўкур*, встречающийся сейчас главным образом в кыпчакских говорах. К числу таких характерных лишь для кыпчакских говоров слов, приведенных в «Муҳокаматал-луғатайн», относятся, например: *жўрка* (*чўрка* — название дикой птицы) 'дикий селезень', *оқ уй* 'белая юрта', *борувға* 'идти', *бўсаға* 'порог юрты', *увығ* 'жерди юрты', *тағы* 'еще', 'опять', 'снова', *қулун* 'жеребенок (до одного года)', *той* 'жеребенок (до двух лет)', *ғунон* 'жеребенок (до трех лет)', *ийар* 'седло', *эрин* 'губы', 'уголки губ', *жилбур* (*чилвир*) 'тонкая волосаяная веревка', *қушқун* (*қуюшқон*) 'подхвостник', *жазлик* 'верхний войлочный потник', *тўп-пи*, *қалпоқ* 'тюбетейка', *қантар* 'бечевка для привязывания лошади' и др.

Поскольку «Муҳокаматал-луғатайн» — научно-лингвистическое произведение, посвященное вопросам языкознания, мы обнаружили в нем материал, который поможет выяснить фонетические, морфологические и частично лексические особенности языка этого произведения.

Фонетические особенности

1. В староузбекском литературном языке и в современных говорах, главным образом городских, почти не встречается переход звука *ʀ* в *в*. Лишь в одном ташкентском городском говоре отмечается переход звука *к* в *в* в глаголе 1-го лица мн. числа прошедшего времени. Например, *бордик* > *бордув* 'мы пошли'. Что касается кыпчакских говоров, то переход согласного *ʀ* в согласный *в* в конце слова, а иногда в середине его — закономерное явление: *тоғ* > *тав* 'гора', *боғ* > *бав* 'узел', *бўёқ* > *бойав* 'краска', *бағир* > *бавыр* 'грудь' и т. д.

2. Одним из важных фонетических фактов, зафиксированных в «Муҳокаматал-луғатайн», является наличие в литературном языке того периода конечного губно-губного звука *в* в составе афф. *-у(в)*. Этот звук-аффикс не встречается в староузбекском литературном языке. Он образует в современном языке одну из форм инфинитива, сейчас он наиболее продуктивен, образует имена от глагольных слов.

В староузбекском языке афф. *-у(в)*, кроме словообразовательной функции, имел словоизменятельную функцию. Если в карлукско-чигильской группе (раньше и в кыпчакских, а также огузских языках) в конце слова употреблялся *қ/ʀ*, то в кыпчакских языках этот согласный иногда переходил в

в, например: *тоғ* > *тав* 'гора', *боғ* > *бав* 'узел', *эллик* > *эллуз* 'пятьдесят', *бўёқ* > *бойав* 'краска' и т. д.

В кыпчакской группе языков, следовательно, и в кыпчакских диалектах афф. *-у(в)* наряду с афф. *-моқ/-мак* образовывал инфинитив. В староузбекском литературном языке слова, образованные при помощи афф. *-у(в)*, встречаются очень редко. Мы не встретили ни одного глагола в форме инфинитива на *-у(в)*.

Однако в произведениях Навои встречаются слова, образованные при помощи названного аффикса. Это и имена, и форма инфинитива. Сам по себе факт свидетельствует о том, что форма на *-у(в)* употреблялась в тот период в узбекском литературном языке. Он помогает решить вопрос о том, с какого времени афф. *-қ/-ғ, -к/-г* в староузбекском языке начал переходить в *-у(в)*, а также с какого времени слова, образованные при помощи афф. *-у(в)*, начали употребляться в староузбекском литературном языке в функции инфинитива.

По нашему мнению, в тюркских языках, в том числе в кыпчакских языках и диалектах, первоначально звук *-қ/-ғ* существовал в виде афф. *-қ/-к*. Этот аффикс был многофункциональным. В основном он образовывал слова, обозначающие обладание, принадлежность, признак. Быть может, первоначально слова, образованные при помощи афф. *-қ/-к*, выступали и в функции инфинитива. В дальнейшем в результате развития языка, появления новых форм афф. *-моқ/-мак*, по-видимому, выделился в самостоятельный аффикс и отделился от афф. *-қ/-к*, поэтому появилась возможность афф. *-қ/-к* больше выполнять фонетические функции, хотя в некоторых случаях он продолжал оставаться застывшим аффиксом.

Пока это лишь предположение. Ибо, как известно, аффиксы тюркских языков видоизменяются не путем расширения, а наоборот, стяжения. Слова, имеющие самостоятельные значения, с течением времени превращаются во вспомогательное слово, а в дальнейшем и в аффикс. Так, слово *бирлан* превратилось в *билан* > *била* > *ла*, слово *турур* > *дур* > *тур* > *тир*.

3. В «Муҳокаматал-лугатайн» среди приведенных ста глаголов имеется *сийланмоқ*. Точное произношение этого глагола невозможно передать средствами нашей графики. Для этого необходима девятигласная система вокализма. В составе этого глагола имеется задний *ы*, который отсутствует в современной узбекской графике. О наличии этого звука сви-

детельствует афф. -моқ, в котором, кроме заднего согласного қ, содержится задний гласный о.

В 1966—1967 гг. почти все языковеды республики считали, что вокализм языка произведений Алишера Навои состоял из 6—7—8 гласных фонем. Однако дальнейшее исследование показало, что вокализм языка его произведений состоял из девяти самостоятельных фонем⁵⁶. Кроме того, были еще две фонемы, которые не являлись самостоятельными, но в отдельных позициях выступали как самостоятельные. Наличие глагола *сийланмоқ* в «Муҳокаматал-луғатайн» убедительно свидетельствует о том, что в языке произведений поэта и вообще в староузбекском литературном языке заднеязычная фонема *ы* существовала как самостоятельная фонема. Это, в свою очередь, подтверждает наше мнение о том, что в языке произведений Навои вокализм состоял из девяти самостоятельных фонем, а закон гармонии гласных в языке этих произведений в основном не был нарушен. Дело в том, что в тех языках и диалектах, в которых сохранился сингармонизм, количество самостоятельных гласных состоит из девяти фонем. В этих языках и диалектах аффиксы парные и состоят из задних и передних вариантов. Они сочетаются с корнями, имеющими в своем составе задние или передние гласные. Исходя из этого, считаем, что в слове *сийланмоқ* гласный корня, сочетающийся с аффиксом заднего ряда, обязательно должен быть гласным заднего ряда, т. е. *ы*.

Правда, и в современном узбекском языке трудно найти пример, доказывающий разницу между задним и передним вариантами звука *и* в одной и той же позиции, особенно в одном и том же слоге. Таких примеров очень мало даже в современных кыпчакских говорах. В «Муҳокаматал-луғатайн» среди ста глаголов имеется еще одно слово, подтверждающее это,— глагол *сизғирмоқ*.

Кроме того, следует отметить, что если производную форму глагола *сийланмоқ* — *сийлаш* произнесем с гласным заднего ряда, то получим одно значение, а когда основу *сий* произнесем с гласным переднего ряда, то получим совершенно другое значение. Следовательно, и в узбекском литературном языке, когда в одной и той же позиции, в одном и том же слоге задний *и* заменим передним *и*, то получим новое слово с совершенно иным значением. Значит, замена заднего *и* передним *и* имеет смысловозначительное значение.

⁵⁶ Х. Дониёров. Алишер Навоий ва, ўзбек адабий тили, Тошкент, 1972, 33—35-бет.

Из всего вышеизложенного ясно видно, что задний и передний *и* являлись тогда самостоятельными фонемами и от одного и того же корня образовывали слова с разными значениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно корень глагола *сизғирмоқ* — *сиз* сопоставить с личным местоимением 2-го лица мн. числа *сиз*. Мы получим разное произношение и разные значения. Сопоставительно изучая современный узбекский литературный язык со староузбекским литературным языком, приходим к твердому убеждению в том, что в староузбекском литературном языке, следовательно, и в языке произведений Алишера Навои, употреблялись оба варианта гласного, и это имело смысловозначительное значение. В названных ста глаголах в «Муҳокаматал-луғатайн» с корнями, содержащими передние гласные, в соответствии с законом сингармонизма сочетаются аффиксы с передними гласными и передний вариант афф. *-мак*, а с корнями, в составе которых имеются задние фонемы, сочетается задний вариант афф. *-моқ*. Приведем примеры на сочетание мягкого варианта аффикса с корнями, содержащими фонемы переднего ряда: *ўртанмак* 'горевать', 'терзаться', (108), *игирмак* 'вить', 'плести', 'прясть' (108), *бурмак* 'кривить', 'скрутить' (108), *турмак* 'засучить' (108), *куйманмак* 'суетиться', 'skonфузиться' (108); на сочетание заднего варианта аффикса с корнями, содержащими фонемы заднего ряда: *қуруқшамоқ* 'пересыхать', 'высыхать' (108), *ағдармоқ* 'перевернуть' (108), *ториқмоқ* 'тосковать', 'нервничать' (10), *қичиғламоқ* 'шекотать' (108), *йиғламоқ* 'плакать' (109), *сипқармоқ* 'выпить до дна' (109)⁵⁷ и др.

Это же явление можно проиллюстрировать и материалами из современного узбекского литературного языка, в котором многие аффиксы имеют задние и передние варианты, например: *-роқ* и *-рак*, *-доқ* и *-дак*, *-лық* и *-лик*, *-ға* и *-га*, *-қа* и *-ка*.

Эти примеры убедительно доказывают, что вокализм староузбекского литературного языка, в том числе и языка произведений Алишера Навои, в основном совпадал с вокализмом кыпчакских диалектов. В староузбекском литературном языке, в том числе в языке произведений Алишера Навои, закон сингармонизма сохранился почти полностью. Лишь в отдельных случаях он нарушался. Эти нарушения, по-видимому, происходили под влиянием арабских и персидских слов, проникших в узбекский литературный язык. Од-

⁵⁷ По всей монографии в скобках указана страница произведения.

нако анализ произведений Алишера Навои, в том числе и «Муҳокаматал-луғатайн», убедительно показывает, что в ряде случаев арабские и персидские слова тогда произносились, подчиняясь закону сингармонизма.

Следует отметить, что не только в современных кыпчакских говорах и в говорах Хорезма, но и в ряде других городских говоров встречаются случаи соблюдения закона сингармонизма. К сожалению, орфография современного узбекского языка не может точно передать это. Многие орфографические правила, узаконенные в узбекском литературном языке, отражают лишь один из нескольких вариантов произношения, существующих в языке, поэтому они ограничивают фонетические, морфологические и орфоэпические возможности современного узбекского языка. Следует усовершенствовать орфографию и расширить ее возможности, чтобы узбекский литературный язык в полной мере отражал возможности народного языка.

4. В «Муҳокаматал-луғатайн» в ряде слов вместо совр. *о* зафиксировано, как в кыпчакских говорах, *а*: *ишан* (мак) вм. лит. *ишон* (моқ) 'верить' (108). Немало случаев, когда слова, употребляющиеся в современном литературном языке с начальным *й*, в «Муҳокаматал-луғатайн» пишутся через *ж* (дж), например: *жийжаймоқ* 'ухмыляться' (108), *журканмак*, *чурканмак* 'сгореть', 'закоптиться' (108), *жирғамоқ* 'восхищаться' (108) и т. д.

Можно привести немало примеров, свидетельствующих о фонетических расхождениях, существующих между современным узбекским литературным языком и языком произведений Алишера Навои. Эти фонетические расхождения свидетельствуют о близости староузбекского литературного языка в фонетическом отношении к кыпчакским диалектам, и вместе с тем они показывают богатство кыпчакских элементов в «Муҳокаматал-луғатайн». В произведении немало и других интересных явлений, что свидетельствует о том, как свободно Алишер Навои использовал элементы других языков и диалектов, в частности огузского, уйгурского, карлукского, чигильского и др. Например, в «Муҳокаматал-луғатайн» встречается чередование *ғ* с *й*. Так, слово *чий* 'плетенка из камыша', употребляющееся в современном литературном языке и в кыпчакских говорах, в «Муҳокаматал-луғатайн» употребляется как *чығ* (115). Точно так же в произведениях Алишера Навои, в частности в «Фархад и Ширин», фонема *ш* заменяется фонемой *р*, например, вместо совр. лит. *ўқишда* 'в учебе' в кыпчакских говорах и в «Муҳокаматал-луғатайн»

употребляется *ўқурда*, вместо *тўқишга* 'высыпания', 'выливания' — *тўкарга* (121).

В отдельных словах, когда в современном узбекском литературном языке и в кыпчакских говорах употребляется *п*, в «Муҳокаматал-луғатайн» зафиксирован *ф*, например, вместо *тупроқ* — *туфроқ* 'земля' (120).

Морфологические особенности

1. В «Муҳокаматал-луғатайн» встречаются аффиксы и формы, которые являются характерными для кыпчакских говоров или встречаются в них. Формы интенсива, зафиксированные в этом произведении, полностью совпадают с соответствующими формами в современном узбекском литературном языке и кыпчакских говорах, например: *оп-оқ* 'совершенно белый', *қоп-қора* 'совершенно черный', *қип-қизил* 'совершенно красный', *сап-сарығ* 'совершенно желтый', *юм-юмалоқ* 'совершенно круглый', *ям-яшил* 'совершенно зеленый' (117) и т. д.

Известно, что в большинстве кыпчакских говоров, особенно в восточных говорах, интенсивная форма имени прилагательного от слова *кўк* 'голубой' употребляется в виде *кۆк-мәк*. В «Муҳокаматал-луғатайн» она совпадает с формой современного литературного языка: *кўм-кўк*.

2. Алишер Навои в «Муҳокаматал-луғатайн» использовал два варианта аффикса инфинитива: *-моқ/-мак*, т. е. задний вариант и передний, как в современных кыпчакских говорах. Например: *индамак* 'позвать', 'пригласить' (108), *бурмак* 'кривить', 'скрутить', 'завертывать' (108), *инграмак* 'издавать тихие стоны', 'стонать' (110), *синграмак* 'плакать и издавать тихие стоны' (110), *тўшалмак* 'стелиться' (108), *ўпишмак* 'целоваться' (116), *қизғанмоқ* 'жадничать', 'ревновать', 'жалеть' (108), *сийламоқ* 'оказывать почтение' (108), *соврулмоқ* 'развеваться в прах' (108), *қўзғамоқ* 'нарушать покой' (108), *қистамоқ* 'торопить' (108), *овунмоқ* 'утешаться', 'успокаиваться', 'развлекаться' (108).

Этот факт свидетельствует о том, что староузбекский литературный язык во многих случаях очень близок к кыпчакским диалектам, что в староузбекском литературном языке сингармонизм хорошо сохранился.

3. В староузбекском литературном языке, а также в произведениях Алишера Навои аффикс родительного падежа *-нинг* употребляется закономерно. Однако иногда встречаются

случаи, когда вместо аффикса родительного падежа *-нинг* употребляется аффикс винительного падежа *-ни*.

Известно, что в современном узбекском литературном языке и в кыпчакских говорах они в основном не смешиваются. Это характерно для кыпчакских говоров, не попавших под влияние городских говоров, в которых названные аффиксы почти всегда смешиваются. Вернее, в городских говорах вместо этих двух аффиксов в разных значениях употребляется лишь один аффикс—винительного падежа. Смешение аффиксов отмечалось еще в XV в. Литературный же язык полностью принял форму, которая существовала в кыпчакских диалектах. Поэтому аффиксы родительного и винительного падежей в современном узбекском литературном языке не смешиваются.

4. В староузбекском литературном языке перед аффиксом временно-местного падежа *-да* появлялся так называемый вставочный *н* и аффикс местного падежа принимал форму *-нда*. Это явление в настоящее время наблюдается лишь в казахском и каракалпакском языках и в отдельных кыпчакских говорах узбекского языка, которые попали под влияние упомянутых языков или же контактируют с ними. Например: *уйинда* 'в его доме', *бошинда* 'на его голове' и т. д. Точно так же в «Муҳокаматал-луғатайн» и других произведениях Навои, вообще в староузбекском литературном языке, как и современном литературном языке, аффикс сравнительной степени имен прилагательных *-роқ* употреблялся в двух вариантах, т. е. как *-роқ* и *-рак*. Например, *кўпрак* 'больше' (112), *кўпракдур* 'больше' (107), *кичикрак* 'меньше' (Ф. Ш., 9)⁵⁸, *доимийроқ* 'постояннее', 'продолжительнее' (109), *софроқ* 'чище' (107), *покроқ* 'честнее' (107) и т. д. Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что староузбекский литературный язык и в этом отношении был близок к кыпчакским диалектам и подчинялся закону сингармонизма.

5. В «Муҳокаматал-луғатайн» не встречается форма сравнительной степени, образованная, как в кыпчакских диалектах, афф. *-қырап*. В староузбекском литературном языке, в том числе и произведениях Алишера Навои, в этой функции употребляется афф. *-роқ*, как бы образуя двойную форму сравнения. В «Муҳокаматал-луғатайн» читаем:

Сўз дуррин тафовути мундин доғи
бағоятроқ ва мартабаси мундин
ҳам бениҳоятроқдур (105).

⁵⁸ Ф. Ш.— «Фархад и Ширин».

Разница между жемчугом и жемчужиной слова еще больше и ценится последнее очень высоко.

6. В «Муҳокаматал-луғатайн» аффикс причастия прошедшего времени *-ган* употребляется, как и в кыпчакских говорах, в двух вариантах: заднем *-фон* и переднем *-ган*. Например: *бўлгон* 'ставший' (109), *совуфон* 'охладевший' (130), *орттурфон* 'увеличивать', 'прибавлять', 'наживать' (116), *буюрулфон* 'приказанный', 'заданный', 'заказанный' (131), *қилгонча* 'так, как он делает, пока он делает' (131), *келганча* 'пока он придет' (131). Подобные примеры можно привести и из «Фархада и Ширин»: *тушмаган* 'не слезавший', 'не спустившийся' 'не опускавшийся' (23), *ўлган* 'умерший', 'погибший' (151) и т. д.

7. В «Муҳокаматал-луғатайн», а также других произведениях Алишера Навои основной показатель дательного падежа *-га* встречается, как и в кыпчакских говорах, в четырех вариантах *-га/-га*, *-қа/-ка*. Например, *қўкка* 'в небо' (Ф. Ш., 20), *юкка* 'к грузу' (Ф. Ш., 406), *сортқа* 'сарту' (107), *осонлиққа* 'для облегчения' (118), *форсийға* 'персидскому' (118), *бовурға* 'печени', 'родному' (113) и др.

В современном узбекском литературном языке, а также в кыпчакских говорах встречаются все три варианта инфинитива *-моқ*, *-(и)ш* и *-(у)в*. Что касается староузбекского литературного языка, то там, как и в произведениях Алишера Навои, особенно в «Муҳокаматал-луғатайн», в современном литературном языке, наиболее употребительный вариант — форма на *-моқ*. Отличительной особенностью этой формы в староузбекском литературном языке, как и в кыпчакских говорах, является то, что она употребляется в двух вариантах, т. е. в заднем и переднем, в то время как в современном узбекском литературном языке она сохранила лишь задний вариант *-моқ*. Таким образом, употребление одного из вариантов в староузбекском литературном языке вытекает из закона сингармонизма.

Выше отмечалось, что инфинитив на *-(у)в* в «Муҳокаматал-луғатайн» и других произведениях Алишера Навои не встречается. Однако с этим аффиксом образовывались имена от глагольной основы, что характерно как для староузбекского, так и для современного литературного языка. Например, в «Муҳокаматал-луғатайн» встречаются слова *ав* 'охота' (115), *бирав* 'некто' 'один из' (117). Подобные примеры мож-

но привести и из других произведений Алишера Навои, например из «Фархада и Ширин»:

Сақол оқи ўлумга пешравдур,
Тириклик сабзаси узра қиравдур (81).

Седина в бороде — предвестник смерти
Или иней, выпавший на зелень жизни.

В произведениях поэта XVI в. Мухаммада Салиха образование имен при помощи афф. *-(y)в* встречается гораздо чаще. Например, в «Шейбани-наме» читаем:

Ултуруб эрди черикда бир-иков,
Бир қўлида ўқу бирида эгов (203).

Сидели среди войска один—два человека,
В одной руке — стрела, а в другой —напильник.

Боши устида илов ажабий,
Ўзи от узра бузов ажабий (205).

Над головой странная хоругвь,
Сам на коне выглядел как странный теленок.

Қилдилар оқу қизил борча ялов,
Ёқтиллар хасмин ёқмоққа олов (203).

Все приготовили белые и красные знамена,
Приготовили костер, чтобы сжечь врага.

Хон Бадахшонга сўнгича борди,
Андин ўзга жиловин қайтарди (242).

Хан доехал до конечных границ Бадахшана,
После чего повернул своего коня вспять.

Из всего вышесказанного видно, что если во времена Алишера Навои афф. *-(y)в* встречался лишь в составе застывших слов, то во времена Мухаммада Салиха, т. е., начиная с XVI в., в староузбекском литературном языке он — один из продуктивных аффиксов. Причиной этому, по-видимому, является то, что начиная с XVI в., в Мавераннахре и Хорасане кыпчаки-узбеки играли решающую роль в общественной жизни страны.

9. Форма настоящего-будущего времени на *-ади*, употребительная в современном узбекском литературном языке и в

кыпчакских говорах (*боради* 'он пойдет', *келади* 'он придет'), совершенно не употреблялась в староузбекском литературном языке. В памятниках староузбекского литературного языка вместо этой формы встречается форма, образованная при помощи афф. *-ур*, например: *Хаёлимга мундоқ келур* 'мне думается (кажется) так' (132)⁵⁹.

В современном узбекском языке афф. *-ур* соответствует аффикс *-ар* (*борар*, *келар*). Однако он употребляется не широко.

10. В староузбекском литературном языке, как и в кыпчакских говорах, многие аффиксы в соответствии с характером корня в основном двухвариантны, т. е. имеются задние и передние варианты. Однако кроме них существуют еще два варианта: неогубленные и огубленные. Примеры на неогубленные варианты: *қилғаймен* 'буду делать' (99), *қилдимким* 'я сделал' (99), *кайфиятин* 'настроения' (99), *юзидин* 'с лица' (99), *Насимийнинг* (имя собств.) (99), *йиллиғи* 'годовщина' (203). Примеры на огубленные варианты: *кўпуртур* 'вспенивай' (99), *улайдурғонда* 'в тот момент, когда повесил' (99), *айтур* 'говорящий' (98), *қилғулук* 'проступок' (442), *йлумлук* 'смертник' (203), *тегурди* 'дотронулся', 'доставил' (7)⁶⁰.

В современном узбекском литературном языке огубленные варианты этих аффиксов почти не употребляются. Если встречаются отдельно случаи, то это лишь затвердевшие формы. Что касается кыпчакских говоров, то в них огубленные варианты почти отсутствуют; они встречаются лишь в затвердевших формах, и то очень редко. По нашему мнению, в составе аффиксов в кыпчакских диалектах с XV в. существенных изменений не произошло.

В некоторых современных городских говорах (например, в самаркандском) довольно часто встречаются огубленные варианты аффиксов. В других же говорах они отмечаются редко (например, в Ташкенте вместо *бордик* 'мы пошли' говорят *бордуз*). Однако, как огубленные аффиксы, которые употреблялись в староузбекском литературном языке, так и их неогубленные варианты, употребляющиеся в современных узбекских городских говорах, полностью не подчиняются законам сингармонизма.

⁵⁹ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 14-том, 132-бет.

⁶⁰ Примеры взяты из произведений А. Навои «Садди Искандарий».. Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 10-том, Тошкент, 1967.

По нашему мнению, огубление аффиксов в староузбекском литературном языке — результат влияния уйгуро-караханидского литературного языка. В основе этого варианта лежали аффиксы городских говоров. Что касается неогубленных аффиксов, то они возникли под влиянием кыпчакского или кыпчакско-огузского литературного языка, формировавшегося в XIV в. в низовьях Сырдарьи, в основном на базе кыпчакских диалектов.

Резкое уменьшение в современном узбекском языке губных форм по сравнению со староузбекским литературным языком, как нам кажется, объясняется тем, что в этом вопросе кыпчакские диалекты легли в основу современного узбекского литературного языка.

11. В восточной группе кыпчакских говоров употребляются составные глаголы типа *бориб турди, келиб турди*, а в западной — вместо этих форм мы встречаем глаголы типа *бориб тўхтади, келиб тўхтади*. В современном же узбекском литературном языке употребляются варианты говоров восточной группы. В староузбекском литературном языке, в том числе в «Муҳокаматал-луғатайн», употребление этой формы совпадает с употреблением в современном литературном языке. Пример:

Тўкадур қонимни ҳар дам кўзларинг боқиб туруб,
Ким неча юзумға боққайсен йироқдин телмуруб (111).
боқиб туруб — досл. 'непрерывно глядя'.

Твои глаза, крепко уставясь, льют мою кровь,
Так доколе же ты уставишься на мое лицо,

Следовательно, употребление составных глаголов упомянутого типа совпадает не только с применением этих форм в современном литературном языке, но и с употреблением их в староузбекском литературном языке.

12. В староузбекском литературном языке, в том числе и в «Муҳокаматал-луғатайн» как синонимом союза *яна* 'и', 'также' часто употребляется союз *тоғи/доғи*.

Например: *Ва баъзиники англатса бўлғай, ҳар лафз тафҳими учун неча лафзни таркиб қилмағунча бўлмас, ул дағи арабий алфоз мадади била* (109). 'Значение некоторых из этих синонимов можно передать, но эта передача не удастся до тех пор, пока не сочетаешь несколько слов, но и то, при помощи арабских слов'.

В данном примере союз *доғи* имеет еще и дополнительный оттенок: *ул доғи* соответствует совр. узб. *у ҳам бўлса* 'и то'.

Союзы *тоғи, тоғин* часто встречаются и в кыпчакских говорах. Однако они в этих говорах являются синонимами литературного *яна*.

Следовательно, и здесь имеется тесная связь между староузбекским литературным языком и кыпчакскими говорами, однако отмечается и некоторое расхождение в оттенках значений. Однако эти расхождения, по-видимому, произошли впоследствии.

13. В староузбекском литературном языке часто встречается аффикс глагола будущего времени на *-ғай*. Например:

Ким шуҳрати чун жаҳонға тўлгай,
Турк элига доғи баҳра бўлгай⁶¹.

Пусть прославится на весь мир,
И пусть эти слова приносят пользу
тюркскому народу.

Эта форма часто встречается в кыпчакских говорах, входящих в хорезмскую группу говоров. В других кыпчакских говорах она почти не встречается, за исключением затвердевших выражений. Что касается современного узбекского литературного языка, то, хотя и очень редко, эта форма употребляется в современной узбекской художественной литературе, в основном в поэзии. Мы считаем, что форма на *-ғай* вошла в староузбекский литературный язык и частично в современный узбекский литературный язык из огузских говоров южного Хорезма.

14. В староузбекском литературном языке образование и значение прошедшего времени на *-ибман* полностью совпадает с его употреблением и значением в современном узбекском литературном языке и в кыпчакских говорах. Но в то же время в староузбекском литературном языке иногда отмечаются случаи, когда при помощи этого аффикса передается модальное значение глагола. Так, Алишер Навои в «Муҳокаматал-лугатайн» пишет: Чун «Мезонул-авзон» баҳрларига ғаввос бўлдум, ул меъёр била Насири Тусий узрин қўлдум. Яна доғи расоилга қалам *сурупмен* ва макотибга рақам *урупменки...* (121). 'В морях (разновидностях) «Мезонул-авзон» я превратился словно в водолаза, с этой меркой приносил извинения Насру Туси. И еще написал трактаты и послания...'

Сейчас эта форма встречается в основном в языке устного народного творчества — в дастанах:

⁶¹ Алишер Навоий. Танланган асарлар. Хамса, т. II, к. 3, «Лайли ва Мажнун», Тошкент, 1949, 228-бет.

Узоқдан келаётиман,
Ғамнинг лойиға ботибман.
Э ёронлар, биродарлар,
Мен ёримни йўқотибман,
Э ёронлар, биродарлар⁶².
Мен ёримдан адашибман⁶³,

Еду я издалека,
Сам погружен в тоску.
Эй, приятели, братья!
Я потерял возлюбленную,
Эй, друзья, братья!
'Я потерял возлюбленную'.

Келаётиман — 'иду'
Ботибман — 'потонул'
Йўқотибман — 'потерял'
Адашибман — 'потерял' (букв. заблудился).

Все они с оттенком значения продолжительности.

Приведенный пример убедительно показывает, что Алишер Навои при изучении устного народного творчества пользовался не только его художественно-образительными средствами, но и плодотворно использовал его языковые богатства.

15. Аффикс понудительного залога *-тир* (совр. лит.) в говорах восточной группы сократился до *-т*, например:

Говоры	Лит. язык	Значение в русск. яз.
<i>кййдёрт</i>	<i>кийдиртир</i>	— 'заставь (помоги) одевать'
<i>байжёрт</i>	<i>бажартир</i>	— 'заставь выполнить'
<i>башқарт</i>	<i>бошқартир</i>	— 'заставь руководить'
<i>жўгўрт</i>	<i>югуртир</i>	— 'заставь бежать'
<i>куйдёрт</i>	<i>куйдуртир</i>	— 'заставь сжечь'

Однако в восточных говорах наряду с афф. *-т* встречаются случаи употребления афф. *-тир/-дир*. Например: *арттыр—ортдир* — 'увеличивай'. Афф. *-т* часто встречается в языке устного народного творчества. Иначе говоря, особенности кыпчакских говоров и в этом отношении совпадают с особенностями языка народных дастанов. Характерно то, что афф.

⁶² Булбул тароналари. Беш томлик, 2-том, Тошкент, 1972, 416, 417-бст.

⁶³ Там же.

-т почти не употребляется в современном узбекском литературном языке. Однако он имелся в староузбекском литературном языке и, по словам Алишера Навои, считался одной из тех форм, которая убедительно показывает богатство и легкость тюркских языков.

Навои пишет следующее: «Алар (турклар — Х. Д.) лафзга бир ҳарф орттургон била мунга ўхшаш бир замирни ортубдирлар, бағоят мухтасар ва муфид тушубтур. Андоққи, *югурт* ва *қилдурт* ва *яшурт* ва *чиқарт*»: «Они (тюрки — Х. Д.) путем прибавления к слову одной буквы придают ему новое смысловое значение, что очень кратко и полезно (удобно). Например, *югурт* (заставь бегать), *қилдурт* (заставь делать), *яшурт* (заставь скрыть), *чиқарт* (заставь вывести)»⁶⁴.

Отметим, что в староузбекском литературном языке эта форма почти не встречается. Однако в поэме «Фархад и Ширин» Алишер Навои ее употребляет:

Бинафша андаким гардун *кўкортиб*,
Гажак янглиғ хирад бўйинини тортиб (149).

Там фиалка придает небосводу лиловый цвет,
А рассудок, словно локон, втягивает голову
в плечи.

Алишер Навои в «Муҳокаматал-луғатайн» особо останавливается на этой форме и отмечает ее как форму, обогащающую и украшающую наш язык. Утверждение поэта свидетельствует, с одной стороны, о том, что в тот период названная форма в узбекском языке существовала, а с другой, о том, что Алишер Навои был хорошо знаком с материалами кыпчакских диалектов.

16. В отдельных говорах узбекского языка вместо литературного афф. *-дир* и *-сат* иногда употребляется афф. *-ғыз/-гиз*. Например, *кегиз* (*келтир*) 'принеси', *ағыз* (*олдир*) 'заставь взять', *кўргиз* (*кўрсат*) 'покажи'. Эта особенность, характерная для говоров, встречается и в устном народном творчестве. В староузбекском литературном языке, так же как и в кыпчакских говорах, вместо афф. *-сат* употребляется афф. *-ғиз*. Например в «Муҳокаматал-луғатайн» Алишера Навои читаем:

...ул жонибдин эъроз қилиб, бу фанға
машгул эл сари майл *кўргузур* (118).

⁶⁴ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 14-том, Тошкент, 1967, 116-бет.

В этом примере вместо современного литературного *кўрсатади* 'показывает' использовано слово *кўргузур*, что соответствует слову *кўргузади* кыпчакских говоров. Или:

...ул сипехр ҳавосида хаёл қуши баланд
парвозлиғлар *кўргузди* (119).

Здесь также подтверждается наша мысль.

Таким образом, приведенные примеры убедительно показывают, что некоторые формы, существующие в нашем современном литературном языке и считающиеся диалектальными, на самом деле являлись нормой в староузбекском литературном языке. Кроме того, наличие указанных кыпчакских форм в староузбекском литературном языке свидетельствует о близкой его связи с кыпчакскими диалектами.

17. Известно, что в современном узбекском литературном языке настоящее продолжительное время имеет три формы: 1) настоящее время данного момента на *-япти*, 2) настоящее-продолжительное время на *-ётир*, 3) настоящее-длительное время на *-моқда*.

Принято считать, что форма на *-япти* вошла в литературный язык из андижанских и ферганских говоров. Считается, что форма на *-ётир* проникла в литературный язык из кыпчакских и хорезмских говоров. Форма на *-моқда* широко распространена в кыпчакских говорах. Характерно, что ни одна из этих трех форм не распространена широко в староузбекском литературном языке. В произведениях Алишера Навои мы не встретили форм на *-япти* и на *-ётир*. Слова с афф. *-моқда* встретились только четыре раза, причем три — в «Муҳокаматал-луғатайн», и то с большими стилистическими отклонениями от значения современных норм: Аммо *йиғламоқта* ҳой-ҳой лафзин (адода) ўзларин туркийғўйларга шарик қилибдурлар (110). Для выражения плача (*фарсы* — Х. Д.) слово *ҳой-ҳой* заимствовали у тюрков.

Езмоқта бу ишқи жовидона
Мақсудим эмас эди фасона⁶⁵.

'Сочиняя эту бессмертную поэму о любви,
Я не преследовал цели просто пересказать
легенду'.

Как видно из этих примеров, форма на *-моқда* в произведениях Алишера Навои не совпадает с ее современным

⁶⁵ Алишер Навоий. Асрлар, ўн беш томлик, 8-том, Тошкент, 1965, 249-бет.

употреблением. Например, в последнем примере *ёзмоқда* по значению соответствует современному *ёзишда(н)*, *ёзарэканман*.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что поэт широко использовал морфологические особенности кыпчакских диалектов.

В некоторых лексико-грамматических особенностях языка произведений Алишера Навои при изучении лексического состава языка произведений Навои и его современников обычно обращают внимание на уйгурские и огузские элементы и совершенно игнорируют наличие чисто кыпчакских элементов. На самом же деле в произведениях Навои и его современников кыпчакских элементов гораздо больше, чем огузских и уйгурских: *жэйран* 'джейран', *жун* 'шерсть', *туййа* 'верблюд', *жез* 'медь', *чатыр* 'шалаш', *қоқым* 'остаток', *көпйәк* 'бабочка', *терлик* 'потник', *тынмақ* 'переставать', 'отдыхать' и т. д., *олтырт* 'заставь сидеть', *берк* 'закрывать', *улус* 'народ', *ялов* 'знамя', *қилов* 'острие меча', *қалқан* 'щит', *бедав* 'породистый конь', *қалпақ* 'тюбетейка', *терлик* 'подседельник', *ғунон* 'трехлетний жеребец', *дўнон* 'четырёхлетний жеребец', *оға* 'старший брат', *ини* 'младший брат', *ийар* 'седло', *оқ уй* 'юрта', *бўсаға* 'порог юрты', *увуғ* 'ребро юрты', *қурут* 'сушеное кислое молоко'.

В староузбекском литературном языке в целом, а также в произведениях Алишера Навои отмечается ряд грамматических показателей, отсутствующих в карлуко-чигиле-уйгурских диалектах, но имеющих в кыпчакских диалектах. Например, окончание родительного падежа *-нинг*, употребление личных местоимений 1-го лица *-мен*, 2-го лица *-сен*, употребление аффиксов *-дайын*, *-лайын*, наличие *-н* в составе окончания местного падежа и др.

Примечательно с этой точки зрения то, что из приведенных в «Муҳокаматал-луғатайн» Алишером Навои ста глаголов тридцать широко употребительны и в кыпчакских диалектах. В современном литературном языке и в городских говорах они почти не употребляются.

Алишер Навои, как нам кажется, хорошо знал кыпчакские диалекты, так как часто пользовался ими в своих произведениях. Например, в «Муҳокаматал-луғатайн», говоря о наклонениях глагола, он приводит примеры *югурт* 'заставь бегать', *қилдурт* 'заставь сделать', *яшурт* 'заставь скрывать', *чиқарт* 'заставь вынести/вывести' (116).

Нужно отметить, что примеры на эти формы глагола в произведениях Алишера Навои встречаются всего несколько

раз. В современном узбекском литературном языке эта форма встречается также очень редко, в основном в языке народного эпоса, норма которого в основном соответствует правилам кыпчакских диалектов. В самих кыпчакских диалектах эта форма — одна из самых продуктивных форм.

Другой пример. Алишер Навои, говоря о синонимах омонимичного слова *бор*, упоминает, что *бор* имеет также значение повеления и соответствует глаголу *борувга*, который по сей день встречается в основном в кыпчакских диалектах и в других тюркских языках кыпчакского типа. Этот глагол в форме инфинитива на *-увга* в староузбекском литературном языке, кроме этого примера, нам нигде пока не встретился. В современном узбекском литературном языке форма на *-(у)в* отмечается очень редко и со стилистической окраской. Но как отглагольное имя в современном узбекском литературном языке эта форма встречается довольно часто. В современных кыпчакских диалектах узбекского языка форма на *-(у)в* — одна из основных самостоятельных форм инфинитива, оно очень часто встречается и как отглагольное имя. Исходя из этих фактов, мы считаем, что данная форма в современный узбекский литературный язык перешла из кыпчакских диалектов и приняла новую стилистическую окраску в связи с бурным развитием и обогащением национальных литературных языков за счет народного языка.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Алишер Навои в своих произведениях широко использовал элементы кыпчакского языка.

Этноним «узбек» в произведениях Навои

Некоторые ученые утверждают, что в произведениях Алишера Навои этноним «узбек» не встречается, исходя, по-видимому, из того положения, что этим этнонимом до начала XVI в. называли исключительно кочевых узбеков, основная часть которых до XVI в. жила на территории Белой Орды, от низовьев Сырдарьи до Оренбурга.

Узбеки Мавераннахра и Хорасана в основном назывались «тюрками». Значительная часть кочевых узбеков Белой Орды и Семиречья еще во времена Алишера Навои и до него жила в Мавераннахре и Хорасане; живя здесь, они назывались своими прежними именами «узбек» и «тюрк».

По-видимому, часть этих узбеков издавна проживала на территории Мавераннахра и Хорасана, а другая часть пришла сюда вместе с войсками Чингисхана. Это предположение может основываться на характере названий родов и племен

узбеков, живших в XIII—XIV вв. в Мавераннахре и Хорасане, и на утверждении известного персидского историка Рашид-ад-дина о том, что «разные тюркские племена подобно джалаирам, татарам, ойротам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище,— все они из-за самовосхваления называют себя монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они издревле относятся к имени монголов и именуются этим именем, а это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских племен»⁶⁶.

Тесные политические и экономические связи, а также родственные отношения между кочевыми узбеками Белой Орды и узбеками Мавераннахра (чагатайскими) существовали значительно раньше XV в.

Можно предположить, что частое употребление слова «узбек» и упоминание о таких узбекских родах, как кият, конграт, огар, мангит, найман, кушчи, мирак, карлук (калик), сулдуз, минг, юз и других, а также обилие кыпчакских элементов в языке Навои, тоже можно объяснить усилением кыпчакизации в XI—XV вв.

В произведениях Навои этноним «узбек», по нашим материалам, употребляется более десяти раз. Следует отметить, что Навои знал не только этноним «узбек» и «тюрк», но и этнонимы «казах», «татар», «туркмен», «джан» («азербайджан»), «урус» («рус»), «калмак» («калмык»), «чаркас» («черкес») и др.

Например, в своей поэме «Садди Искандари» Навои называет узбеков в числе правофланговых войск Александра Македонского:

Боронгор анго хайли машриқзамин,
Самарқанддин токи сарҳадди Чин.
Яна юз минг ўзбак мўғул бирла зам,
Юз эллик минг ул сари қалмоқ ҳам.
Бўлуб барчаси олти юз минг киши⁶⁷.

Его правофланговые были люди восточных

земель,
Простиравшихся от Самарканда до границ
Китая,

⁶⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, М.—Л., 1952, стр. 102—103.

⁶⁷ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 10-том, Тошкент, 1967, 76-бет.

Ҳалол она сутидекдур гар ўзбаким тутса,
Тобуқ қилиб, юкиниб, тустагон ичинда қимиз⁷¹.

‘С поклоном и почтением преподнесенный мне в чаше моим узбеком кумыс священен для меня, как материнское молоко’.

Агар ҳусн ўлса қотил, зор не дарвешу не султон,
Ва гар ишқ ўлса комил, ёр не ҳиндў не ўзбак⁷².

‘Если красота — убийца, она не признает ни дервиша, ни султана’.

‘Если любовь — истинна, она не считается с тем, кто любимая — индианка или узбечка’.

Самое характерное в отношении употребления этнонима «узбек» Алишером Навои, как нам кажется, содержится в следующем бейте-двустии, написанном Навои уже в 50-летнем возрасте, т. е. примерно в последний год пребывания поэта в Астрабаде:

Шоҳу тожу хилъатеким, мен тамошо қилғали,
Ўзбаким бошида қалпоқ, эғнида ширдоғи бас⁷³.

‘На шаха, венец и пышные одежды
даже смотреть я не хочу,
Мне достаточно моего узбека,
у которого на голове тибетейка,
а на плечах — всего-навсего халат’.

В этом двустии Алишер Навои, мастерски используя прием контраста, противопоставил простого узбека шахам, его тибетейку — венцу, а его халат — пышным одеждам падишаха.

Таким образом, в этом двустии Навои характеризует узбека как представителя трудового и простого народа, на которого можно положиться и, вместе с тем, как человека, близкого сердцу поэта.

Алишер Навои не только хорошо знал узбеков-кыпчаков, но и тщательно исследовал их наречия и диалекты. Например, в известном «Муҳокаматал-луғатайн». Подробно изучил

⁷¹ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 10-том, Тошкент, 1967, 76-бет.

⁷² Там же, стр. 327.

⁷³ Там же, стр. 258.

не только их диалекты, но и песни и мелодии. Так, в «Мезон-ул-авзон» он пишет о том, что некоторые песни и мелодии узбеков не подходят к правилам аруза⁷⁴.

Следует сказать, что не только Алишер Навои, но и родившийся почти на век раньше, чем Навои, его учитель и знаменитый поэт Герата Лутфи, тоже хорошо знал этноним «узбек».

Например:

Улус ичинда дурур ўзбегим қиё кўзлук,
Хаёли тўқтамиш ондин кўнгул саройинда⁷⁵.

‘В народе выделяется мой узбек с узкими глазами,
В сердце которого живет та возлюбленная’.

Результаты наших исследований показали, что Алишер Навои не только использовал этноним «узбек» в совершенно точном значении, но также хорошо знал наименования родовых этнонимов и занимаемую роль узбекских родов и племен в тогдашней общественно-политической жизни. Многие из этих этнонимов в основном сохранились в современных кыпчакских диалектах узбекского языка. Например, Навои пишет:

Агар бир қавм, гар юз, йўқса мингдур,
Муайян турк улуси худ менингдур⁷⁶.

‘Какое бы это ни было племя — юз или минг,
Все равно, он — мой, тюркский народ’.

Эй Навоий, манга бас ул санами лўливаш,
Бекка қипчоқу оғар, шаҳға қиёту билгут⁷⁷.

‘Для меня, Навои, достаточно прекрасной цыганки,
Бекам нужна девушка из родов кыпчак и огар,
А шаху — из родов кият и билгут’.

Мен тилаб ҳусн, вале шоҳ тилаб аслу насаб,
Менга лўли била ҳинду, анга қўнғироту қиёт⁷⁸.

‘Для меня главное — это красота человека,
А для шаха — родословие.

⁷⁴ Алишер Навоий. Асарлар, 14-том, 181-бет.

⁷⁵ Лутфий. Девои. Гул ва Наврўз. Тошкент, 1965, 34-бет.

⁷⁶ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 7-том, 1964, 414-бет.

⁷⁷ Алишер Навоий. Хазойинул-мафрий, 2-том, 77-бет.

⁷⁸ Там же, стр. 79.

Поэтому я стремлюсь к цыганке и индуске,
а шах — к девушкам из родов конграт и кият’.

Из встречающихся в произведениях Алишера Навои этнонимов: *ўзбек, турк, қазақ, туркмен, жон (азербайджан), татар, қалмоқ ('калмык'), мўғул ('монгол'), қиёт, қўнғирот, қипчоқ, билгут, оғар, арлот, барлос, тархон, сулдуз, юз, минг, араб, ҳинду, лўли, арман, малиш, манаш, хитой ('китай'), турки хито, туғмоқ, жуҳуд ('еврей'), чигатой, жўжи, тибат ('тибетец'), ужа, халлух ('карлук'), халаж ('калач'), мирак, жиют ('чуют'), чаркас ('черкес)* — почти все сохранились до сих пор в кыпчакских диалектах узбекского языка⁷⁹.

Таким образом, все приведенные материалы позволяют утверждать, что в языке Алишера Навои и в формировании староузбекского литературного языка кыпчакские языковые элементы принимали более активное участие, чем предполагали некоторые ученые до последнего времени.

КЫПЧАКСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В ОТНОШЕНИИ К ДРУГИМ ЯЗЫКАМ И ДИАЛЕКТАМ

Кыпчакские диалекты и язык узбекского народного эпоса

Между диалектологией и фольклористикой существует тесная взаимосвязь. Собирая и изучая произведения устного народного творчества, фольклорист предоставляет в распоряжение диалектолога ценный языковедческий материал. А материалами, собранными диалектологами для изучения языковых особенностей конкретного диалекта, пользуются, в свою очередь, фольклористы.

Исследование кыпчакских диалектов узбекского языка и языка узбекских народных эпических произведений, входящих в циклы «Алпамыш» и «Гороглы», приводит к важным научным выводам. Эти эпические произведения созданы сказителями кыпчаков-узбеков. Они в течение многих лет исполнялись, дополнялись и обрабатывались представителями кыпчакских (джекающих) диалектов.

И в послеоктябрьский период эпические произведения исполняются такими сказителями, как Фазыл Юлдашоглы, Эргаш Джуманбулбул оглы, Пулкан шаир, Ислам шаир и др.

Кыпчакские диалекты в течение многих веков были общим языком всех кыпчакских племен. Таким образом, и творцы узбекских народных эпических произведений, и носители кып-

⁷⁹ От представителей кыпчакских диалектов нами записано около 900 этнонимов, включая этнонимы, встречающиеся у Навои.

чакских диалектов являются представителями одного и того же племени⁸⁰. Поэтому язык народных эпических произведений во всех отношениях (фонетика, лексика, грамматика, стилистика) полностью совпадает с языковыми особенностями джекающих (кыпчакских) диалектов.

Известно, что джекающие (кыпчакские) диалекты узбекского языка отличаются от узбекского литературного языка, городских говоров и говоров городского типа прежде всего законом гармонии гласных, характерным для тюркских языков. Следовательно, джекающие диалекты узбекского языка сохранили сингармонизм, который отмечается и в языке эпических произведений узбекских народных поэтов.

В языке народных эпических произведений, как и в джекающих кыпчакских диалектах узбекского языка,— девять гласных фонем. Большинство этих фонем является парными и делится на переднеязычные и заднеязычные звуки. Кроме того, в языке народных дастанов, как и в кыпчакских диалектах узбекского языка, в начале слова вместо *й* часто употребляется *ж* (*дж*), звуки *х* и особенно *ф* часто не произносятся. Отдельные фонетические явления, характерные для языка народных дастанов, совершенно аналогичны явлениям в джекающих диалектах узбекского языка. Например, и в дастанах, и в диалектах звук *и* редуцируется в словах *арза* лит. *ариза* 'заявление', *айриб* лит. *айириб* 'отделив' и др. Ср.: *Албатта*, бир ситам ўтган, бизга арза жўнатган («Ёдгор», 34). 'Наверное, есть причина, и поэтому написал нам заявление (жалобу)'.

В результате элизии при слитном произношении двух слов один из гласных звуков конца первого слова и начала второго выпадает:

Бу кун қадр кечалари
Богдочилар гунчалар («Алпамыш», 268)
(*богдочилар* — *богда очилар*
'распускаются в саду').

Жоним ота, айталмайман уялиб,
Боланг кетди энди бошини олиб («Равшан», 355)
(*айталмайман* — *айта олмайман*
'не могу сказать').

---

⁸⁰ По мнению В. В. Решетова, большая часть узбекских народных эпических произведений созданы представителями кыпчакского племени. См.: В. В. Решетов. Изучение узбекских народных говоров, в сб. «Узбек диалектологиясидан материаллар», Тошкент, 1957, 5—30-бет.

Ср. также в прозаических отрывках: *Равшанбек дим ўп-касини босолмайди* («Равшан», 349) *босолмайди* — *боса ол-майди*, букв. 'не может надавить' — 'никак не может успок-ойться'. *Ўғлининг гапиролмай турганини билиб*, «*йўл бўл-син*» *деб сўраб турибти* («Равшан», 354), *гапиролмай* — *га-пира олмай* 'не может высказаться'.

Кстати отметим, что слитное произношение и написание таких форм слов как *айтолмайман* 'не могу сказать', *гапирол-майди* 'он не может сказать' до последней орфографической реформы, т. е. до 1956 г., не являлось нормой узбекского ли-тературного языка, а считалось диалектизмом. Согласно но-вой орфографии формы слов, произносившихся раздельно, ти-па *айта олмайман*, *гапира олмай* пишутся также раздельно; если же они произносятся слитно, то они и пишутся слитно. Наши наблюдения показывают, что слитное написание таких слов становится орфографической нормой, что соответствует их произношению в кыпчакских диалектах, а также законо-мерностям усовершенствования литературной нормы языка.

Известно, что при подготовке к печати язык народных эпических произведений некоторые издатели стремились привести в соответствие с нормами литературного языка. Однако, несмотря на это, народные эпические произведения сохранили многочисленные языковые факты, доказывающие их близость с языком джекающих диалектов, например, со-хранился *дж* в начале слова: *Кир майдонга, джур-ха деди* («Малика айёр», 320). Здесь вместо современного литератур-ного *юр* 'идем' употреблена форма кыпчакского говора *джур*; вместо лит. *ташла*- 'бросай' употребляется *тайля- ш > й*, вместо лит. *богла*- 'связывай' — *бойла- ғ > й*: *Белига қилич бойлаган, зенига пўпакли найза тайлаган* («Равшан», 325) 'На поясе у него меч, на плечах копьё с бахромой'.

Употребление *тайла* вместо *ташла* в настоящее время часто встречается во многих говорах Самаркандской области, а также в говорах Джизакской, Кашкадарьинской, Сурхан-дарьинской и Бухарской областей. Употребление *бойла* вмес-то *богла* встречается во всех джекающих кыпчакских диалек-тах Узбекистана, а также в ряде городских говоров; это яв-ление проникает и в узбекский литературный язык.

Кроме того, в эпических произведениях и джекающих (кыпчакских) диалектах во многих случаях в начале слова вместо *с* употребляется *ш* или *ч* (*чоч* 'волосы'), вместо *б—м* (*мундай* 'такой'), место *т—д* (*довуш* 'голос') и т. д. Ср. так-же: *Ўз элимиздан бир одам «қиз меники» деб эшигимизни*

шупурган эди («Едгор», 26), *шупурган* 'подметал'; *довшини билдик* («Едгор», 16) 'узнали его голос'.

Ота, жавобингни бердим, жўнагин!
Мундан кейин совчи бўлиб келмагин!
Ҳар кимни тенгига қўш-да, валлакат,
Менга *мундай* тузсиз сўзни демагин!
(«Равшан», 348).

'Я дал тебе ответ, отец, теперь ступай!
Впредь со сватовством не приходи!
Найди же каждому свою ровню, щедрый человек!
Не говори мне бессмыслицу!

Можно привести примеры и на другие явления из грамматики и лексики. Так, аффиксы направительного, винительного, родительного и исходного падежей в эпических произведениях совпадают с аналогичными аффиксами джекающих (кыпчакских) диалектов. Здесь родительный и винительный падежи имеют свои морфологические показатели. В частности, вместо афф. -*дек* употребляется афф. -*дай*, послелог *билан* имеет форму *ман* и *минан*, афф. -*лик* произносится как -*иқ*, аффиксы деепричастия -*май* и -*масдан* употребляются как синонимичные. Например,

Обрў талаб Равшанбекдай ёш бола,
Маҳкам тортди майин ипак айилди
(«Равшан», 351).

'Отстаивающий честь юноша Равшанбек
крепко подтянул шелковую подпругу'.

Томоша қинг бек *Равшандай* болага,
Суяб қўйди қундуз жаҳалдирикди...
(«Равшан», 356).

'Полюбуйтесь джигитом Равшаном,
Как он положил бобровый (пушистый) потник'.

Ҳасанман ўзингни қуда қилмоққа,
Шул сабабли меҳмон келдим уйингга
(«Равшан», 347).

'Я пришел к тебе в гости, чтобы
сделать Хасана с тобой сватями'.

Бозорни оралаб, уни-муни олайиқ, эртароқ
ййловга борайиқ...» («Ёдгор», 17).

‘Пройдемся по базару, кое-что купим и пораньше
вернемся на пастбище’...

Тортинмай от қўйди шердаини қайсар («Малика
айёр», 322).

‘Упрямец, подобный льву, бесстрашно поскакал на
врага’.

Отасин Такали-Ёвмит юртидан
Талаб қилди, кўринг, Ширвон элига
(«Равшан», 351).

‘Посмотрите, как он отправился от Теке-Ёмуда в
Ширван, чтобы возвратить своего отца на родину’.

Бир неча санамнинг тишлари дурди,
Излаб борар бўлди Зулхумор ҳурди
(«Равшан», 351).

‘У иных красавиц зубы как жемчужины,
он решил отправиться в поиски гурни Зулхумор’.

Қайтайин, бошима бўлди қиёмат,
Кеча-кундуз ишим оҳу надомат («Равшан», 348).

‘Что же мне делать, когда на голову мою свали-
лось горе и поэтому день и ночь в страданиях
провожу’.

Приведенные примеры показывают, что в народных эпических произведениях вместо лит. афф. *-га* дательного-направительного падежа употребляется афф. *-а*; аффикс винительного падежа *-ни* употребляется в форме *-ди*; аффикс родительного падежа — *-(и)н*. Все эти явления характерны для современных джекающих (кыпчакских) диалектов Узбекистана. Большинство явлений (например, употребление *-ди* вместо *-ни* и др.) под влиянием джекающих (кыпчакских) диалектов в настоящее время встречается во многих городских говорах (Коканд, Андижан, Фергана, Самарканд, Бухара, Қарши, Шахриябз, Джизак, Каттакурған и т. д.).

Некоторые грамматические изменения в языке

Считается характерным явлением для кыпчакских говоров употребление афф. *-а* вместо лит. *-га* в таких словах, как *отама* 'к моему отцу', *акама* 'к моему старшему брату', *укама* 'к моему младшему брату' и т. д. встречается и в диалектах, входящих в огузскую группу (Хорезм, Каракул и др.). Например: *Уғлима ўхшийдди овозинг сани* («Ошиқ Ғариб ва Шоҳсанам») 'Твой голос похож на (голос) моего сына'. Однако закономерности и причины употребления *-а* вместо *-га* в кыпчакских и огузских диалектах совершенно различны. В диалектах, входящих в огузскую группу, афф. *-а* встречается в конце слова после всех согласных. Например: *ўғлима* '(к) моему сыну', *бозора* 'на базар', *майдона* 'на площадь', *боға* 'в сад' и т. д., чего нет в диалектах, входящих в кыпчакскую группу. Например, в кыпчакских диалектах не *бозора*, а *бозорға*, не *майдона*, а *майдонға*⁸¹. В кыпчакских диалектах афф. *-а* встречается лишь в словах, оканчивающихся согласными *м* и *нг*, например: *отама*, *отанга* [атана], *укама*, *уканга* [уканә] и т. д. Характерно, что афф. *-а* в кыпчакских говорах употребляется лишь после двух из трех носовых согласных — после *м* и *нг*, а после *н* не употребляется.

Причина употребления афф. *-а* в кыпчакских диалектах связана не с фонетическими закономерностями языка, а с морфологическими. Афф. *-а* присоединяется лишь к словам, имеющим форму принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа: *отама*, *отанга* [отана] тогда как во мн. числе эти же слова имеют афф. *-га*, например: не *отамизга* 'к нашему отцу' как в огузских языках, а *отамизга*, не *укамизга* 'к нашему младшему брату', а *укамизга* и т. д.

Следовательно, в то время как употребление афф. *-а* в огузских языках и диалектах происходит в соответствии с фонетическими закономерностями, в кыпчакских же диалектах — с морфологическими. Аналогичное явление наблюдается и в народных эпических произведениях.

Проанализируем параллельное употребление аффиксов деепричастия *-май* и *-масдан*. На первый взгляд это явление кажется очень незначительным. А между тем оно помогает выяснить закономерности изменений, происходящих в диалектах и узбекском литературном языке. Например, для бо-

---

⁸¹ Кыпчаки, проживающие в Хорезме и Каракалпакии, часто аффикс дат.-напр. пад. *-а* употребляют после любого конечного согласного. Это явление, безусловно, результат влияния огузских диалектов.

рар бўлдим 'решил пойти' отрицательная форма *бормас бўлдим* 'решил не ходить'.

Язык народных поэтических произведений показывает, что формы типа *тортинмай* и *тортинмасдан* 'не стеснясь' возникли в более поздний период развития языка.

Первоначальная форма *тортинмай*//*тортинмас* выглядела как *тортинмар*//*тортинмар*(з), т. е. со временем *р* перешел в *й*. Такая замена *р* > *й* встречается и в наши дни в диалектах Самаркандской и Бухарской областей: *бэррйди*, *бэрр эди* 'он ходил' или *бэрмаййакан* → *бэрмасакан* 'он не может ходить (оказывается)'. Замена *тортинмар* формой *тортинмас* гипотетически происходила так: *Тортинмар* > *тортинмаз* > *тортинмас*.

Здесь произошла замена фонемы *р* фонемой *й* или фонемы *р* — фонемой *з*. Употребление же какой-либо формы в сочетании с *р* или *й*, или с *з*, по-видимому, характерно для разных подсистем однородной системы языка или диалекта. Как утверждают Махмуд Кашгари, А. Н. Самойлович, Г. Алим, Э. Н. Наджип, на определенных ступенях своего развития тюркские языки, в том числе и тюркские языки народов Средней Азии, делились на *й*-группы, *д*-группы и *з*-группы языков⁸². Однако, как свидетельствует М. Кашгари, несмотря на то, что фонема *й* в основном отмечается в начале слова в тюркской группе (т. е. в карлукском, чигильском, среднеузбекском диалектах), в середине и конце слова в большинстве случаев она встречается в кыпчакской и огузо-кыпчакской группах. Эти предположения требуют уточнения.

Пока можно думать так: если правильным окажется второе предположение, то это значит, что фонемы *й* и *с* не восходят к фонеме *р*, а выступают определенной формой какого-либо диалекта или подсистемы диалекта (впоследствии это явление стало нормой литературного языка). Если так, то это еще раз подтверждает, во-первых, связь языка народных эпических произведений с кыпчакскими диалектами, которая относится к очень далекому прошлому, а во-вторых, возникновение таких форм, как *тортинмай*//*тортинмасдан*, произошло в те же времена в результате процессов интеграции и дифференциации. Ибо возникновение форм, характерных лишь для одного определенного языка, из отдельных форм, характерных для *й*-группы и *з*-группы тюркских языков, свидетель-

---

⁸² М. Кошғарий. Девону луғотит турк, I т., Тошкент, 1960, 66—69-бет; А. Н. Самойлович. Указ. соч., стр. 5—8.

ствуует, что данное явление произошло в результате интеграции. Что же касается двойного выражения формы, то это — результат дифференциации.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО НАРОДНЫХ ДАСТАНОВ И ДЖЕКАЮЩИХ ДИАЛЕКТОВ

В народных эпических произведениях и в джекающих (кыпчакских) диалектах отмечаются общие стянутые формы слов и их сочетаний: лит. *келинг* 'приходите' здесь произносится как *кэнг*, *бўлинг* 'будьте' — *бўнг*, *қандай қилайин* 'как мне быть' — *қайтайин*, *олиб келинг* 'принесите' — *оп келинг* или *оп кенг*.

Примеры:

Қайтайин бошима бўлди қиёмат,
Кеча-кундуз ишим оҳу надомат («Равшан», 348).

'Что же мне делать, когда на голову мою свалилось горе и поэтому день и ночь в страданиях провожу.'

Томоша қинг, ҳой, Равшандай полвонни,
Ширвоннинг юртига талаб айлади.
(«Равшан», 351).

'Полюбуйтесь богатырем Равшаном,
Как он направился в Ширван'.

Соқибулбул Мажнунқўкни оп келиб
(«Интизор», 346).

'Сакибулбул, приведя коня Маджнункука...'

Орқасидан пушаймон бўб қон ютма!
(«Равшан», 357).

'А потом не раскаивайся и не проливай кровавые слезы!'

Стянутые формы возникают в результате стремления говорящего к сжатости, легкости и простоте. Поскольку основная база литературного языка — народно-разговорная речь, то такие формы, благодаря этому свойству, проникают в литературный язык и постепенно становятся литературной нормой.

При сравнительном изучении языка народных эпических произведений с кыпчакскими диалектами встает также вопрос об их отношении к узбекскому литературному языку, о том, как они обогащают литературный язык. При этом очень важно выявить лексико-стилистические и фразеологические сходства. В этой области мы провели специальные исследования. Здесь мы ограничимся только наиболее характерными словами, показывающими сходство языка народных эпических произведений и джекающих (кыпчакских) диалектов, их сравнение с однозначными словами в диалектах городского типа и литературного языка⁸³. Примеры мы не специально собирали, а взяли первые попавшиеся страницы.

На основании приведенных примеров (стр. 77—82) можно сделать следующие выводы.

Во-первых, исследованный материал показывает, что между джекающими (кыпчакскими) диалектами и произведениями устного народного творчества очень много общего в лексике: из 60 приведенных слов почти все совпадают полностью, если некоторые из них не совпадают полностью, то заменяются каким-либо синонимичным словом, встречающимся в этих диалектах. Из названных примеров только слово *широлга* не встречается в настоящее время в кыпчакских диалектах (если бы и встретилось, то его следовало бы отнести к архаизмам).

Однако, если то или иное слово в наши дни не встречается в современных кыпчакских диалектах, это не означает, что их здесь никогда не было. Естественно, что слова, которые в далеком прошлом обозначали определенные понятия или предметы, после того, как эти понятия или предметы вышли из употребления, могли также исчезнуть и с течением времени забыться.

Таким образом, язык народных эпических произведений и кыпчакские диалекты во многом имеют большое сходство, которое является доказательством того, что они исторически восходят к единому, общему источнику.

Приведенные примеры свидетельствуют, что джекающие (кыпчакские) диалекты и язык устного народного творчества богаты многочисленными языковыми средствами, которыми все еще не пользуется литературный язык, а пользоваться ими необходимо. В самом деле, многочисленные примеры яс-

---

⁸³ Примеры взяты из т. I и II узбекских народных эпических произведений. В тех случаях, когда возникало сомнение, правильно ли передано произношение данного слова, мы ставили знак вопроса.

Стр. (т. I)	Эпич. произв.	Джек. кыпч. диал.	Диал. городского типа	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
359	жиринди	жеринди	—	кўнгли қолди	'опротивело' 'чувствовал отвращение'
351	давур (?)	(давур)	—	—	'до (какого-то времени)'
351	ўмудирик	ўмудирик	—	—	'нагрудник (коня)'
351	қўтос	қотас	қотас	қўтос	'як'
351	жайнади	жайнади	—	—	'блеснул, насплавился'
351	сувлуқ	сувлуқ	—	сувлуқ	'(уздечка)'
353	туллатиб	туллатип	—	—	'заставив лнить'
354	сўйлагин	сўйла(гин) созла	сўзлагин	сўзлагин	'говори'
354	эна	эна, ана	она, бийи биби, ая, ойи, буви фикр, хаял	она	'мать'
355	ўй	ой	фикр, хаял	ўй, фикр, хаял	мысль, дума
355	оғоч	ағач	йағоч жағач	ёғоч	мечта дерево
355	валламат	вйлламат, мйрт	мард хотамтой	мард	бревно
356	нучук	нўчўк, нечўк, нимйгай, нимйчўн	нимай ўчўн	хотамтой нима учун	щедрый, смелый добрый почему, отчего, за- чем, для чего,

Стр. (т. I)	Эпич. произв.	Джек. кыпч. диал.	Диал. городского типа	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
358	даракламак	дйрйклаймак	сдроқламақ	йуқламақ	справляться, разыскивать
359	буйрини	жбқламақ	буйрини, ичини, ичини	суроқламақ	внутренности
359	диркиллаб	диркиллаб	—	биқинини	бок
359	қотилмоқ	қатылмоқ	аралашмоқ	аралашмоқ	упруго вздрагивая, горячась
359	арқыраб	арқыраб	—	—	смешаться, вмешаться
359	ўмров (?)	омрав	(кўкряк)	ўмров,	шатаься
359	турмуши	турмушы,	тўриши,	қуқрак	буря, шума, ревя
348	ўдаға	турышы	тўргйни	туруши	грудь
348	садаға	одаға	—	—	стояние,
348	тугул	садаға	(сайдға)	(садаға)	поза, вид
349	ўқсийди	тугул	—	(тугул)	старший,
		ўқсийди,	йиғлайди	—	вожак
		ўқсийди	—	—	жертва
		(камсинди)	—	—	'не, не только, не то, что'
349	дим	дим, ҳеч,	ҳеч	ҳеч	'чувствовать обиду', 'печалиться, быть обиженным, плакать'
		ҳеч,	ҳеч	ҳеч	'ни, ничего, совсем, абсолютно, вовсе не'

Стр. (т. I)	Эпич. произв.	Джек. кылч. диал.	Диал. городского типа	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
350	сулув	сулув	хушрүй	сулув, чиройли	'красивая, миловидная, с красивым лицом
350	узук	узук	ҳаддин	ўта, ҳаддан	'чрезмерно, чересчур, очень, слишком
352	илкис	ҳаддин, ота	ташқари (қалтис)	ташқари қалтис, тўсатдан	'рискованно, внезапно, неожиданно, вдруг'
(т. II)					
10	қўноқ	қонақ	меҳмон	меҳмон,	'гость'
10	қўниқ	мыйман қонық	—	—	'угощение, выдьяемое для гостей, оставшихся на ночь во время обрезного тоя'
13	широлга	—	—	—	'предмет (добыча), застреленная в нацеле охоты'
10	қудағай	қудағай	қудағай	қудағай	'сватья'
19	тағи	тағи (яна)	яна (боз)	яна (тағин)	'еще раз, опять'
21	аташтир	аташтыр	унаштыр	унаштыр	'сосватанная'
	илган	ылган	илган	илган	'обрученная'
21	ули	улы	ўғли	ўғли	'его (ее) сын'

Стр. (т. II)	Эпич. произв.	Джек. кылч. диал.	Диал. город- ского типа	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
21	кунлаш майман	(кунлаш- майман)	—	—	'не завидую, не ревную', 'не соперничаю', 'не ровня, не по- роднюсь', 'тощая, лошадь, кляча, парша' 'куций, кургузый'
23	чубир	қарындаш бомайман чобыр	чобир	чубир	'кабан, свинья'
23	чўнтоқ (?)	чонтақ (чолтақ)	чонтақ	чўлтақ	'помолвка малолет- них детей еще с колыбели
24	қобон	қабан, чочқа	хук, чочқа	чўчқа, (қобон)	'опора, оплот', 'соболезнующий, рассчитывать, на кого-либо
24	бешкерт	бешкәрт	бешик	бешик	'родня, родич, родственник
27	орқа- ўриш	арқа-өрши	—	кетти (бешкарти) суянчиқ, хамдард	'поднимаясь вверх, (в гору, по скло- ну)', 'режу, отрежу, за- режу'
27	томир	тамыр, қарындаш уруғ	қарындаш	қариндош	
27	ўргиб	өргиб, өрлаб	юқэрилаб (өрлаб)	юқорилаб	
31	чоларман	чаларман, кесәрман	кесәман	кесәман	

Стр. (т. II)	Эпич. произ.	Джек. кыпч. диал.	Диал. город- ского типа	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
32	чирпинди	чырпынды	—	—	'сделал резкое усилие, напрягся, принял воинственный вид, приготовился к единоборству', 'сосватанная'
33	белгили	белгили, байловли, нышонлы	боши боғлиқ, бойлиқ	боши бой- лиқ (боғ- лиқ)	'заявление, прошение, жалоба'
34	арза	арза (қағаз)	ариза	ариза	'не считай недостачными', 'рогозей, растяпа, глухой, растерявшийся'
35	озоинма	азайинма (аз демә)	—	—	'приносящий несчастье, несчастный'
36	сангров	санграв, менграв, гәйрәнг	гәйрәнг	гаранг	'намечаю, рассчитаю, рассчитаюсь, намереваюсь, думаю что-то предпринять'
37	совуқ оёқ	сувуқайёқ сарыайёқ	—	(бехосият)	'ожидание с нетерпением, томительное ожидание'
38	сүмлаб турубман	сомлап— туруппан, чотлап туруппан, көзләп ту- руппан	—	чамалаб турубман	
39	йүл интиги	жол ынты- гы, көзи төрт	—	күзи түрт	

Стр. (т. II)	Эпич. произв.	Джек. кыпч. диал.	Диал. город- ского типа	Лит. яз.	Значение в рус. яз
40	хайбат	хайбат қыл, сәвләйт тәгип	сәвләйт тәккиб	савлат түккиб	'важно, величаво, внушная страх'
41	тараққас айлаб	тараққас байлап, хаваланып	—	—	'фасоня, кривляясь, фигуристо, наря- но'
42	шердайин қайсар	шердай қайсар	—	—	'упрямый, как лев'
43	қуноқ устига чүноқ	қонақ усти- га чонақ, өлгәйдинг үстигәй	—	(үлгәйдинг устига тепкан)	'только этого еще не хватало, вдо- бавок'
44	узук сулув	тепкән үзук сулув	—	үта чирой- ли	'чрезмерно краси- вый'

но показывают, что значительное количество слов и фразеологизмов, встречающихся в народных эпических произведениях и в кыпчакских диалектах, или совершенно не употребляются в диалектах городского типа и литературном языке, или же употребляются лишь их отдельные синонимы. Естественно, что многие из приведенных слов должны войти в литературный язык. Кроме того, если учесть, что эти слова и сочетания исконно тюркские (узбекские), то их ценность еще больше увеличивается.

Когда речь идет о возможностях народных эпических произведений и кыпчакских диалектов, следует иметь в виду и то, что в них, особенно в диалектах, и с точки зрения стилистики и лексики, и с точки зрения терминологических возможностей, и с точки зрения грамматики хранится огромное нетронутое богатство, которое должно быть обязательно использовано в литературном языке. В качестве примеров можно привести хотя бы такие слова и выражения: *элас-элас ўтмак* 'мельком', 'неясно', 'чуть-чуть', 'еле-еле', *эпкин ўрмоқ* 'приятное дуновение ветра', 'незначительная струя воздуха (ветра)', *жўн-жўн юрмоқ* 'вести себя спокойно', 'благоразумно', *жўн одам* 'простой' (рядовой)', 'нехитрый человек', *жўн келмоқ* 'приходить так', 'просто', 'без дела', *жўн гапирмоқ* 'говорить нормально', *чўрт-чўрт кесмоқ* 'осечь (отсечь) с треском', *чўрт гапирмоқ* 'говорить прямо и резко', *бўла* 'двоюродный брат' (сестра) со стороны матери, *қирқим* 'стрижка овец' (в газетах употребляется *жун қирқиш*), *тўл туширмоқ* 'окот' (овец) (в газетах обычно пишут *қўзилатиш*) и т. д.

В узбекский литературный язык должны войти и отдельные грамматические формы. Например, в кыпчакских диалектах и народных эпических произведениях 2-е лицо личного местоимения, а также мн. число глагола во 2-м лице можно передать двояко:

Ед. число

Сен келдинг

'Ты пришел'

Сиз келдингиз

'Вы пришли' (с оттенком уважения)

Мн. число

Сизлар келдиләринг

'Вы пришли'

Сиз келдиләрингиз

'Вы пришли' (с оттенком уважения)

Из приведенных примеров видно, что здесь в ед. и мн. числах обычное отношение субъекта к другому лицу никогда

не смешивается с отношением уважения; эти формы взаимно не заменяются. В говорах же городского типа, а также в литературном языке наблюдается смешение двух типов обращения. Следовательно, в кыпчакских диалектах и языке народных эпических произведений значения этих двух типов обращения дифференцированы. В употреблении они всегда стилистически различаются. Включение этих форм в литературный язык способствовало бы усовершенствованию его грамматики, обогащению его семантически ясными формами.

Джекающие диалекты и народные дастаны как источники обогащения узбекского литературного языка

Все вышеприведенные примеры из народных эпических произведений «Алпамыш» и «Гороглы» и кыпчакских диалектов убедительно показывают, с одной стороны, сходство между ними, а с другой, — разницу, существующую между ними и другими узбекскими диалектами, а также литературным языком. Причина этого явления кроется в том, что кыпчаки-узбеки влились в состав ранее прибывших узбекских племен в качестве самого последнего компонента, и, в том, что они составляли и составляют самую большую часть узбекского народа.

Раньше расхождение между ними, безусловно, было гораздо больше, и в те времена кыпчакские диалекты и народные эпические произведения, созданные на этих диалектах, являлись единственным средством общения кыпчаков-узбеков между собой; эти диалекты выполняли и роль устного литературного языка. В те времена средства общения между различными узбекскими племенами были развиты очень слабо, и поэтому письменная литература не могла быстро и широко распространиться среди народа. Ведь тогда не было таких мощных средств связи, как радио, печать, телевидение, кино и т. д., которые широко распространены в наши дни.

Именно поэтому в то время некоторые грамотные и образованные люди, вышедшие из среды различных племен, осваивали письменный литературный язык и творили на этом языке; народные же сказители, связанные по своему происхождению с народной массой, продолжали разговаривать на общенародном разговорном языке и создавать на нем устную литературу. В результате этого разница, существовавшая между старым узбекским литературным языком и общенародным разговорным языком, а также языком устного народного

творчества, продолжала все больше и больше увеличиваться. Вместе с тем продолжали увеличиваться и расхождения, которые существовали между отдельными говорами и диалектами. И только после Октябрьской революции развитию таких расхождений был положен конец. Староузбекский литературный язык был коллективно реформирован заново на основе живого общенародного языка, архаические формы заменены формами живого общенародного языка. Нормы литературного языка были установлены на основе новых правил, а язык обогатился новыми словами и словосочетаниями. Однако процесс формирования и развития узбекского литературного языка все еще полностью не завершен.

Возможности живого народного языка, говоров и диалектов народа бесконечно велики. Неиспользованных потенциальных возможностей очень много. И для обогащения узбекского литературного языка они еще не в полной мере использованы.

Изучение таких бесконечно богатых возможностей, имеющих в языке народных эпических произведений, изучение истории узбекского языка, освещение процессов интеграции и дифференциации, которые происходили в языке, изучение истории формирования узбекского литературного языка, совершенствование его законов и правил, лексического фонда, его стилистических особенностей имеет большое значение для дальнейшего усовершенствования языка. Ибо литературный язык, который не питается народными диалектами и живым народным языком, не обновляющий свои законы развития, не расширяющий свой лексико-стилистический фонд за счет народных диалектов и разговорного языка, лишается внутренних источников развития и становится консервативным.

Диалекты и материалы языка народных дастанов являются разнообразным проявлением живого, разговорного языка и ценным источником обогащения литературного языка. Язык народных эпических произведений должен регистрироваться точно и в соответствии с произношением сказителя. В противном случае трудно было бы установить закономерности изменения разговорного языка народа, так как смешиваются исторические и искусственные изменения, происходящие в нем. В результате этого выяснение причин происходящих изменений в языке народных эпических произведений осложняется, теряется естественный путь развития.

Следует отметить, что транскрипционная система, применяемая диалектологами-узбековедами при изучении и записи народных диалектов, дает хорошие результаты. В сборе и сис-

тематизации народных эпических произведений, подготовке их к печати наши литературоведы-фольклористы сделали очень много; работа отечественных ученых положительно оценена у нас и за пределами Советского Союза. Однако до сих пор народные эпические произведения не подготовлены к академическому изданию.

Современные издания народных эпических произведений в целях доступности широким народным массам до некоторой степени изменены. В результате внесения многочисленных поправок в язык этих произведений в отдельных случаях возникла некоторая искусственность. Отмечены случаи, когда они пострадали в художественном отношении. И все-таки, несмотря на это, они сыграли положительную роль.

Уже ушли из жизни такие мастера народных эпических произведений, как Фазыл Юлдаш-оглы, Эргаш Жуманбул-бул-оглы, Пулкан-шаир, Жамрат-оглы, Ислам-шаир и многие другие, но их творчество благодаря труду узбекских фольклористов, навеки осталось достоянием народа. Мелодии домбр этих сказителей записаны и сохранены для следующих поколений. Фольклористами написаны труды о жизни, деятельности, творчестве, мастерстве наших народных сказителей. Работа ученых продолжается и в настоящее время. Однако успехи в области исследования вопросов узбекского языкознания и диалектологии, истории языка, стилистики, формирования и развития узбекского литературного языка, его обогащения и совершенствования были бы более значительными, если бы фольклористы в своих научных усилиях объединились с языковедами и диалектологами.

Следует отметить, что существующие издания народных эпических произведений, если до некоторой степени и служат материалом для фольклориста и литературоведа, то для диалектолога они не представляют должной ценности.

Настало время осуществить издание, которое в полной мере отвечало требованиям, предъявляемым к публикациям подобного рода, т. е. чтобы оно точно сохраняло специфику народного языка и таким образом служило бы научной базой для изучения во всех аспектах.

Некоторые дастаны подготовлены к изданию с большим мастерством и любовью. Например, эпические произведения «Равшан» и «Ядгар» (особенно вариант дастана «Равшан», включенный в первый том «Узбекских народных эпических произведений»), подготовленные Х. Зарифовым, и первое издание «Алпамыша», подготовленное Х. Алимджаном. Х. Зарифов и Х. Алимджан стремились к тому, чтобы язык про-

изведений был понятен народу и сохранил свою естественность; они старались не нарушать размер стиха и художественность произведения. Правда, в язык поэм были внесены некоторые поправки, а сохранившиеся в тексте непонятные диалектные слова были разъяснены в примечаниях. Приведем несколько примеров из «Алпамыша», «Ядгара», «Равшана»:

Йилқичинда ўзи келган синлидир,
Товушқон туёқли, морол беллидир. («Равшан», 12).

‘В табуне он отличается стройностью,
Копыта (то есть ноги) его как у зайца,
а спина как у марала’

Некоторые же составители, стремясь приблизить язык узбекских народных эпических произведений к литературному языку, ввели в них ряд ненужных исправлений. Приведем лишь один пример: в результате нарушения закона гармонии гласных, характерного для языка устного народного творчества, фонетический облик многих слов поэмы был грубо нарушен. Так, характерное для дастана слово *томоша* ‘зрелище’ было превращено в *тамоша*, слово *морол* в *марол* ‘марал’, *мажара/можоро* в *мажора* ‘скандал’ и т. д.

В связи с этим отметим, что в кыпчакских диалектах и в диалекте сказителя, который создает устные произведения, в полной мере сохраняется закон сингармонизма, т. е. в одном и том же слове гласные могут быть или все без исключения заднеязычными, или переднеязычными. Составители же, готовившие народные эпические произведения к печати, нарушали этот закон, язык народных поэтических произведений исправляли, подчиняя его правилам произношения диалектов Бухары, Самарканда и других диалектов городского типа. По этой причине язык изданных народных эпических произведений в фонетическом отношении не всегда отвечает современным научным требованиям.

В вышеприведенном примере в словосочетании *йилқи ичинда* на месте гласного *и* в конце первого слова и в начале второго в результате элизии остался один *и*. Сохранение этого сочетания в стяженной форме правильно, ибо в противном случае (т. е. если дать в виде *йилқи ичинда*) нарушается стихотворный размер и естественность языка сказителя. Ср. также правомерность сохранения в стихе стяженной формы:

Томоша қинг бек Равшандай болага,
Суяб қўйди қундуз жаҳалдирикди («Равшан», 350).

‘Полюбуйтесь джигитом Равшаном,
Как он положил бобровый (пушистый) потник’.

Орқасидан пушаймон бўб, қон ютма!
(«Равшан, 357).

‘А потом не раскаивайся и не проливай кровавые
слезы!’

Характерные для кыпчакских диалектов и для языка ска-
зителя такие слова, как *ул* (лит. *ўғил*) ‘сын’, *чеча* (лит. *янга*)
‘жена старшего брата’, *желак* ‘женское покрывало наподобие
паранджи’ не заменены синонимами, которые употребляются
в литературном языке, а сохранены без изменения:

Қизим аташтирилган Қунғирот юртида
Алпомиш ботирнинг ёлғиз улига («Едгор», 21).

‘Моя дочь сосватана единственному сыну
храбреца Алпамыша из Кунграда’.

Обычно в языке народных эпических произведений части-
ца *-дир*, выполняющая предикативную функцию, в боль-
шинстве случаев сокращается в *-ди*. Составители сохранили
эту особенность языка дастана:

Бек Равшаннинг бу ишлари тўнгликди (р)
Бир тарафи эрка ўсган-ўрликди (р)
(«Равшан», 350).

‘Эти поступки бека Равшана не столько из-за
грубости, а сколько из-за разбалованности’.

В настоящее время есть все условия, необходимые для
академического издания узбекского устного народного твор-
чества: имеются высококвалифицированные кадры фолькло-
ристов и диалектологов, богатый опыт издания дастанов.
Кроме того, тогда мы не имели достаточного количества вы-
сококвалифицированных кадров, которые могли бы выполнить
эту задачу. В настоящее время у нас имеется достаточное
количество опытных и хорошо подготовленных научных кад-
ров — фольклористов и диалектологов, которые могли бы
успешно и качественно осуществить эту задачу. Вот поэтому
перед нашими фольклористами и диалектологами стоит по-
четная и благородная задача: совместно приступить к этой
работе и выполнить ее.

ОТНОШЕНИЕ КЫПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ К КАЗАХСКОМУ И КАРАКАЛПАКСКОМУ ЯЗЫКАМ

Процесс формирования узбекской нации происходил на базе слияния тюркоязычных и нетюркоязычных племен и народов.

Самую многочисленную этническую группу составляли узбеки-кыпчаки, которые по этнографическим, языковым, культурным, а также хозяйственно-бытовым признакам находятся в большей близости к казахам и каракалпакам.

Например, в джекающих (кыпчакских) говорах узбекского языка, в казахском и каракалпакском языках: 1) по форме и по значению полностью совпадают такие слова, как *тав* (*тау*) 'гора', *бав* (*бау*) 'узел', 'повязка', *бызав* (*бызау*) 'теленок' (тогда как в узбекском литературном языке и в других говорах узбекского языка они имеют форму *тоғ*, *боғ*, *бузоқ*); 2) почти однотипен закон гармонии гласных (за некоторым исключением), отсутствует закон губного уподобления (в узбекском литературном языке и в большинстве городских говоров эти законы в основном отсутствуют, т. е. разрушены); 3) система вокализма девятифонемная (в некоторых узбекских городских говорах вокализм состоит лишь из 6—7 гласных фонем); 4) в начале слова большей частью употребляется фрикативно-смычный *ж* [дж] — в узбекских говорах и каракалпакском языке или велярное *ж* [ж] в казахском языке (в узбекском литературном языке ему соответствует *й*); 5) в разговорной речи вместо согласного *ф* употребляется *п*, вместо *х* — *қ* — это характерно для языка большинства узбеков-кыпчаков, казахов и каракалпаков; и у узбеков-кыпчаков, и казахов, и каракалпаков в прошлом основным видом национальных инструментов являлись домбра и кобуз; 7) образцы устного народного творчества у этих народов (например, «Алпамыш») в основном тоже совпадают. Узбеки-кыпчаки сближаются с казахами и каракалпаками и по многим другим признакам. Эти факты заставляют думать о том, что узбеки-кыпчаки когда-то были в более тесных связях с казахами и каракалпаками, чем с другими этническими группами узбеков, особенно с городскими узбеками.

Узбеки-кыпчаки в древние времена вместе с казахами, каракалпаками и с некоторыми другими народностями представляли одну историческую общность — общность кыпчаков, а потом по разным историческим причинам разъединились. Это подтверждается исследованиями многих ученых-истори-

ков, этнографов, филологов⁸⁴, рукописями «Шаджары» («Родословной узбеков»)⁸⁵. В том, что предки узбеков-кыпчаков, казахов, каракалпаков в древние времена имели между собой тесную связь и составляли одну историческую общность, можно убедиться на примере того, что в эпоху тюркских каганатов основная часть узбеков-кыпчаков, так же как казахи, каракалпаки и киргизы, находилась в составе этого каганата.

Западно-тюркский каганат включал и тюркские племена южного Казахстана, которые явились предками ряда среднеазиатских народов, в том числе современных казахов. Так как последние обладают джекающим диалектом, то можно говорить, что слова, нами разобранные (ябгу-жабгу — Х. Д.), являются древнейшими следами формирования некоторых среднеазиатских тюркских языков. Например, казахского (следовательно, и джекающих диалектов узбекского языка, а также каракалпакского и киргизского языков — Х. Д.).

Возможно, потому, что узбеки-кыпчаки, казахи и каракалпаки долгое время находились в одной общности, они подчеркивают свою близость, употребляя такие выражения: казахи об узбеках говорят: *ўзбегим-ўз оғам* 'узбек — мой родной старший брат', а узбеки о казахах говорят: *қозоғим—қарағим* 'казях — мой родной, дорогой'. Так же говорят друг о друге узбеки и каракалпаки, казахи и каракалпаки.

В свою очередь и каракалпаки считают себя братьями узбеков⁸⁶.

Бари алты уруу қарақалпақ
Өзбектен айрылган екан.

'Все шесть родов каракалпаков
От узбеков отделились'.

Ту же мысль подтверждает М. Тлеумуратов⁸⁷, исследователь классики каракалпакской литературы поэта Бердаха.

⁸⁴ См.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, ч. 2, М., 1964, стр. 52, 313, 913 и др.; Б. Д. Греков. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950; А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941, стр. 3—4; С. Е. Малов. К истории казахского языка, «Изв. АН СССР», 1941, № 3; Н. А. Баскаков. Тюркские языки, М., 1960.

⁸⁵ Шесть рукописей «Родословной узбеков» обнаружены нами в окрестностях Самарканда и Баявутском районе. См. об этом: Х. Дониёров. Олти қўлёманинг таснифи, «Гулистон», 1969, № 6.

⁸⁶ Об этом см.: С. Камалов. Каракалпаки в XVIII—XIX вв., Ташкент, 1968.

⁸⁷ М. Тлеумуратов. Произведения Бердаха как источник по истории каракалпаков, Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1967.

Однако между джекающими (кыпчакскими) диалектами и казахским, каракалпакским языками имеются и многие фонетические, грамматические и лексические различия.

1. Фонетические различия:

1) в казахском языке имеются долгие гласные, а в кыпчакских диалектах их нет;

2) гласные *о, ö* и гласный *ö* в казахском и в каракалпакском языках в начале некоторых слов имеют дифтонгизацию, т. е. перед *о* и *ö* появляется слабый согласный *в*: *вöрдек, вошак*, а перед *э* — *й*: *Ергеш (йэргеш), Ерман, Есенбай, Ергенек* (имена собств.) и т. д.;

3) в казахском и каракалпакском языках, если в первом слоге слова имеется гласный *э*, то и в последующем втором слоге тоже употребляется *е*: *Ергеш, келет* '(он) идет', *екан* 'оказывается' и т. д.; в кыпчакских диалектах узбекского языка во втором слоге употребляется *ä*: *Иргäш, келäди, экän (äкän)* и т. д.;

4) вместо согласного узб. лит. и кып. диал. *ч* в казахском и каракалпакском языках употребляется *ш*: *чач—шаш* 'волосы', *пычақ—пышақ* 'нож', *қыпчақ—қыпшақ, чал—шал* 'старик';

5) узб. лит., кып. диал. *ш* соответствует казах. и к.-калп. *с*: *таш—тас* 'камень', *баш—бас* 'голова', *беш—бес* 'пять'⁸⁸ и т. д.;

6) узб. лит., кып. диал. *ж* является смычной аффрикатой, а казах. *ж* — звук велярный;

7) звук *х* в начале некоторых слов арабского происхождения, обозначающих собственные имена (*Хайдар, Хазрат* и др.), в узбекском литературном языке и кыпчакских диалектах не изменяется, тогда как в казахском языке этот звук переходит в *қ*; ср. также казах. *қазир* — узб. *ҳазыр* 'сейчас';

8) в словах с начальным *х*, например: *ҳава* 'погода', *ҳарким* 'каждый' и т. п. Этот звук в казахском языке не произносится и не пишется;

9) согласный *х* в словах арабского происхождения: *хизмат* 'служба', *хайр* 'до свидания', *хабар* 'известие' и т. п. в узбекском литературном языке и в кыпчакских диалектах в основном остается без изменения, тогда как в казахском языке он переходит в *қ*;

10) вместо «айн» (*ع*) в заимствованных из арабского языка словах в казахском языке пишется и произносится *ғ*:

⁸⁸ Этот фонетический процесс В. А. Богородицкий называет конвергенцией. См.: В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими языками, Казань, 1953, стр. 15.

муғаллым — узб. *муаллим* 'учитель', *ғалым* — узб. *олим* 'ученый';

11) согласный *ф* под влиянием узбекского литературного языка в настоящее время все больше и больше проникает в кыпчакские диалекты, тогда как в казахском языке этот процесс достаточно четко еще не определился.

II. Морфологические особенности:

1) в казахском и каракалпакском языках. показатель местного падежа *-та/-да, -те/-де* имеет варианты, осложненные аффиксом древнего инструментально-орудийного падежа — *и.н.* В памятниках староузбекской литературы и в современном узбекском литературном языке употребляется в основном афф. *-та/-да* и лишь иногда *-и.н.*

2) казахская форма настоящего продолжительного времени — *батыр* соответствует кыпч. диал. — *жатыр*, например: *барыбатыр—баражатыр* 'идет';

3) глагольные формы будущего времени в кыпчакских диалектах типа *барады* 'пойдет', *келәди* 'придет' принимают в казахском языке усеченную форму *барат, келет*;

4) глагольная форма кыпчакских диалектов типа *бартурган* 'идуший' в казахском языке передается усеченной формой *баратын*, а в городских говорах андижанского типа и в узбекском литературном языке эта форма употребляется в виде *барадиган*;

5) афф. *-ла* узбекского литературного языка и кыпчакских диалектов в казахском языке употребляется в виде *-да/-та, -де/-те*; иногда как застывшая форма вариант этого аффикса *-да* встречается и в произведениях Алишера Навои и других классиков узбекской литературы;

6) аффикс исходного падежа *-дән/-тән* (иногда *-нан/-нән*) кыпчакских диалектов в казахском языке имеет форму *-тән/-дән, -тен/-ден* и *нен*, причем вариант *-нен* считается продуктивным. Форма *-нен* омонимична варианту союза *-мен/-нен* (<*билан*) 'и';

7) функцию вспомогательного слова *деб* кыпчакских диалектов в казахском языке выполняет вспомогательное слово *тувралы* 'относительно'; последнее соответствует кып. диал. *туврысыда*: *хава туврысыда* — казах. *авалай тувралы* 'относительно погоды';

8) форма глагола *гәпирә жатыппыз/гәпирә жаппыз* 'разговариваем' в кыпчакских диалектах соответствует казах. *сөйлеп отырымыз*.

III. Лексические особенности:

В лексике кыпчакских диалектов и казахского языка в

настоящее время также имеются большие различия. Ср., например:

<i>Кыпч. диал.</i>	<i>Казах. яз.</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>меҳнәт/ме:нәт</i>	<i>еңбек</i>	‘труд’
<i>шәйхәр/шәй:р</i>	<i>қала</i>	‘город’
<i>рәйис</i>	<i>председатель</i>	‘председатель’
<i>план</i>	<i>жоспар</i>	‘план’
<i>хожәлик/қожалық</i>	<i>шарбашылық</i>	‘хозяйство’
<i>Мәркәзий Кәмитет</i>	<i>Орталық Ко- митети</i>	‘ЦК’
<i>Олий Совет</i>	<i>Жоғарғы Со- вет</i>	‘Верховный Со- вет’

Число таких примеров можно значительно увеличить.

Большое число различий в кыпчакских диалектах и казахском языке появилось после разделения единой общности, однако некоторые различия, прежде всего в области новой терминологии, относятся уже к послеоктябрьскому периоду.

Если часть этих различий связана с формированием узбеков-кыпчаков и казахов, а также каракалпаков как особых общностей, то другая часть этих различий возникла в связи со слиянием узбеков-кыпчаков с остальными узбеками.

ОТНОШЕНИЕ КЫПЧАКСКИХ ГОВОРОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА К ЯЗЫКУ ЕГИПЕТСКИХ КЫПЧАКОВ XIV ВЕКА

Ценным кыпчакским памятником XIV в. является «Аттух-фатуз закияту филлуғатит туркия»⁸⁹. Это филологическое произведение написано в мамлюкском Египте неизвестным автором и содержит очень ценные сведения по грамматике и лексике тюркских языков, особенно по истории языка египетских кыпчаков.

Известно, что в XIII—XV вв. в Египте власть находилась в руках кыпчакских правителей, которых называли мамлюками, что означает на арабском языке рабы. Как арабскими, так и тюркскими авторами, в тот период были написаны многочисленные книги по грамматике и лексике кыпчакского языка, составлены словари, написаны художественные произведения. К этому времени относится и создание грамматики и словаря смешанного огузско-кыпчакского литературного языка крупным арабским филологом из Андалузии Абу-

⁸⁹ Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия, Тошкент, 1968.

Хайяном—«Китаб аль-идракли-лисон аль-атрак». Во введении «Аттухфа» автор этого труда с большим уважением упоминает имя Абу-Хайяна. Этот факт говорит о том, что автор «Аттухфа» был современником Абу-Хайяна или жил позже него.

Единственный экземпляр «Аттухфа», дошедший до нас, хранится в Стамбуле в библиотеке Вадиуддина. Дошедший до нас памятник написан почерком «насах». Рукопись состоит из трех глав. В первой главе, кроме предисловия автора, даются краткие грамматические сведения. Вторая глава рукописи состоит из словаря с разъяснениями и пометами. Третья глава целиком посвящена вопросам грамматики с соответствующим анализом⁹⁰.

В отличие от ряда словарей, созданных в этот период в мамлюкском Египте, автор «Аттухфа» ввел в свой труд грамматический очерк, а также различные ценные разъяснения по лексике. Многие исследователи пользуются материалами этого памятника. Поэтому вкратце охарактеризуем его.

Среди литературных памятников, созданных в XIII—XIV вв. «Аттухфа» глубже всех отражает кыпчакский язык. Об этом говорит и сам автор. По его словам, при написании своего труда он в основу исследования положил кыпчакский язык, который, как отмечает автор, является наиболее распространенным. Следовательно, это произведение написано там, где преобладающую роль играли кыпчаки и где больше всего пользовались кыпчакским языком.

Как известно, в XIII—XIV вв. кыпчакские племена в основном жили в Дашти-кыпчаке. Территория Дашти-кыпчака была огромна; она простиралась от низовьев Сырдарьи до Жайка (река Урал), включая Западную Сибирь, а также территорию, расположенную на севере Каспия в низовьях Волги до Крыма и далее до Днепра. Некоторая часть кыпчаков в это время жила и в Мавераннахре, Хорасане, Египте и Сирии. По свидетельству историка Рашид-ад-дина Казвини, еще тогда Дашти-кыпчак начали называть «страной узбеков», а значительную часть населения — узбеками⁹¹. Поэтому мы предпола-

---

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Н. А. Баскаков. Тюркские языки, М., 1959; Э. Н. Наджиб. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта, М., 1965; Э. И. Фазылов. Староузбекский язык, Ташкент, 1966, и др.

⁹¹ Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, М., 1965; Б. Ахмедов. Узбекларнинг келиб чиқиши, Тошкент, 1961; «История Узбекистана», т. I, Ташкент, 1957, стр. 500.

гаем, что «Аттухфа» написана человеком, вышедшим из кыпчакской среды, из среды узбеков Дашти-кыпчака.

Особый интерес представляет сравнительный анализ лексического богатства «Аттухфа». Подавляющая часть лексики, многие грамматические формы точно совпадают со словами и грамматическими формами кыпчакских диалектов узбекского языка. Конкретные примеры: *эснади* 'зевнул', *эсди* 'подул', *этак* 'пола', *бағир* 'грудь', *бойлади* 'привязал', *бол* 'мед', *боли* 'мальчик', *барча* 'весь', *боғ* 'сад', *элак* 'сито', *ота* 'отец', *от* 'лошадь', *оқшом* 'вечер', *очиқ* 'открытый', *ариқ* 'арык', *ортиқ* 'излишек', *ёз* 'лето', *ёлғиз* 'только', *яқин* 'близко', *ёлғончи* 'лгун', *ёндириди* 'сжег', *ер* 'земля', *етишиди* 'достиг', *елди* 'промчался', *қўл* 'рука', *қўрқоқ* 'трус', *қўноқ* 'гость', *қувалади* 'погнался', *қўрғон* 'холм', *қулоқ* 'ухо', *манглай* 'лоб', *мақтов* 'хвала', *минг* 'тысяча', *минди* 'сел', *мақтади* 'похвалил', *ўй* 'мысль', *ўлди* 'умер', *силкинди* 'встряхнулся', *қичқирмоқ* 'кричать', *кишнамоқ* 'ржать', *тўхтамоқ* 'остановиться', *тўкмоқ* 'лить', *тангри* 'бог', *тул* (бева) 'вдова', *қора* 'черный', *соқол* 'борода', *кўк* 'голубой', *яшил* 'зеленый', *кўр* 'слепой', *бармоқ* 'палец', *қурут* 'высушенная сузьма', *қишлоқ* 'деревня', *тортиқ* (совға) 'подарок', *қаварди* 'покрылся мозолями', *бўри* 'волк', *олтин* 'золото', *тотмоқ* 'пробовать на вкус', *бўғузлади* 'зарезал', *сотмоқ* 'продавать', *сурма* 'сурьма', *товуқ* 'курица', *сувсамоқ* 'жаждать', *тоймоқ* 'скользить', *тоғ* 'гора', *тойлоқ* 'стригунок' (жеребенок), *топди* 'нашел', *улоқмоқ* 'удаляться', *қочқоқ* 'беглец', *тойғоқ* 'скользкий', *қоришиқ* 'смешанный', *овлади* 'охотился', *унутмоқ* 'забыть', *улашмоқ* 'раздавать', *улуш* 'часть', *чўкмоқ* 'встать на колени', *чиён* 'скорпион'.

Таких примером можно привести очень много. Все эти слова точно также произносятся и в кыпчакских диалектах, как они зафиксированы в «Аттухфа», по семантике они точно совпадают с их употреблением в кыпчакских говорах современного узбекского языка. Этот факт свидетельствует о том, что современные кыпчакские говоры узбекского языка корнями тесно связаны с кыпчакским языком мамлюкского Египта.

Сопоставим слова из «Аттухфа» с современным узбекским языком: *бовур* (*жигар*) 'печень' (186)⁹², *туш кўрди* (*туш кўрди*) 'видел сон' (20), *тумов* (*касаллик*) 'болезнь' (12), *ямов* (*ямоқ*) 'заплата' (186), *жўк* (*йўк*) 'нет' (113), *чолиш* (*қилиш билан уриш*, *ёки пичоқ билан тилиш*, *сўйиш*) 'удар с мечом' (272), *овур* (*оғир*) 'тяжелый' (164), *айран* (*айрон*) 'кислое

⁹² В скобках курсивом приводятся слова современного узбекского литературного языка.

молоко' (166), *аюв (айиқ)* 'медведь' (166), *озмоқ (адашмоқ)* 'блуждать' (166), *майрилди (эзилди)* 'согнулся' (168), *орт (орқа)* 'спина' (171), *оқшом (қечқурун, кечаси)* 'вечер' (172), *оччи (аччиқ)* 'горький' (172), *эрсак (лаванг, ярашиқсиз)* 'ленивый' (177), *бовузла (бўғизламоқ)* 'зарезать' (186), *бўёз (бўёқ)* 'краска' (186), *бўзламоқ (йиғламоқ)* 'плакать' (187), *бўса (бўлса)* 'если будет' (186), *бўш (юшмоқ, юввош)* 'смирный' (188), *бий (бек)* 'бек', *овуз (оғиз)* 'рот', *овринди (касал бўлди)* 'заболел', *овнади (ағнади)* 'свалился' (168), *бовузлади (бўғизлади)* 'зарезал' (59), *тўба (тепа)* 'вершина' (3), *қурут (курут)* (16), *бувун (бўғин)* 'сустав' (189), *буйдай (бугдой)* 'пшеница' (189), *тов (тоғ)* 'гора' (162), *ямов (ямоқ)* 'заплата' (136), *ёзиқ (гуноҳ)* 'грех' (196), *яқши (яхши)* 'хороший' (197), *кўрлик (кўрлик)* 'слепота' (229), *туйди (урди)* 'ударил', *сийди (сигди)* 'вместился' (244), *сўйиқ (сўйилган)* 'зарезанный' (247), *суйинди (севинди)* 'обрадовался' (24), *ури (ўғри)* 'вор' (45), *исси (иссиқ)* 'теплый' (45), *уркди (ҳуркди)* 'испугался' (33), *сўйлади (сўзлади)* 'сказал' (32), *қув (шум)* 'хитрый' (31), *кўган* (название веревки с нашейниками, которой привязывают коз или овец) (26), *юмуртқа (тухум)* 'яйцо' (26), *кавшанди (кавиш қайтарди)* 'жевал жвачку' (22), *ўянди (уйғонди)* 'проснулся' (20), *кўргазди (кўрсатди)* 'показал' (17), *ийна (игна)* 'игла' (15), *сори (сарик)* 'желтый' (11), *киччи (кичик)* 'маленький' (11), *ийиди (йиғди)* 'собрал' (42), *йили сув (иссиқ сув)* 'теплая вода' (47), *қина (хина)* 'хна' (48), *ули (улуғ)* 'великий' (104), *кирпи (типратикан)* 'ёж' (100).
Таких совпадающих во всех отношениях слов больше ста.

Следует заметить, что лексика «Аттухфа» совпадает и с лексикой кыпчакских говоров не только узбекского языка, но и ряда других тюркских языков, таких, как казахский, ногайский, башкирский, киргизский, которые входят в группу кыпчакских языков. Однако предварительное изучение материалов «Аттухфа» в сравнении с киргизским и башкирским языками убедительно показывает, что в языке «Аттухфа» отсутствует лабиальная гармония гласных, которая характерна для упомянутых языков. То же самое можно сказать и в отношении казахского языка. Покажем некоторые расхождения между казахским языком и кыпчакскими говорами узбекского языка. Так, в «Аттухфа» отсутствует переход *ч > ш*, *ш > с*, переход *а* во втором слоге в *э*, употребление афф. *-доқ* вм. *-лоқ*, афф. *-ти* вм. *-ли*, что является характерной особенностью казахского языка.

Несомненно, «Аттухфа» очень близко стоит к языкам всех современных народов, входящих в кыпчакскую группу тюрк-

ских языков, поэтому этот памятник является их общим достоянием. Однако язык этого памятника особенно близок к узбекскому языку, к говорам кыпчаков-узбеков. В пользу этого мнения говорит и тот факт, что в языке данного памятника параллельно встречаются обе формы повелительного наклонения от глагола *кўр*- 'видеть', *кўрсат*- и *кўргаз*-, как и в кыпчакских говорах узбекского языка. Об этом же говорит неизменное употребление лишь одной формы повелительного падежа на *-га*, как в современном узбекском литературном языке. Все это свидетельствует о близости языка памятника к кыпчакским говорам узбекского языка.

Из материалов, зафиксированных в «Аттухфа», видно, что в тот период в кыпчакском языке мамлюкского Египта употреблялось слово *шуба* (стр. 273), которое сохранилось в современном русском языке; даются там и соответствующие разъяснения к таким этнонимам, как «турк», «карлук», «кыпчак», «туркмен» и т. д.; слово *эл* употребляется в значении 'мир', 'спокойствие', а слово *бай* в значении 'счастливый', слово *ака* в значении 'дядя' и т. д. Все это имеет очень важное значение для выяснения исторических и этнографических вопросов.

Сравнительное изучение языка лишь одного памятника недостаточно для категорических суждений. Для этого необходимо сопоставительно изучить современный узбекский язык, кыпчакские говоры узбекского языка с языком ряда памятников, созданных в течение нескольких веков.

Глава II. ФОНЕТИКА ДЖЕКАЮЩИХ ДИАЛЕКТОВ В СРАВНЕНИИ С СОВРЕМЕННЫМ УЗБЕКСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

ВОКАЛИЗМ КЫПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Изучение кыпчакских диалектов по-настоящему началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Основу конкретного изучения этих диалектов заложил Е. Д. Поливанов¹.

Большое участие в разработке классификации узбекских диалектов приняли К. К. Юдахин, А. К. Боровков в особенности В. В. Решетов. Но эти ученые исследовали кыпчакские говоры Самаркандской и нынешней Джизакской областей лишь попутно, при общей разработке узбекской диалектологии.

С конца 30-х годов изучение узбекских говоров ведется кафедрой узбекского языкознания СамГУ. Однако работа по изучению диалектов была прервана Великой Отечественной войной.

Систематическое изучение кыпчакских диалектов Самаркандской и Джизакской областей началось с 1950 г. кафедрой узбекского языкознания УзГУ под руководством У.Т. Турсунова. С этого времени регулярно проводятся экспедиции научных работников и студентов по сбору диалектологических и фольклорных материалов. Параллельно организуются экспедиции сотрудников АН УзССР.

Некоторые результаты по изучению говоров Самаркандской и Джизакской областей отражены в кандидатских диссертациях: по говорам — киркскому (Т. Мирсагатов), бахмальскому (Х. Данияров), галляаральскому (В. Эгамов), джизакскому (Х. Гулямов), карнабскому (Н. Раджабов), джушскому (А. Ахмедов), найманскому (М. Валиев).

В этих работах, наряду с описанием особенностей того или иного говора, даются некоторые обобщения и делаются

---

¹ Е. Д. Поливанов. Вокализм говора города Самарканда. «Доклады АН СССР», № 14; Л., 1928, Он же. Казах-найманский говор, М., 1931.

научные выводы, которые способствуют глубокому изучению истории становления и развития узбекского национального языка, его обогащения и определения места и значения отдельных говоров в развитии узбекского литературного языка. Делаются попытки классификации народных говоров и установления систем их вокализма.

Можно выделить пять типов вокализма, по которым классифицируются говоры Самаркандской и Джизакской областей. Эти типы дают возможность проследить пути становления вокализма говоров Самаркандской и Джизакской областей и их развитие, пересмотреть некоторые вопросы орфографии, а также нормы литературного узбекского языка.

Т и п. 1

(вокализм типичного джекающего кыпчакского говора восточной группы)

Фонема	Неогубленные гласные		Огубленные гласные	
	переднерядные	заднерядные	переднерядные	заднерядные
Узкая	и	ы	ÿ	у
Средняя	э		ö	о
Широкая	ä	а		

Этот тип вокализма характерен для джекающих (кыпчакских) диалектов, к которым относятся бахмальский и галляаральский говоры, локализованные в восточной стороне от города Самарканда. Как видно, в этом типе говоров имеется девять гласных фонем; дифтонгизация отсутствует.

Т и п 2

(вокализм кыпчакского говора, близкого казахскому и каракалпакскому языкам)

Фонема	Неогубленные гласные		Огубленные гласные	
	передние	задние	передние	задние
Узкая	и	ы	ÿ	у
Средняя	(й) э		(в) ö	(в) о
Широкая	а	а		

Приведенный тип вокализма присущ джушскому (Нурагинский район) и найманскому (Каттакурганский район) говорам. Как и в говорах, относящихся к 1-му типу, здесь имеется девятигласная система фонем, но в отличие от вока-

лизма 1-го типа средние гласные 2-го типа имеют дифтонги— перед гласными э появляется согласный й: например, *йэчки* в м. лит.-орф.— *эчки* ‘козел’, *йэшик* в м. лит.-орф. *эшик* ‘дверь’; а перед гласными ö и о появляются или согласный в, или гласный у, например *вöт* — лит.-орф. *үт* ‘проходи’, *шот* — лит.-орф. *үт* ‘огонь’.

Тип 3

(вокализм кыпчакского говора, попавшего под сильное влияние говора самаркандско-бухарского типа)

Фонема	Неогубленные гласные		Огубленные гласные	
	передне-рядные	заднерядные	передне-рядные	заднерядные
Узкая	i	(ы)	ÿ	(v)
Средняя	э		ö	(o)
Широкая	ä	(ä)		э

К говорам с этим типом вокализма относятся коштамга-линский (Самаркандский сельский район) и кутчинайманский (Ургутская зона Самаркандского сельского района). Сюда же можно отнести и такие говоры Самаркандского сельского района, как каранайманский (колхоз «Коммунизм») и чалаказакский (колхоз «Москва»).

Хотя эти говоры в лексическом и грамматическом отношении сохранили в себе много характерных особенностей кыпчакских говоров (к которым принадлежали, по-видимому, и они сами), состав гласных в них почти совпадает с вокализмом городских говоров самаркандско-бухарского типа, вокализм которых полностью испытал влияние таджикского языка. Этот тип говоров встречается только в Самаркандской области.

Мы говорим «почти совпадает» потому, что в этих говорах до сих пор еще встречается заднеязычный вариант о (*қол* ‘рука’) и заднеязычный вариант ы (*қыз* ‘девушка’), тогда как самаркандско-бухарские городские говоры совершенно не различают этих вариантов. Следует заметить, что в говорах 3-го типа часто смешиваются заднеязычные варианты ы, о, у с переднеязычными вариантами i, ö, ү.

Итак, джекающие (кыпчакские) говоры 3-го типа Самаркандской области попали под сильное влияние самаркандско-го говора городского типа. Поэтому их вокализм, по существу,

не отличается от вокализма самаркандского городского говора, который совпадает с вокализмом таджикского языка.

Тип 4

(вокализм говоров, относящихся к карлуко-чигиле-уйгурскому наречию, или среднеузбекскому диалекту)

Фонема	Неогубленные гласные		Огубленные гласные	
	переднерядные	заднерядные	переднерядные	заднерядные
Узкая	и	(ы)	й	(у)
Средняя	э		ё	о
Широкая	ä	ä		

Четвертый тип вокализма присущ говорам Самаркандской и Джизакской областей, относящимся к карлуко-чигиле-уйгурскому наречию (или к среднеузбекскому диалекту), и близким по составу гласных говорам ташкентского и андижанско-ферганского типов. Сюда входят сельские «йекающие» говоры села Осмат (Бахмальский район), Курпасай (Джизакский район), относящиеся к так называемому «тюркскому» говору, а также пайшанбинский говор (Каттакурганский район), говор села Арабхана (Пастдаргомский район), карнабский (Пахтачинский район) и накурт-ходжакишлакский (Фаришский район) говоры.

В этих говорах имеется семь или восемь самостоятельных гласных фонем, а также 1—2 четко выделяющихся варианта фонемы (т. е. 7+2, 8+1).

Характерно, что несмотря на близкое расположение говоров 4-го типа к Самарканду, их вокализм не совпадает с вокализмом говора этого города. В общей классификации они не относятся к кыпчакским говорам, однако их вокализм ближе подходит к вокализму кыпчакских говоров, чем вокализм говоров 3-го типа, кыпчакских по происхождению. Вокализм говоров 4-го типа (особенно заднерядная фонема ä) сильно отличается от вокализма говора г. Самарканда, ибо в них сохранились переднерядные и заднерядные варианты гласных у, о, и, а заднерядная фонема ä является неогубленной.

Эти факты дают возможность говорить о некоторых путях развития фонетики, в частности вокализма отдельных говоров и диалектов. Например, вокализм отдельных говоров, относя-

щихся к кыпчакскому диалекту, в зависимости от исторических и географических условий (имеется в виду месторасположение и соседство с другими говорами), попали под сильное влияние городских говоров самаркандского типа и претерпели большие изменения. Другие же диалекты, близкие по происхождению к самаркандскому городскому говору, больше сохранили самостоятельность и свои оригинальные особенности.

Интересно отметить, что к узбекскому литературному языку ближе стоят не те говоры, которые претерпели сильные изменения, а те, которые сохранили большую самостоятельность.

Тип 5

(вокализм говора самаркандско-бухарского типа)

Фонема	Неогубленные гласные		Огубленные гласные	
	переднерядные	заднерядные	переднерядные	заднерядные
Узкая	i		ɤ	
Средняя	ɛ		ɔ	
Широкая	ä			ɔ

Самаркандский городской говор в классификациях Е. Д. Поливанова и Гази Алима, А. К. Боровкова и В. В. Решетова относится к карлуко-чигильскому (или среднеузбекскому наречию), куда входят ташкентский и ферганский говоры. Но в отличие от ташкентского и андижано-ферганских говоров, а также от узбекского литературного языка, в самаркандском городском говоре вместо 7—8-гласных фонем осталось только шесть четко выраженных гласных.

В имеющихся работах по узбекской диалектологии обычно о различиях в вокализме между говорами самаркандско-бухарского типа и говорами ташкентско-андижанского типа не говорится. Однако, как показывают наблюдения, такие различия имеются, причем весьма существенные.

Особенно сильно различаются три гласные фонемы:

1. Фонема *i* самаркандско-бухарского городского типа является более сильной и более долгой, чем *и* в литературном языке и в остальных говорах (кроме багданского). Эта особенность самаркандского говора была отмечена в работах Е. Д. Поливанова и В. В. Решетова, а наши наблюдения подтвердили указанные ими особенности вокализма говора города Самарканда в отношении характера гласного *i*. Этот гласный самый сильный, самый узкий и более долгий, чем тот же звук *и* (*i*) в других говорах.

2. В самаркандском городском говоре (как и в бухарском) нет заднеязычного варианта лит.-орф. *ў*, который имеется в остальных говорах; заднеязычный *о* произносится как переднеязычный *ö*. Ср. *fözä, örtäq* — лит. *fūza* 'хлопчатник', *ўртоқ* 'товарищ'.

3. Утрата заднеязычного варианта лит. *ў* в самаркандско-бухарском городском говоре привела к огублению заднерядного лит. орф. *о* (общетюркский заднеязычный *a*) и в то же время огубление лит. *о* (*á*) в данных говорах способствовало утрате заднерядного варианта лит. *ў* (в транскрипции *o*). Таджикский вокализм здесь также сыграл немаловажную роль.

Тип 6

(вокализм устной литературной речи)²

Фонема	Неогубленные гласные		Огубленные гласные	
	переднерядные	заднерядные	переднерядные	заднерядные
Узкая	и [и]	(ы)	(й̈)	у [у]
Средняя	э [э]		(ö)	ў [o]
Широкая	а [ä]	о [á]		

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Обычно считается, что в узбекском литературном языке имеется шесть гласных фонем, однако фактически их число достигает 7—8 (но в орфографии это не отражается). Поэтому неправомерно противопоставлять говоры и литературный узбекский язык по количеству гласных.

2. Существует большое несоответствие между орфографией и литературным произношением, с одной стороны, и между орфографией и произносительными нормами говоров, лежащих в основе литературного языка,— с другой. В связи с этим вопросы орфографии узбекского языка нельзя считать разрешенными.

3. Возникают проблемы норм узбекского языка, особенно литературного произношения, и уточнения отношения говоров к литературному узбекскому языку.

² В табл. литературно-графическое обозначение фонем приводится вне скобок, в квадратных скобках дана транскрипция фонем, в круглых обозначены ярко выраженные в устной литературной речи варианты фонем *и, ў, у*.

На основе исследования вокализма кыпчакских диалектов сравнительно с вокализмом узбекского литературного языка выяснилось следующее. При создании норм современного узбекского литературного языка была, как нам кажется, допущена ошибка, т. е. орфографические правила строились не на основе вокализма ташкентского говора и близкого к нему андижанского, а на основе вокализма говоров самаркандско-бухарского типа, вокализм которых сильно отличается от вокализма всех других говоров.

Следует заметить, что вокализм говоров самаркандско-бухарского типа не был целиком положен в основу узбекской орфографии. В ней нашли частичное отражение вокализм говоров андижанско-ташкентского и самаркандско-бухарского типов. Поэтому в литературном произношении *ў* считается заднерядной фонемой, тогда как в самаркандско-бухарском говоре *у* — переднерядная. Но действительная картина вокализма литературного языка показывает, что в нем до сих пор сохранились две фонемы *ў*: одна — заднеязычная, другая — переднеязычная, ибо и в литературном произношении, и в ташкентско-андижанско-осматско-карнабских говорах до сих пор четко различается *õ* — передний звук и *o* — задний, причем даже в одних и тех же позициях. Например, *õt* 'проходи' (передний), *ot* 'огонь' (задний), *õr* 'плети' (передний), *or* 'коси' (задний). Однако это различие не передается в узбекской орфографии. В говорах самаркандско-бухарского типа нет разницы между передним и задним *o*.

Среди узбекских языковедов идет длительная дискуссия по вопросу о том, является ли лит.-орф. звук *o* огубленным. Однако материалы большинства говоров показывают неогубленность этой фонемы. Как нам кажется, этот спор возник, во-первых, потому, что только в двух городских говорах (в самаркандско-бухарском и частично ташкентском, каршинском) эта фонема является огубленной, тогда как во всех других говорах *o* — звук неогубленный. Во-вторых, при выборе знака для лит. *o* (*a*), как нам кажется, была допущена ошибка, отчего возникают недоразумения (узбекский *o* (*á*) во всех других тюркских языках читается как русский *o*, и часто мы сами двояко произносим его). В-третьих, правила нынешней орфографии не определяют, в каком слоге следует писать *o*, в каком — *a* (ср. *бола* — *бало* 'ребенок'), тогда как материалы андижанского и ташкентского говоров подсказывают написание в первом слоге *o*, а материалы самаркандского городского говора диктуют написание *o* во втором слог.

С нашей точки зрения, поскольку ташкентско-андижанские

говоры лежат в основе литературного языка, то и их особенности должны лечь в основу орфографии.

Значит, как справедливо заметил В. В. Решетов, материалы не только кыпчакских диалектов, но и вокализм чигилекарлуко-уйгурских (среднеузбекских) говоров подсказывают необходимость пересмотра некоторых вопросов узбекской орфографии. Поэтому стоит задача: или изменить состав и некоторые знаки вокализма литературного языка, или признать, что в основе фонетики литературного языка лежат не ташкентско-андижанские говоры, а говоры самаркандско-бухарского типа, которые явно подвержены влиянию таджикского вокализма.

Если признаем, что в основе фонетики узбекского литературного языка лежат фонетические нормы самаркандско-бухарских городских говоров, то мы значительно отграничим фонетику узбекского литературного языка от фонетики других тюркских языков.

Изучение говоров Самаркандской и Джизакской областей дает основание говорить об активном участии в обогащении узбекского литературного языка не только карлуко-чигилеуйгурских, но и кыпчакских говоров (например, в литературном языке и кыпчакских говорах имеется шесть падежей вместо формально пяти, имеющих в среднеузбекских говорах; наличие афф. *-дай* параллельно с афф. *-дек*; наличие аффиксов имен действия — *-(у)в*, *-(и)ш* наряду с *-мақ*; наличие *й* формы настоящего времени на *-йатыр* вместе с *-япти* и т. д.).

Предполагается, что у кыпчакских говоров раньше (в 30-е годы) было больше общих черт с литературным языком, чем в настоящее время. Благодаря определенному территориальному распространению и другим условиям, большая часть кыпчакских говоров попала под влияние карлуко-чигильских (среднеузбекских) говоров. Поэтому девятифонемная система гласных в некоторых из них сократилась до шестифонемной, а число падежей сократилось с шести до пяти, в некоторых же говорах, распространенных вблизи Самарканда, — до четырех. Но связь с национальным литературным языком у тех джекающих (кыпчакских) говоров, которые меньше подверглись влиянию городских диалектов, часто осуществляется не через посредство попавших под их влияние йекающих говоров, а непосредственно.

Изучение карнабского и джизакского говоров дает основание сделать предположение, что эти говоры (особенно карнабский говор) когда-то имели тесную связь с говорами таш-

кентского типа, в том числе и с ташкентским говором. Это подтверждается справедливым высказыванием В. В. Решетова³ о том, что изучение фонетических особенностей говоров узбекского языка имеет немаловажную роль в исследовании эволюции языка, взаимоотношении языков и для решения спорных вопросов узбекской орфографии.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАХМАЛЬСКОГО ГОВОРА В СРАВНЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

Бахмальский говор может быть образцом джекающих (кыпчакских) говоров тех районов, которые расположены к востоку от города Самарканда. Он входит в состав кыпчакских (джекающих) диалектов узбекского языка, которые значительно отличаются от литературного языка и от других диалектов. Вместе с тем, как мы уже отмечали, кыпчакские диалекты играют определенную роль в развитии узбекского литературного языка.

На этом диалекте говорит население поселка Бахмал. По нынешнему административно-территориальному делению этот поселок находится в Бахмальском районе Джизакской области. Бахмал с трех сторон окружен горами. Он находится в 60 км от железной дороги, в 40 км от райцентра и 80 км от областного центра. Жители Бахмала занимаются преимущественно скотоводством, выращиванием зерновых культур (пшеницы, ячменя, кукурузы и др.), а также садоводством.

Кыпчакские диалекты в основном сходны между собой, но имеются и различия, обусловленные их территориальным расположением и другими причинами, например, их соседством с говорами других типов. Такие различия наблюдаются даже в пределах одной области (а иногда и района). Это отчетливо видно при анализе говоров, распространенных к востоку и западу от города Самарканда.

Различия в джекающих говорах отмечаются чаще всего в их лексике, иногда касаются фонетической системы и их грамматического строя.

Сравним некоторые характерные особенности говора кишлаков Бахмальского поселкового совета, расположенных в восточной стороне от города Самарканда, с говором байкут-куйбакских кишлаков, расположенных на западной стороне от города Самарканда.

---

³ В. В. Решетов. Выступление на IV совещании по тюркской диалектологии во Фрунзе, май 1963 г.

<i>Бахмальский говор</i>	<i>Байкут-куйбакский говор</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>бала</i>	<i>бāччā</i>	‘мальчик’
<i>ўргāн</i>	<i>иргāн</i>	‘учись!’
<i>тўтўн</i>	<i>тытын</i>	‘дым’
<i>пучуқ</i>	<i>пычық</i>	‘курносый’
<i>мурны</i>	<i>мырны</i>	‘его нос’
<i>уйқусы</i>	<i>ыйқысы</i>	‘его сон’
<i>барып турды</i>	<i>барып тохтады</i>	‘ходил (часто)’
<i>барарыды</i>	<i>барайды</i>	‘хаживал’
<i>қоңғышы</i>	<i>қāмсайā</i>	‘сосед’
<i>жора—жолдаш</i>	<i>қāмрай (қāмпирāй)</i>	‘спутник’
<i>пақта</i>	<i>пахта</i>	‘хлопок’
<i>топпы</i>	<i>қалпақ (қāлпāш)</i>	‘тюбетейка’
<i>барарāкāн</i>	<i>барайāкāн</i>	‘(оказывается) ходил’
<i>шым</i>	<i>чалвар</i>	‘брюки’
<i>тақта</i>	<i>тахта</i>	‘доска’
<i>қāңгāмā</i>	<i>гāнханā (гуруң)</i>	‘разговор’, ‘бе- седа’
<i>гāнлāшмāк</i>	<i>гуруңлāшмāк</i>	‘разговаривать’
<i>боларāкāн</i>	<i>болайāкāн</i>	‘(оказывается) был’
<i>тāшлāди</i>	<i>тāйлāди</i>	‘бросил’
<i>(тāштāди)</i>		
<i>бўрчāк</i>	<i>кўнжāк</i>	‘угол’
<i>ақыр (этак)</i>	<i>адақ</i>	‘конец поля (участка)’
<i>гōң (нуры)</i>	<i>нуры</i>	‘навоз’
<i>ōрик</i>	<i>зардалы</i>	‘урюк(зеленый)’
<i>кеп турды</i>	<i>келип тохтады</i>	‘приходил (час- то)’

Многие лексические, фонетические и морфологические особенности бахмальского говора характерны и для других джекающих говоров восточных районов, а также кыпчакских диалектов в целом. Поэтому ниже все фонетические особенности бахмальского говора рассматриваются как особенности кыпчакских диалектов восточных районов в целом.

Система гласных

В бахмальском говоре девять гласных фонем: *a, ā, э, и, ы, ъ, ѓ, ū, ŷ*. Кроме перечисленных имеется еще звук *ā* или редко *џ*, который в бахмальском говоре не является само-

стоятельным звуком, это позиционный вариант звука *á*. Он обычно встречается после согласного *ʀ* и в сочетании с губно-губным *в* часто смешивается с основным *а*, иногда вообще эти два звука трудно различить.

Девять гласных фонем бахмальского говора характерны почти для всех джекающих говоров узбекского языка. Эти девять гласных можно распределить⁴:

1. По положению языка в горизонтальном плане.

В бахмальском говоре, в котором действует закон сингармонизма, различаются два типа артикуляции: а) артикуляция локализуется в передней части твердого нёба (здесь образуются гласные переднего ряда); б) артикуляция локализуется в задней части нёба (здесь образуются гласные заднего ряда). Гласные переднего ряда: *и, э, ö, ä, ü*; гласные заднего ряда: *ы, а, о, у*.

2. По положению языка в вертикальном плане.

В зависимости от положения языка в вертикальном плане различаются гласные верхнего, среднего и нижнего подъема. При верхнем подъеме языка образуются узкие звуки: *и, ы, у, ü*, при среднем подъеме языка — полуузкие/полуширокие: *э, о, ö*, наконец, при нижнем подъеме языка — широкие: *ä, а*.

3. По участию губ в произнесении звука.

В зависимости от участия губ гласные разделяются на огубленные: *у, ü, о, ö*; неогубленные: *и, ы, э, ä, а*.

Классификация (схема) гласных

Фонема	Негубные гласные		Губные гласные	
	заднего ряда	переднего ряда	заднего ряда	переднего ряда
Широкая	а	ä		
Полуширокая		э	о	ö
Узкая	ы	и	у	ü

Гласный *а* — негубной, широкий гласный заднего ряда; обычно соответствует общетюркскому *а*, а в узбекском литературном языке звукам *а* и *о* (последний развился из *а*).
Примеры:

⁴ См. классификацию гласных, данную в кн.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948.

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>ата</i>	<i>ота</i>	‘отец’
<i>бала</i>	<i>бола</i>	‘ребенок’
<i>сайдайт</i>	<i>саодат</i>	‘счастье’

Звук *а* в отдельных позициях (например после глубоко-заднеязычного или веллярного *ʀ* и в сочетании с губно-губным *в*) больше приближается к лит. *о*.

Примеры:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>аған</i>	<i>олған</i>	‘взявший’, ‘взял’
<i>авған</i>	<i>оққан</i>	‘уклонившийся’, ‘уклонился’

В других случаях *а* постоянно заменяет лит. *а*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>нам</i>	<i>нам</i>	‘влажный’, ‘влага’
<i>ғам</i>	<i>ғам</i>	‘печаль’

Кроме того, звук *а* соответствует лит. *и* (особенно после носовых):

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>қана</i>	<i>қани</i>	‘где?’
<i>барма</i>	<i>борми</i>	‘есть ли?’
<i>балағана</i>	<i>болагина</i>	‘мальчуган, мальчик’

Гласный *ä* — негубной, широкий гласный переднего ряда; в основном совпадает с лит. *а*, но имеет более переднюю артикуляцию.

Примеры:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>Кәйтә</i>	<i>катта</i>	‘большой’
<i>кәйрәм</i>	<i>карам</i>	‘капуста’
<i>сәйнәм</i>	<i>санам</i>	‘икона’

Но в некоторых случаях *ä* не совпадает с лит. *а*, так как лит. *а* в бахмальском говоре соответствует два звука: *о* и *а*, ср. например: *баллар* — лит. *болалар*, *кәлләр* — лит. *каллар* ‘облезлые’, ‘плешивые’.

Звук *ä* в бахмальском говоре в собственно узбекских словах встречается исключительно после мягких согласных звуков, часто после или в соседстве с *к*, *г* (после или в соседстве

с твердыми *к, г* звук *ä* в говоре не встречается), например: *кәнә* 'клевш', *кәпә* 'шалаш', *әндәк* 'немного', 'чуть-чуть', 'через некоторое время', *әкә* 'брат' и др.

Соответствие бахм. *а* лит. *о, э* носит постоянный характер, а лит. *и* спорадический:

		<i>ä~о</i>	
<i>жәй</i>	<i>жой</i>		'место'
<i>чай</i>	<i>чай</i>		'чай'
<i>дән</i>	<i>дон</i>		'зерно', 'хлеб'
		<i>ä~э</i>	
<i>кәмә</i>	<i>кема</i>		'паром', 'судно'
<i>мәвә</i>	<i>мева</i>		'фрукты'
<i>кәссәк</i>	<i>кесак</i>		'комок', 'кусок сухой глины'
		<i>ä~и</i>	
<i>кичкәнә</i>	<i>кичкина</i>		'маленький'
<i>биргәнә</i>	<i>биргина</i>		'только один', 'один'
			и др.

Таким образом, звуки *а* и *ä* бахмальского говора в основном соответствуют звукам *о* и *а* литературного языка и как бы перекрещиваются.

Такое чередование гласных происходит потому, что, во-первых, благодаря сингармонизму в бахмальском говоре все гласные в слове взаимоподобляются, т. е. обычно в слове представлены или гласные только переднего ряда, или гласные только заднего ряда, тогда как в литературном языке в слове одновременно могут быть гласные и того и другого ряда; во-вторых, гласные *ä* и *а* в говоре четко различаются по артикуляции и локализуются в разных частях языка (*ä* — в передней части, *а* — в задней части).

Гласный *э* негубной, широкий гласный переднего ряда; в основном совпадает с лит. *э*, но более открытый. Гласный *э* в бахмальском говоре, как правило, всегда употребляется в словах с гласными переднего ряда, поэтому имеет более переднюю артикуляцию в сравнении с лит. *э*.

Э в бахмальском говоре также соответствует лит. *а, о*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>әнә</i>	<i>она</i>	'мать'
<i>нәрсә</i>	<i>нарса</i>	'вещь'
<i>мән</i>	<i>мен</i>	'я'
<i>чәкмән</i>	<i>чакман</i>	'плащ' и др.

Звук *э* соответствует лит. *и*: *эки* — лит. *икки* 'два', *хэсён* — лит. *ҳисоб* 'счет'.

В бахмальском говоре иногда наблюдается явление «эканья», т. е. переход звука *а* в *э* в середине и конце слова (*барарэкен* 'оказывается, пойдет'). Это явление встречается очень редко. По всей вероятности, его можно объяснить долгим соседством жителей Бахмала с киргизами.

Гласный *и* — негубной, узкий гласный переднего ряда; в произношении с среднерядным *и* он более узок, например: *ийт* 'собака', *ийärt* 'поведи', *ийär* 'седло' и др.

Гласный *и* в бахмальском говоре соответствует следующим звукам литературного языка:

1) лит. *э* переходит в бахмальском говоре в *и* часто под влиянием последующего *й*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>тийди</i>	<i>тегди</i>	'попал'
<i>жийди</i>	<i>ейди</i>	'ест'
<i>ийär</i>	<i>эгär</i>	'седло'
<i>ийни</i>	<i>эгни</i>	'его плечо'

2) *и* соответствует лит. *э* в силу чередования звуков: *ҳичким* — лит. *ҳечким* 'никто', *Иргайш* — лит. *Эргаш* (имя собств.);

3) *и* соответствует *у* как следствие соседства *й*: *жирди* — лит. *юрди* 'уходил', 'двигался', *бийтип* — лит. *бундай қилиб* 'так', 'таким образом'.

Гласный *ы* — негубной, узкий гласный заднего ряда, часто приближается к русскому *ы*, но является более задним.

Звук *ы*, как звук *и*, соответствует лит. *э*: *дыйырман* — *тегирмон* 'мельница', *дыйқан* — *деҳқон* 'крестьянин', *мыйман* — *меҳмон* 'гость' и др.

В бахмальском говоре звук *и* встречается только в словах с гласными переднего ряда, а гласный *ы* — только в словах с гласными заднего ряда. Существующая орфография узбекского литературного языка не различает на письме звуки *ы* и *и*, хотя в литературном произношении они четко различаются. При этом важную роль играет их позиция.

Гласные *й-у* — оба узкие губные; *й* — переднего ряда, *у* — заднего. Они более широкие, чем *и*, *ы*; *й* употребляется только в словах с согласными переднего ряда, а звук *у* только в словах с согласными заднего ряда. Этим звукам в литературном языке соответствует один звук *у*. Например, такие слова литературного языка, как *ўлўш* 'доля', 'выть'; *ун* 'мука', 'расти', 'звук (голос)'; *ўч* 'лети', 'три', 'конец' (чего-либо);

бур 'сверни', 'поверни', 'засохший лист', в бахмальском говоре не являются омонимами и различаются по произношению. Ср., лит. *тур* — бахм. *тур* 'встань', 'поднимись' и *тўр* 'вид', 'застегни', 'подыми'; лит. *уч* — бахм. *ўч* 'три', *уч* 'лети'; лит. *улуш* — бахм. *ўлўш* 'доля', *улуш* 'выть'.

Гласные *ў—у* могут заменять следующие гласные литературного языка:

1. а) *у* заменяет лит. *о*: *сувуқ* — лит. *совуқ* 'холод', 'холодный', 'холодно', *қувурма* — лит. *қовурма* 'жаркое', *қувушмақ* — лит. *қовушмоқ* 'соединиться', 'примыкать', 'закрепиться';

б) *у* заменяет лит. *у (о)*: *ул* — лит. *ўғил* 'сын', *урь* — лит. *ўғри* 'вор', *тувыла* — лит. *тўғрила* 'исправь', 'подравняй'.

2. *у* заменяет лит. *ў*: *ўрган* — лит. *ўрган* 'учись'.

Гласные *ō—о* являются самостоятельными парными гласными широкого (среднего) подъема; *ō* — гласный переднего ряда, *о* — заднего, оба губные. В литературном языке их функцию выполняет один *у* (губной, индифферентный, верхне-среднего подъема)⁵.

Современная узбекская литературная орфография не знает различия между *ō* и *о*, например, следующие пары слов бахмальского говора (как и всех других джекающих говоров) в узбекском литературном языке получают единое написание и произношение:

Лит. яз.	Говор	Значение в рус. яз.
ўр	—ор	'коси', 'яма'
	→ōр	'плести', возвышенность'
тўр	→тор	'сетка'
	—тōр	'почетное место в доме'
бўз	→боз	'залежная земля', масть лошади'
	→бōз	'вид ручной хлопчатобумажной материи'
ўсма	→осма	'краска для бровей'
	→ōсма	'не расти'

⁵ В. В. Решетов. Узбекский язык, в кн.: «Языки народов СССР», т. II, тюркские языки, М., 1966, стр. 341.

ун	→ он	‘десять’
	→ õн	‘расти’
тўла	→ тола	‘полный’
	→ тõла	‘землянка’
тўқ	→ тоқ	‘сытый’
	→ тõқ	‘лей!’

Как и все гласные заднего ряда, звук *о* в отличие от переднеязычного *õ* в бахмальском говоре встречается только в словах с гласными заднего ряда, а звук *õ*, наоборот, — с переднеязычными. Оба эти звука могут быть только в начале слова, при этом они соответствуют лит. *ũ*. Кроме того, в бахмальском говоре звук *õ* может соответствовать лит. *э*: *тõба* — *тепа* ‘высота’, *бõлаьмак* — *беламоқ* ‘привязывать младенца к колыбели’, ‘уложить в колыбель’, *бõдãнã* — *бедана* ‘перепел’, *тõбãрãк* — *теварак* ‘окружность’.

Звук *õ* может заменять также лит. *у*: *хõкũмãт* — *хукумат* ‘правительство’, *õмир* — *умр* ‘жизнь’.

Гласный *о* бахмальского говора может заменять лит. *у*: *обада* — лит. *увада* ‘тряпье’, *молла* — лит. *мулла* ‘мулла’, *сотлашмақ* — лит. *судлашмоқ* ‘судиться’ и др.

Система согласных

В отличие от узбекского литературного языка, в котором 25 согласных фонем, в бахмальском говоре 22 согласные фонемы⁶.

Звук *б* в конце слова в говоре не употребляется, вместо лит. *б* употребляется глухой *п*: *китап* ‘книга’, *адап* ‘нрав’, *барып* ‘придя’ и т. п. Однако перед гласным аффикса (особенно часто перед узкими *и—ы*) этот конечный глухой *п* озвончается: *китабим* ‘моя книга’, *туби* ‘корень чего-либо’, *тобы* ‘его мяч’ и др.

Звук *п*, как и звонкий *б*, в бахмальском говоре очень часто переходит в губно-губной *в*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>товаман</i>	<i>топаман</i>	‘я найду’
<i>қавады</i>	<i>қопади</i>	‘кусает’
<i>жав</i>	<i>ёп</i>	‘закрой’, ‘пеки’
<i>бава</i>	<i>бобо</i>	‘дед’

⁶ В. В. Решетов. Узбекский язык, в кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки, М., 1966, стр. 343.

В современном узбекском литературном языке имеется два варианта звука *в*: губно-губной *в* и губно-зубной *в*. В исконно узбекских словах в бахмальском говоре губно-губной *в* не встречается. Он отмечается только в заимствованных словах в речи бахмальцев, владеющих узбекским литературным языком.

Классификация (схема) согласных

		Губные		Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные					
						более передние			более задние		горланные			
		глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие		глухие	звонкие				
Глав- ные	Шумные							й						
	фрикативные (спиранты)		в	с	з	ш					х	ф	х	
	взрывные (смычные)	п	б	т	д				к	г	қ			
	аффрикаты					ч	ж			ң				
	носовые		м		н									
	боковые				л									
	дрожашие				р									

Один из основных фонетических признаков бахмальского говора — замена лит. *к, г, қ, ф* в конце слова звуком *в*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>тав</i>	<i>тоғ</i>	‘гора’
<i>бойав</i>	<i>буйқ</i>	‘краска’
<i>эллўв</i>	<i>эллик</i>	‘пятьдесят’

Звук *в* в говоре заменяет лит. *ғ* и в середине слова, а в конце слова выпадает: *будвай* — лит. *бугдой* ‘пшеница’.

Губно-зубной, фрикативный, глухой *ф* почти во всех джекающих говорах, в том числе и бахмальском, не встречается. Вместо этого звука употребляется губно-губной взрывной *п*:

Лит. яз.	Говор	Значение в рус. яз.
<i>фабрика</i>	<i>пайбрикй</i>	‘фабрика’
<i>фақат</i>	<i>пақат</i>	‘только’
<i>фойда</i>	<i>пайда</i>	‘польза’

Относительно звука *ф* в языке кипчаков Е. Э. Бертельс пишет следующее: «Махмуд Кашгарский (т. II, 253, т. III, 23)

относит язык кыпчаков к джекающей группе тюркских языков. Поэтому совершенно очевидно, что в этом языке звука *ф* (губно-губного или губно-зубного спиранта) не было. В некоторых узбекских говорах и по сей день вместо *ф* в заимствованных словах зачастую произносится сильно аспирированное *п*⁷. Таким образом, звук *ф* в узбекском языке относится к числу новых фонем. Характерно, что многие городские узбеки четко различают звуки *ф* и *п*.

Звонкий *д* и глухой *т* в бахмальском говоре в основном те же, что и в литературном языке. Здесь следует отметить случаи соответствия бахм. *д* лит. *т*: *дыйырман*—*тегирмон* 'мельница', *дорба*—*тўрва* 'сума' и др., редкими являются случаи обратного соответствия, т. е. бахм. *т* в начале слова употребляется на месте лит. *д*: *топпы*—*дўппи/тўппи* 'тюбетейка', *тўппасламак*—*дўппосламоқ* 'избивать', *тўндирмақ*—*дўндирмоқ* 'сделать отменно'.

Очень редко встречается озвончение *т*: *одаға* — лит. *ўтоға* 'старший'.

Звук *з* в бахмальском говоре в конце слова оглушается и почти переходит в *с*: *кэтәмис* 'уходим', *барамыс* 'пойдем'. В позиции между гласными *з* остается звонким: *барамыз-а?* 'пойдем', *кэләмиз умуш* 'как будто (говорят) они придут'.

Наблюдается выпадение *з* в местоимении 2-го лица мн. числа *силәр* <*сизлар* (очевидно, *сизлар*>*силлар*>*силәр*)⁸.

Аффриката *ц* в бахмальском говоре обычно передается через *с* или *ч*: *сәнтир* 'центнер', *сентрални* 'центральный', *чар* 'царь', *истәнчә* 'станция' и др.

Звук *ж*, имеющийся в литературном узбекском языке, в бахмальском говоре не употребляется. В заимствованных словах он передается через *дж* (в советско-интернациональных словах, например, *журнал*, *жинәдил* 'женотдел', *Дир-жинскә*) и через *й* (в арабско-персидских словах, например: *айдәхәр/айдәр* 'дракон').

Звонкая аффриката *ж* [дж] часто встречается в начале слова. В бахмальском говоре, как и в других джекающих говорах узбекского языка, она соответствует звукам *й* и *ж* [дж] литературного языка:

⁷ Е. Э. Бертельс. Как звали первую жену Низами, сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому», М., 1953, стр. 66.

⁸ См. о форме *силлар* в каракалпакском языке: Н. А. Баскаков. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке, «Тюркологический сборник», № 1. М.—Л., 1951, стр. 58.

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
жара	яра	'рана'
жэр	ер	'земля'
жар	жар	'обрыв'
жан	жон	'душа' и др.

Глухая аффриката *ч* в бахмальском говоре в основном совпадает с лит. *ч*, но иногда чередуется с глухим *с*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
чйч	соч	'волосы'
чйчрйди	сачради	'разбрызгался'
чапчыды	сапчиди	'прыгнул'

Звук *ч* также чередуется с лит. *к* в указательных и вопросительных местоимениях:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
қандача	қанақа	'каков', 'какого цвета'
шундача	шунақа	'таков', 'такой'
ундача	унақа	'такой'

Интересно отметить, что в бахмальском говоре, как и почти во всех джекающих говорах, наряду с формами местоимений *қандача*, *шундача*, *мундача*, параллельно как синонимы употребляются *қандачақа*, *шундачақа*, *мундачақа* и др.

Звук *й* в бахмальском говоре, как и во всех джекающих говорах, в начале слова встречается очень редко, его место занимает среднеязычная звонкая аффриката *ж* [дж]. Однако в бахмальском говоре часто отмечается появление звука *й* после узкого гласного *и* в середине слова. Этот звук, особенно в соседстве с губными и сонорными, придает еще большую напряженность предшествующему звуку *и*. Например:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
ийт	ит	'собака'
ыйман	имон	'вера'
ыймам	имом	'имам' (духовное лицо)
ийс	ис	'запах' и др.

Звуки *к*, *г* литературного языка и ведущих городских говоров в бахмальском говоре часто соответствуют среднеязычному звуку *й*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
сийир	сигир	'корова'
ийәр	эгар	'седло'
түймә	тугма	'пуговица'

Интересно отметить соответствие *к—й* в конце слова лит. и бахм. *к* среднеязычному *й* в йекающих говорах:

Лит. яз.	Джек. гов.	Йек. гов.	Значение в рус. яз.
эшак	эшшак	эшай	'осел'
курак	кұрайк	кұрай	'лопата'
урдак	өрдайк	өрдай	'утка'

Встречается и обратное явление: когда в джекающих говорах и в литературном языке в конце слова употребляется *й*, в йекающих говорах — *қ—к*:

Лит. яз.	Джек. гов.	Йек. гов.	Значение в рус. яз.
қандай	қандай	қандақ	'какой'
шундай	шундай	шундақ	'такой'
боладай	баладай	баладақ	'как ребенок'
соғдай	савдай	сағдай	'как здоровый'

Глубокозаднеязычный звук *қ* по своей артикуляции близок казахскому и каракалпакскому *қ*, вместе с тем он резко отличается от азербайджанско-туркменского *қ*, где звуки *к*, *қ* и даже *г* считаются более взрывными.

Звук *қ* в бахмальском говоре между гласными (особенно перед *ы*) в конце слова озвончается: *тоға* < *тоқа* 'подкова', *очағымыз* 'наш очаг', *пычағым* 'мой нож' и т. д.

Фрикативный звук звонкий *ғ* (*ғаз* 'гусь', *ғоза* 'хлопчатник', *тоға* 'подкова', *адамға* 'человеку'), в бахмальском говоре в конце слова оглушается: *чырақ* — лит. *чироғ* 'лампа', *дақ* — лит. *доғ* 'пятно', *қыйақ* — лит. *қиёғ* 'осока', но произносится как звонкий перед гласным аффикса *ы*: *чырағым* 'моя лампа', *дағы* 'его пятно', *бағымыз* 'наш сад' и др.

В бахмальском говоре, как и в других тюркских языках и говорах, в которых действует закон сингармонизма, звуки *қ*, *г* представляют собой пару, противоположную паре среднеязычных «мягких» *к—г*. Если звуки *к—г* употребляются всегда с гласными переднего ряда, то звуки *қ—ғ* всегда употребляются с гласными заднего ряда.

Звук *x* во многих джекающих говорах отсутствует. В бахмальском говоре звуки *x* и *ç* дифференцируются слабо: на месте лит. *x* наблюдается регулярное употребление *ç*: *қан* — лит. *хон* ‘хан’, *пақта* — лит. *пахта* ‘хлопок’ и др.

В бахмальском говоре, как и во всех джекающих говорах, гортанный спирант *ç* в основном употребляется в начале слова, причем иногда наблюдается опадение его в данной позиции (*Усән* вм. лит. *Хусан* — собств. имя). Звук *ç* в середине или в конце слова в заимствованных словах часто выпадает или же переходит в *й*, например: *мэнät* < *меҳнат* ‘труд’, *көнä кўҳна* ‘старый’, *шайы* < *шоҳи* ‘шелк’, *мäsлäät* < *мäsлä-çät* ‘совет’ и др.

Звук *ç* в бахмальском говоре иногда переходит в *ç*, что, по-видимому, можно объяснить влиянием ведущих йекающих говоров типа ташкентско-андижанского, в которых звуки *ç* и *x* слабо различаются. Ср., например: *арваç*—*арвоç* ‘привидение’, ‘призрак’, ‘дух’; *аçли раста*—*аҳли раста* ‘торговые люди’, ‘коммерсанты’.

Но несмотря на эти исключения, в противоположность ведущим йекающим диалектам типа ташкентского, бахмальский говор всегда и везде четко различает звуки *ç*—*x*—*ç*.

Звук *p*, как известно, в собственно узбекских словах в начальной позиции не встречается. Поэтому в заимствованных часто появляется *и* (*ы*) или *о* перед *p* в начале слова: *ырас* < *рост* ‘верно’, *орыс* ‘русский’ и др. Звук *p* в бахмальском говоре иногда переходит в *л*: *залал* < *зарар* ‘вред’, *зарил зäрул* < *зäрур* ‘необходимый’, ‘нужный’, ‘нужно’ и др.

Как и в большинстве тюркских языков (включая узбекский литературный язык), в бахмальском говоре существуют два варианта звука *л* — палатализованный и непалатализованный. Качество данного звука определяется тем, какими гласными окружен данный звук — передними или задними.

Характерным для бахмальского говора, как для всех джекающих говоров, является выпадение *л* в середине слова: *ама/олма* ‘не бери’, *çыма* < *çилма* ‘не делай’, *бома* < *бйлма* ‘не будь’, *барайық* < *борайлик* ‘пойдемте-ка’.

Как и в литературном языке, одной общей чертой артикуляции — наличием носового резонанса — выделяются носовые *м*, *н*, *ң*. По месту образования они относятся к трем различным группам: губным (*м*), зубным (*н*) и заднеязычным (*ң*).

Звук *ң* в джекающих говорах (в том числе и в бахмальском говоре) распространен более широко, чем в узбекском

литературном языке. Этот звук в азербайджанском и турецком литературных языках отсутствует, хотя в диалектах указанных языков тоже встречается. Такое соотношение в отдельных случаях имеет место и в узбекском языке. Например, бахм. *ң* часто употребляется на месте лит. *н*:

Говор	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>топалаң</i>	<i>тўполон</i>	‘суматоха’, ‘шум’
<i>жалаңач</i>	<i>ялонғоч</i>	‘голый’
<i>тоңғыч</i>	<i>тўнғич</i>	‘первенец’

Существует мнение, что звук *ң* будто бы обречен на переход в *нг*. Однако такой вывод в отношении узбекского языка в целом делать преждевременно. Явление перехода *ң* в *нг* можно констатировать лишь по отношению к некоторым узбекским говорам, например говорам самаркандско-бухарского типа.

В джекающих говорах, в том числе бахмальском, звук *ң* часто ассимилирует последующие звуки *л*, *ғ*, *г*.

Характерно также, что благодаря действию закона сингармонизма звук *ң* имеет два варианта, один из которых более передний (*оңгир* ‘передний нижний угол халата’, *сиңним* ‘моя сестра’), а другой более задний (*тоңғыз* ‘кабан’, *қоңғыз* ‘жук’). Из этих двух вариантов более переднеязычный и более мягкий равносителен среднеязычному звуку *г*, а более твердый *ң* — звуку *ғ*.

Звук *м* в бахмальском говоре также имеет два варианта: мягкий и твердый, в зависимости от соседних гласных в слове.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗВУКОВ

Редукция гласных

Узкие гласные (в особенности *и—ы*) в бахмальском говоре отличаются относительной краткостью. Эта краткость особенно сильно заметна после согласных *б*, *п*, *к*, *қ* в начале слова: *пычақ* ‘нож’, *биләк* ‘запястье’ и др.

В отдельных случаях узкие гласные полностью редуцируются, например: *жаширин* — лит. *яширин* ‘тайно’, *тирләй тириклай* ‘заживо’, ‘живьем’. Здесь редукция *и* связана с переходом ударения в слове на последний слог.

Элизия гласных

«Элизия, или полное выпадение гласных, по существу, является следующей ступенью редукции»⁹. В бахмальском говоре наблюдаются очень многообразные формы элизии. Так, обычно узкие *и—ы*, иногда широкий *а*, выпадают при стяжении двух слов, когда последний звук первого слова и первый звук второго слова — гласные: *Кумрана* — лит. *Кумри-опа* — имя собств., *қаруй* — лит. *қора уй* 'черный дом', (юрта), *сарат* — лит. *сариг* от 'желтый (золотистый) конь', *қарат* — лит. *қора* от 'черный конь', *көңнала* — лит. *кўнгли ола* 'злоумышленник' и др. Здесь элизия связана с ударением. Характерно, что обычно выпадает последний звук первого слова (даже в тех случаях, когда он широкий), а первый звук второго слова — узкий: *қаруй* < *қара уй*. Это отмечает и А. Г. Гулямов¹⁰.

Элизия в джекающих говорах иногда приводит к выпадению целых слогов. В результате образуется ряд стяженных форм. Например, *айкэ* — лит. *олиб кел* 'принеси', *қап* — лит. *қолиб* 'оставшись', *қайтайын* — лит. *қандай қилайин* 'что же делать', *Ансалам* — лит. *Абдусалом* — имя собств. и др. Ср. также: узб. лит. *ўша ерда* — бахм. *ёрда* — казахск. *осыжердә* 'в том месте', узб. лит. *ўшанда* — бахм. *шунда* — казахск. *осында* 'там'.

Протеза гласных

В бахмальском говоре, как и в некоторых тюркских языках, в начале слова не допускается стечение двух согласных. В заимствованных словах с двумя согласными в начале слова появляется протетический гласный *и* или *ы*: *иштурмә* < *штурм*, *испәрәпкә* < *справка*, *иштәрәп* < *штраф*, *истәнсә* < *станция*.

Часто отмечается также появление узкого *ы* или широкого *о* перед *р*, если *р* находится в начале слова. Например, *ыразы* < *рози* 'согласен', 'удовлетворен', *ырас* < *рост* 'правда', 'верно', 'правильно', *ораза* < *рўза* 'пост'; *орамал* < *рўмол* 'платок', *арыс* 'русский' и др. Это объясняется тем, что в тюркских языках *р* в начале исконно тюркских слов не встречается.

⁹ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 18.

¹⁰ А. Г. Гулямов. К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке, сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому», М., 1953, стр. 102.

Ассимиляция и диссимиляция согласных

В бахмальском говоре наблюдается полная и частичная ассимиляция согласных. Особенно часто встречается регрессивная ассимиляция, реже — прогрессивная.

Примеры регрессивной ассимиляции: *пашша* < *подшо* 'царь', 'падишах', *уссом* < *уч сўм* 'три рубля', *омбир* < *ўн бир* 'одиннадцать' и т. д. Примеры прогрессивной ассимиляции: *саллат* < *солат* 'солдат', *аллап* < *алдаб* 'обманув', *ашша* < *ошса* 'если перевесит', *қачча* < *қочса* 'если убежит', *қаппан* < *қолибман* 'остался', *кэппә* < *келибдими* 'пришел ли'.

В бахмальском говоре наблюдается также сочетание в одном слове полной и неполной ассимиляции согласных звуков: *шэшәми* < *сешанба* 'вторник', *чәччә* < *сочса* 'если он рассыплет', *қамыр ашти* < *қамыр ачты* < *хамир ачиди* 'тесто поднималось'. В последнем примере в результате редукции узкого *ы* звуки *ч* и *д* оказались рядом, и *д* под влиянием *ч* перешло в глухой *т*, а сам звук *ч* — в *ш*.

Все отмеченные выше случаи ассимиляции обусловлены различными фонетическими явлениями. Ниже даются слова, в которых отмечена ассимиляция, и делается попытка объяснить некоторые из них.

Примеры на регрессивную и прогрессивную ассимиляцию. Ассимиляция звука *д*:

1) *д* ассимилируется *т*: *атты* < *атды* < *отни* 'лошадь' (вин. п.), *бетән* < *бетдан* — исх. п. (*бэт* 'лицо'), *ийттән* < *итдан* — исх. п. (*ит* 'собака'), *кетти* < *кетди* 'он ушел'.

2) *д* ассимилируется *н* (в аффиксе исходного падежа): *қатыннан* < *хотиндан* 'от женщины'; *отыннан* < *ўтиндан* 'из дров'; *менән* < *мендан* 'от меня'.

3) *д* ассимилируется *л*: *саллат* < *солдат*, *аллап* < *алдаб* 'обманув', 'обманывая'.

4) *д* ассимилируется *ш*: *пашша* < *подшо* 'царь', 'падишах' (на это явление только один пример).

Ассимиляция звука *л*:

1) *л* переходит в *н* под влиянием ассимиляции сонорных *м*, *н*, *ң*: *адамнар* < *одамлар* 'люди', *қатыннар* < *хотинлар* 'женщины';

2) *шл* > *шт*: *уштап тур* < *ушлаб тур* 'подержи', *тиштади* < *тишлади* 'он укусил', *таштади* < *ташлади* 'он бросил';

3) *л* > *н*: *жалңыз* < *ёлғыз* 'одинокий'.

Ассимиляция звука *н*:

1) *нб* > *м*: *мб* > *м*: *омбир* > *ўнбир* 'одиннадцать', *мағам бэр* < *маған бэр* 'дай мне', *көммайди* < *кўнмайди* 'он не согла-

сится', *о́ммайди* < *ўнмайди* 'он не вырастет', *табасамма* < *топасанми*? 'найдешь ли ты?', *тыммады* < *тинмади* 'он не перестал';

2) *н* ассимилируется *ң* (при сочетании с аффиксами, например, падежа): *мэңңа* < *менга* 'мне', *иңңа* < *инга* 'в гнездо';

3) *н* ассимилируется *л*: *тўллә* < *тунла* 'ночью', 'ночь'.

Следует отметить, что в бахмальском говоре при сочетании согласных *н* и *л* последний звук всегда подвергается ассимиляции, т. е. он менее устойчивый, чем звук *н*. В других диалектах узбекского языка, наоборот, в сочетании *н* с *л*, а также с другими согласными *н* всегда подвергается ассимиляции. Например, в йекающих говорах типа джизакского, а также в ташкентском говоре звук *н* в аффиксе винительного падежа всегда ассимилируется последующим согласным, прежде всего звуком *л*.

Ассимиляция звука *с*:

1) *с* ассимилируется *ч*: *қачча* < *қочса* 'если он убежит', *ачча* < *очса* 'если он открывает', *иччак* < *ичсак* 'если мы будем пить', *чәччә* < *сочса* 'если он рассыплет';

2) *с* ассимилируется *ш*: *ташша* < *тошса* 'если разольет', *қошша* < *қўшса* 'если он объединит/прибавит', *пишшәк* < *пишсак* 'если сбиваем масло', *шәшәми* < *сешанба* 'вторник', *тәшшә* < *тешса* 'если он пробьет'.

Ассимиляция звука *т*:

1) *т* ассимилируется *л*: *таллы* < *тотли* 'сладкий', *қаллама* < *қатлама* 'слоеная лепешка, жареная в масле', *қуллы* *босын* < *қутлуғ* *бўлсин* 'да будет вам удача', *рәммәлли* // *рәмәлли* < *раҳматлик* 'покойный' (о мертвых);

2) *т* ассимилируется *с*: *бәссиз* < *бетсиз* 'безликий', 'без лица', *әссиз* < *әтсиз* 'без мяса', 'худой';

3) *т* ассимилируется *н*: *қаннайды* < *қатнайди* 'он проходит', 'ходит', 'проезжает';

4) *т* ассимилируется *ч*: *аччот* < *отчет* «*Қуччи*» < «*Қутчи*» — название села.

Звук *ч* ассимилируется *с*: *уссом* < *уч сўм* 'три рубля' (на это явление только один пример).

Ассимиляция звука *ш*:

1) *ш* ассимилируется *с*: *бәссом* < *беш сўм* 'пять рублей';

2) *ш* ассимилируется *ч*: *қоччы* < *қўшчи* 'пахарь', *иччи* < *ишчи* 'служащий', 'делопроизводитель'.

Ассимиляция звука *з*:

1) *з* ассимилируется *с*: *қыссыз* < *қизсиз* 'не имеющий дочери', *туссыз* < *тузсиз* 'не соленый';

2) з ассимилируется ч: *қычча* < *қизча* 'девчонка' (только один пример).

Звук *х* ассимилируется к: *мәккәм* < *маҳкам* 'крепкий' — имя собств. (только один пример).

Звук *б* ассимилируется п: *аппар* < *ап бар* 'отнеси', *Жаппар* < *Жаббар* — имя собств.

Нужно отметить, что ассимилированные формы — принадлежность не только диалектальной речи. Так, в литературном языке обычна ассимиляция согласного аффикса в зависимости от конечного звука основы. Гораздо реже в литературный язык проникают ассимилированные формы с изменением корня. Вот несколько примеров таких форм: *биттә* 'один', *кинна* — название болезни, *иннайкин* < *ундан кейин* 'после того', *бәттәр* тадж. *бадтар* 'хуже'.

Явление диссимиляции в джекающих говорах, в том числе и в бахмальском говоре, встречается реже, чем явление ассимиляции. В разговорной речи отмечены следующие случаи диссимиляции:

1) *лл* > *рл*: *зәрәл* < *зарар* 'вред', *чалдувар* < *чор девор* 'четыре дувала', 'старый дом', *кәлидор* < *коридор*, *зарил* < *зарур* 'необходимый', *малол келмаса* < *марал кәмәсә* 'если не затруднительно'.

2) *сс* > *ст*: *кistä* < *кисса* 'карман', *Мүйәстәр* < *Муяссар* — имя собств.

3) *тт* < *нт*: *ынтыбақ* < *иттифоқ* 'союз'.

Появление дополнительных звуков

Нередко в отдельных словах появляются те или иные дополнительные звуки, отсутствующие в литературной форме слова. Так, начальный *й* регулярно фиксируется в виде звука *ж* [дж] в бахмальском говоре:

жүзүм узум 'виноград', *жылы* — *илиқ* 'теплый', *жилик* — *илик* 'костный мозг', 'кость', *жылдам* — *илдам* 'быстроход' и др.

Согласный *й* появляется иногда после *и* в таких словах, как: *ийт* — лит. *ит* 'собака', *пийт* — лит. *бит* 'вошь', *ыймам* — лит. *имом* 'имам' (духовное лицо), *ыйман* — лит. *имон* 'безопасность', 'вера'.

Этот же звук появляется иногда и в конце слов, например, *қудай* — лит. *худо* 'бог', *сарнай* — лит. *сарпо* 'одежда, подаренная на свадьбах', 'приданое', *аброй* — лит. *обру* 'честь', 'достоинство'.

Согласный *т* появляется в словах *Самарқан* 'Самарканд' и *шибиртки* — лит. *супурги* 'веник'.

В середине слова после открытого *а* иногда появляется *в*, например: *āvmāt* — лит. *омад* 'удача', 'успех', *қāvmāt* — лит. *қомат* 'стан'.

Отпадение и выпадение согласных

В бахмальском говоре, в отличие от литературного узбекского языка, встречается также отпадение и выпадение согласных. Отмечены следующие случаи выпадения звуков: *л* выпадает в словах: *аған* < *олған* 'взявший', *кэгән* < *келған* 'пришедший', *бома* < *бўлма* 'не будь', *сасақ* < *солсак* 'если мы положим', *асак* < *олсак* 'если мы возьмем', *қыса* < *қилса* 'если он сделает' и т. п. (но ср. невыпадение *л* в *толған* 'наполненный').

Звук *л* выпадает в глаголе в окончании 1-го лица мн. числа желательного наклонения, например: *болайық* < *бўлайлик* (1-е л. мн. ч. *бўлмоқ* 'быть'), *қылайық* < *қилайлик* 'давай-ка сделаем!', 'сделаем-ка!', *алайық* < *олайлик* 'возьмем-ка!', *жўрайық* < *юрайлик* 'пойдемте' и т. д. (Ср.: *тәшә* < *ташлә* 'кинь', 'брось!', но *ушла* — лит. *ушла* 'держи', а не *ўшә* (как в андижанском говоре). Это явление трудно объяснить. Возможно, что выпадение звука *л* в данном случае связано с недостаточным оформлением страдательного залога в джекающих говорах.

Согласный аффикса дательного-направительного падежа выпадает, как правило, если склоняемое слово оканчивается на тот же звук, например: *эшикә* < *эшикка* 'к двери', *тарақа* < *тароққа* 'к гребню', *қышлақа* < *қишлоққа* 'в кишлак', *очақа* < *ўчоққа* 'к очагу', *пычақа* < *пичоққа* 'к ножу'. Согласный *қ* выпадает также в глаголе *жэтәләмәк* 'тащить'.

Звуки *г*, *ғ* выпадают в аффиксе дательного-направительного падежа в том случае, когда склоняемое слово оформлено аффиксами принадлежности 1-го лица ед. числа: *атама* < *отамга* 'к моему отцу', *башыма* < *бошимга* 'к моей голове', *авзыма* < *оғзимга* 'в мой рот'.

В словах арабского и персидского происхождения часто выпадает и отпадает согласный *х*: *көнә* < *кўхна* 'старый', *менәт* < *меҳнат* 'труд', *мәддә* < *мәддоҳ* 'уличный певец' и др.

Согласный *х* часто выпадает и в интервокальном положении: *шәйәр* < *шаҳар* 'город', *сәйт* < *сәҳәт* < *сиҳат* 'здоровье', 'здоровый', *мәсләйт* < *маслаҳат* 'совет', *пәтәә* < *фотиҳа* 'молитва' и др.

В бахмальском говоре звуки *к* и *қ* после узкого *и* сохраняются редко. Примеры: *кәмтик* — лит. *кемтик* 'выбоина', *жэмтик* — лит. *емтик* 'обжора', *болық* — лит. *бўлиқ* 'рослый', *тэтик* 'упрямый' и др.

Удвоение звуков

В бахмальском говоре встречается удвоение согласных в ряде слов, в которых в литературном языке такого удвоения нет. Отмечено удвоение следующих звуков:

ш удваивается в словах *эшишак* — лит. *эшак* 'осел', *қошша* — лит. *қўша* 'пара';

л удваивается в словах *бәлли* (возглас одобрения), *қылла* 'палка погонщика ишака';

с удваивается в словах *туссақ* — лит. *тусоқ* (*қўй*), 'трехгодовалый (баран)', *кәссәк* — лит. *кесак* 'глиняный комок';

ч удваивается в словах *киччи* — лит. *кичик* 'маленький', *чуччи* — лит. *чучук* 'сладкий';

ж удваивается в слове *гәжжәктәр* — лит. *гажакдор* 'с локоном', 'носящая локоны';

к удваивается в словах *ликкилләп* — лит. *ликиллап* 'покачиваясь', *чиккилләп* — лит. *чикиллап* 'шумя'.

А. Н. Кононов отмечает, что удвоение согласных занимает в узбекском языке большое место¹¹.

Как показывают примеры, в бахмальском говоре удвоение согласных встречается еще чаще, чем в узбекском литературном языке.

В бахмальском говоре отмечается и явление, обратное удвоению, т. е. один из удвоенных звуков в словах литературного языка опускается. Например: *жэти* — *етти* 'семь', *эки* — *икки* 'два', *сақа* — *соққа* 'шарик', *лата* — *латта* 'тряпка', *ҳәса* — *ҳисса* 'доля', *тәвәкәл* — *таваккал* 'риск' и др.

Сингармонизм

Одна из важных отличительных черт фонетики джекающих говоров, в том числе и бахмальского, — наличие сингармонизма, отсутствующего в современном узбекском литературном языке.

Как известно, сингармонизм — один из характерных фонетических законов в тюркских языках. В различных тюркских языках он проявляется по-разному. Например, в киргиз-

¹¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского языка, М.—Л., 1948, стр. 143.

ском языке действие этого закона является наиболее полным и последовательным по сравнению с другими тюркскими языками, например, с казахским. В современном же узбекском литературном языке сингармонизм почти полностью отсутствует.

Однако даже и в наиболее последовательных сингармонистических языках встречается нарушение этого закона. Огромное количество слов, заимствованных из русского языка и через него из других языков, играет при этом существенную роль.

Определяя характер сингармонизма, Н. К. Дмитриев пишет: «Сингармонизм есть один из видов ассимиляции (уподобления) звуков. Законченный звуковой комплекс, обладающий определенным семантическим единством, должен быть выдержан и с формальной стороны, т. е. состоять из звуков максимально близких в отношении артикуляции. Если этот звуковой комплекс уже дан исторически в виде цельной лексемы, его составные звуки должны быть унифицированы. Если этот комплекс формируется на наших глазах путем словообразования или словоизменения, то новые элементы, ныне входящие в его состав, должны согласоваться с его прежним составом»¹².

По мнению Н. К. Дмитриева, этими новыми элементами в тюркских языках являются только аффиксы, поэтому и звуковой состав аффиксов зависит от звуков корня и определяется ими. Вследствие этого в тюркских языках форма различных аффиксов имеет несколько параллельных вариантов. Так, в бахмальском говоре для дательного-направительного падежа в зависимости от характера последнего звука слова (гласный или согласный; звонкий согласный, глухой, фрикативный или взрывной) используется один из шести параллельно существующих вариантов (-га, -ға, -кә, -қа, -а, -ә). Например, *тағға* 'в гору', *уйыма* 'к моему дому', *уйға* 'к дому', *баққа* 'к саду', *қалина* 'к твоему положению' и др. Наличие таких двойных форм, как *-лар/-ләр* (формы мн. числа), *-дың, -диң, -тың, -тиң* (формы родительного падежа), *-мақ, -мәк* (формы имени действия) и многих других, также — результат действия сингармонизма.

Понятие сингармонизма включает в себя гармонию гласных и гармонию согласных. Различается небная и губная гармония гласных.

---

¹² Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 38.

Небная гармония гласных заключается в том, что после корня основы с небными гласными гласный звук аффиксов может быть только небным и, наоборот, если гласный корня не небный, то и гласный аффикса также будет не небным. Например: *қол* 'рука', — *қолдың* 'руки' (род. п.), *тиш* 'зуб' — *тиштиң* — 'зуба' (род. п.) и др.

В фонетике бахмальского говора это правило строго соблюдается, и оно распространяется не только на слова собственно узбекские, но и на слова арабского и персидского происхождения, а также на слова, заимствованные из русского языка (русские и интернациональные). Примеры: *бала* — лит. *бало* 'беда'; *қара* — лит. *қора* 'черный', *миттайим* — лит. *мутахам* 'подлец', 'плут', 'мошенник', *китап* — лит. *китоб* 'книга', *мажара* — лит. *можаро* 'приключение', 'скандал', *трактор* — лит. *трактор*, *матыр* — лит. *мотор*, *дириктир* — лит. *директор* и др.

Сущность губной гармонии заключается в том, что после губных гласных корня, основы в аффиксах всегда употребляются только губные гласные, и наоборот, если корневой гласный не губной, то и гласный аффикса тоже будет не губным.

Но в бахмальском говоре узбекского языка, как почти во всех тюркских языках, губная гармония выражена гораздо слабее, чем небная, и она легко может нарушаться.

Гармония согласных представляет собой ассимиляцию согласных по звонкости и глухости. После конечных звонких согласных корня/основы начальные согласные звуки аффикса обычно бывают звонкими, и наоборот, после глухих согласных корня — глухими. Например: *жолдан* — а не *жолтан* 'с дороги' *иштән* — а не *ишдан* 'с работы', *кепти* — а не *кепти* '(он) пришел', *шабдалы* — а не *шабтали* 'персик' и др.

СЕМАНТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СЕМАНТИКОЙ СЛОВА

Существуют два противоположных мнения о семантике собственных имен: одни утверждают наличие лексического значения в собственных именах, другие — отрицают.

Здесь на основе изучения этой категории слов в некоторых языках тюркской системы (кыпчакские диалекты узбекского языка, казахский, каракалпакский и туркменский языки) приводятся лишь некоторые конкретные факты по вопросу семантики собственных имен, их фонетических особен-

ностей и зависимости звукового облика слова от его семантики.

В кыпчакских диалектах узбекского языка, как и в казахском языке, некоторые собственные имена, помимо того, что они выполняют функцию собственных имен, имеют конкретное значение. Структурно-семантический анализ этих имен позволяет выделить среди них несколько групп:

1. Собственные имена, первым компонентом в которых является слово *турсун* (букв. 'пусть живет', 'пусть останется'): *Турсун*, *Турсунбай*, *Турсунқул*, *Турсунай*, *Турсунташ* и собственные имена с *турды* (букв. 'встал', 'остался'): *Турды*, *Турдықул*, *Турдыбай*, *Турдықал*, *Турдықан* и др. Такими именами называют своего ребенка родители, у которых раньше дети умирали.

2. Собственные имена, включающие в свой состав компонент с определенным конкретным значением:

Тәжи (указывает на красное пятно, имеющееся у того человека, который этим именем назван); *Тәжиқул*, *Тәжинисә*, *Тәжибай*, *Тәжиқал* и др.;

Артық (букв. 'лишний', 'излишек'). Этим именем называют, например, тех детей, у которых на голове, около ушей, замечен какой-либо дефект: *Артықбай*, *Артыққул*, *Артығай*, *Артыққан* и др.;

Қошақ. Этим именем называют тех детей, у которых лишние пальцы на ногах: *Қошақбай*, *Қошман*, *Қошбек*, *Қошқул*, *Қоштай* и др.;

Қўдрәт. Так обычно называют детей, у которых отмечен какой-либо недостаток на губе, реже — на других местах (например, на руке): *Қўдрәтбай*, *Қўдрәтилла*, *Қўдрәтбек*, *Қўдрәтқул*. *Қўдрәтқан* и др.;

Хал (букв. 'родинка'). Этим именем называют тех детей, у которых обычно на теле имеется черное пятно или большая родинка: *Халбай*, *Халташ*, *Халча*, *Халмурад*, *Халниса*, *Халмирза*, *Халдар*, *Халбота* и др. (Собственные имена *Нартай*, *Нарай*, *Нархал*, *Нармурад*, *Нарқул*, *Нарбота* — имена такого же типа).

Ҳәсән—*Ҳўсән* (*Усән*). Так называют близнецов — мальчиков: обычно *Ҳәсән* дается старшему из близнецов, а *Ҳўсән* — младшему.

Ҳәсән—*Зәврә* (*Зўхрә*) — имена близнецов, один из которых мальчик, другой — девочка.

Фатма—*Ҳўсән* — имена близнецов, девочки и мальчика.

Фатма—*Зәврә* (*Зўхрә*) — имена близнецов-дочерей.

Жума и *Жуман* (*Джуман*). Этим именем называют обыч-

но детей, родившихся в пятницу. Ср. также: *Жумабай, Жумақул, Жуманазар, Жумагул, Жумат* и др.

Анна́. Этим именем туркмены называют детей, родившихся в пятницу.

Сапар. Так называют тех детей, которые рождены в месяце сафар, второй месяц мусульманского лунного года: *Сапарбай, Сапарқул, Сапарбек, Сапаралы, Саффар* и др.

Ашир. Этим именем называют детей, которые рождаются в десятый день мусульманского лунного месяца мухаррама, в годовщину гибели шиитского имама, внука Мухаммада Хусайна на поле сражения при Кербала: *Аширқул, Аширмаг, Аширхан, Аширали, Аширбек, Аширбай* и др.

Собственные имена *Қурбан (Қурбанбай, Қурбанали, Қурбанқул* и др.), *Рамазан, Оразали* (от слова *ораза* 'мусульманский пост') и *Ҳайит (Ҳайитбай, Ҳайитқул, Ҳайитхан* и др.) — имена, связанные с месяцем поста и праздником после поста.

Как видно из приведенных примеров, многие собственные имена в кыпчакских диалектах узбекского языка, в казахском, каракалпакском, туркменском и других тюркских языках не только имеют конкретное значение, но и определенную причину выбора того или иного имени как собственного.

Такие имена, как *Олмас* ('не умирающий'), *Қорқмас* ('не трус'), *Откир* ('острый', 'режущий'), *Улуғ* ('великий'), *Айқыз* ('луноподобная'), *Полат* ('сталь'), *Балқыз* ('сладкая, как мед'), *Гөзәл* ('красавица'), *Батыр* ('смелый') и другие часто связаны с желаниями родителей и с их мечтами о ребенке. Имена *Худайберди, Худайберган, Ҳақберди, Эғәмберди, Абдўрәсүл, Абдўжаббар, Ҳаққул, Раҳимқул, Аллақул, Аллаберди* также являются значимыми: они связаны с религиозными понятиями. В них один из компонентов арабского или персидского происхождения.

Русский ученый П. А. Фалев, будучи в 20-е годы в Ташкенте, одним из первых обратил внимание на некоторые отличительные особенности собственных имен в тюркских языках. В книге «Введение в изучение тюркских литератур и наречий» он пишет: «Если в семье кочевника рождаются только девочки, то им начинают давать имя «Бастар» (довольно), думая, что это повлияет в том смысле, что девочки перестанут рождаться. Если в семье дети умирают, то новорожденному дают имя «Турсун» (Пусть живет), желая сохранить за ним жизнь»¹³. П. А. Фалев здесь видит остаток первобытного

¹³ П. А. Фалев. Введение в изучение тюркских литератур и наречий, Ташкент, 1922, стр. 30.

мышления и считает, что «символ играет большую роль (только) в первобытном мышлении». С этим выводом трудно согласиться, ибо символ может играть и играет такую же большую роль и в современном мышлении. Например, в русском языке в 20—30-х годах появились имена Кармия (Красная Армия), Октябриня (в связи с Октябрем), Ким (Коммунистический интернационал молодежи) и др. По-видимому, постоянно имеется возможность возникновения новых собственных имен символического характера. Но, конечно, установившаяся традиция в практике наименования играет более значительную роль.

Традиция в употреблении конкретных и значимых имен в тюркских языках восходит к древнейшим временам. Например, у легендарного Огузхана, по свидетельству Абул-Гази Бахадурхана, было шесть сыновей и все они именовались значимыми именами: *Кун* ('солнце'), *Ай* ('луна'), *Юлдуз* ('звезда'), *Көк* ('небо'), *Тағ* ('гора') и *Тенгиз* ('море')¹⁴. Так и имена героев крупного поэтического произведения тюркоязычных народов XI в. «Кутадғу билиг» символичны: *Күнтуғди* ('солнце взошло'), *Айтолды* ('луна стала полной'), *Оғдулмыш* ('восхваленный'), *Одғурмыш* ('пробужденный'). В качестве примера можно привести также имена героев народных дастанов.

Вопрос о звукоизобразительности тоже непосредственно связан, как нам кажется, с вопросом семантики слов. В тюркологии по этому вопросу имеются только отдельные замечания, касающиеся вопроса зависимости семантического значения слова от характера гласного в корне. Например, если гласный звук в корне слова широкий и твердый, то он обозначает нечто большое, твердое и сильное. А если гласный в корне слова мягкий и узкий, то он обозначает что-либо слабое, нежное, маленькое.

Данное явление мы встречаем и в кыпчакских диалектах узбекского языка. Например, слово *ата* обозначает 'отца', а слово *эня* обозначает 'мать'. *Апа* — 'старшая сестра', а *сингил* — 'младшая сестра', *акә* — 'старший брат', а *үкә* — 'младший брат'. Такое же явление встречается и в некоторых подражательных и изобразительных словах. Например, слово *шатыр* обозначает громкий и сильный звук, а *шитир* — слабый и низкий звук (ср. также значение подражательных слов *тапир*—*тупур*, *тақ*—*туқ* и др.).

---

¹⁴ Абул-Гази-Бахадурхан. Родословное древо тюрков, Казань, 1906, стр. 329.

Характерно, что эти лексические единицы часто образуют парные слова с новым обобщенным понятием, например: *ата—энä* ‘родители’, *äкä—үкä* ‘братья’, *ана—сингил* ‘сестры’, *қатын—қыз* ‘женщины’ и т. д.

Как известно, тюркские языки составляют систему языков с сингармонистическим укладом, где значение слова зависит не только от широты гласных, как было упомянуто в предыдущих примерах, но и от их твердости и мягкости.

Хотя в настоящее время в тюркских языках обнаруживается очень мало примеров, где слово в зависимости от ряда гласных имеет принципиально различные значения, можно предположить, что этот путь когда-то являлся одним из основных путей словообразования в тюркских языках. Так, в кыпчакских диалектах узбекского языка (и в узбекском литературном языке) есть примеры, где ряд гласных имеет смыслоразличительное значение в слове. Например: слово *оң* (передний ряд) значит ‘перед’, а *оң* (задний ряд) — ‘правый’, *äl* ‘рука’ — *ал* ‘бери’, ‘возьми’, *бäs* ‘хватит’ — *бас* ‘давить’, *тәнг* ‘узко’, ‘узкий’, *тенг* — ‘ровный’, ‘ровно’, а *танг* — ‘утро’, ‘заря’.

Напомним о зависимости фонетических закономерностей от семантики слова. Во всех языках идет процесс «упрощения» слова, что, в частности, наблюдается и в кыпчакских диалектах узбекского языка. На первый взгляд кажется, что этот процесс протекает стихийно; в действительности же в большинстве случаев он имеет свои закономерности. Некоторые из них обусловлены семантикой. Покажем это на примере: *таққа* ‘в гору’ — *тоқа* ‘подкова’, *очаққа* — *очақа* ‘к очагу’. Выпадение *қ* в первом слове меняет его смысл и поэтому оно невозможно. Во втором случае выпадение *қ* не ведет к изменению смысла и поэтому употребляется как стяженная форма. Другой пример: выпадение *г* после *м* в аффиксе дательного-направительного падежа — *äкәмä*, *үкәмä*. Этого не наблюдается в именах собственных, оканчивающихся на *м*. в связи с тем, что возможны искажения имени (потеря родового различия). Например: *Салим* и *Салима*.

Количество таких примеров можно увеличить. Представляется, что изучение фонетических закономерностей языка в связи с семантикой слова дает возможность не только судить о современном состоянии взаимосвязи фонетики с лексикой, но и выяснить вопрос об этапах развития языка в целом.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АЛФАВИТА И ОРФОГРАФИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ДИАЛЕКТНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ

Алфавит и орфография современного узбекского языка, как нам кажется, нуждаются в серьезных уточнениях. Одной из причин их несовершенства является то, что в период создания алфавита и орфографии узбекского языка на основе русской графики в республике не было достаточно квалифицированных кадров, не был изучен живой разговорный язык во всем его диалектном разнообразии, нормы которого нельзя не учитывать при выработке единых орфографических и орфоэпических правил. Не было и единого тюркологического координационного центра, который бы способствовал наиболее правильному решению вопросов орфографии и алфавита отдельных тюркских языков, а также их возможной унификации.

Плодотворной в этом отношении была работа ВЦК НА, когда создавались алфавиты и орфографии тюркских языков на основе латинской графики.

В узбекском языке требуют уточнения прежде всего вопросы соответствия между звуком и его графическим изображением. Так, графемой *o* обозначается нелабиализованный гласный звук заднего ряда, нижнего подъема *a* [ɔ]. Звук *a* в узбекском языке мало отличается от *a* в русском языке. Между тем, в современном алфавите этот гласный передается знаком *o*, который в русском языке обозначает лабиализованный гласный среднего подъема. В результате такое обозначение нередко приводит к искажению в произношении и к орфографическим ошибкам. Русские и представители других наций узбекский звук *a* [ɔ] произносят как русский *o*, например, в таких словах, как *танг* 'заря' *ақ* 'белый', *ай* 'луна', *сай* 'речка', 'низменность' *Алым* (собст. имя), *бай* 'бай', 'богач', 'богатый', *тай* 'жеребенок'. Замена звука соответственно приводит к изменению смысла, а именно: *оқ* 'пуля', *ой* 'низменность', 'овраг'; 'долби', 'проруби', 'выколи', *тонг* 'мерзлота', *сой* 'режь', *олим* 'смерть', *бой* 'рост', 'рослый', *той* 'свадьба' и т. д. (орфографически звук *o* в этих словах передается графемой *u*).

В речи же узбеков русские слова, в которых имеется губной звук среднего ряда, среднего подъема *o* (*торт*, *колхоз* и т. д.), произносятся с заменой этого звука узбекским негубным нижнего подъема заднего ряда *a*. При этом получают недопустимые искажения. Например, русское слово *мода*

может произноситься как *мада* (узб. *мада* 'самка'), *ток* — как *так* (узб. *так* 'виноградник' и т. д.).

Такие недостатки узбекского алфавита мешают правильному усвоению языка, в том числе родственных тюркских языков, тогда как «алфавиты родственных языков должны сближать языки, а не служить средством их разобщения»¹⁵.

Требуют уточнения функций и другие знаки, например, *а, ъ, н, ж* и т. д.

Относительно усовершенствования узбекского алфавита можно внести следующие предложения: узб. *а* (в алфавите *о*) следует передавать графемой *а*; узб. *о* следует передавать через *о* (*а* не через *ъ*, как это делается в настоящее время). Например: *бай* 'богач', 'богатый', *ай* 'луна', *сай* 'речка', *ақ* 'белый' и т. д. (между прочим, именно такое обозначение указанных звуков мы находим в других тюркских языках).

Несколько лет среди узбекских лингвистов шел спор о том, является ли *о* (*á*) огубленным. Материалы диалектологии показывают, что этот звук огубленный только в двух городских говорах — самаркандском и бухарском. Во всех остальных говорах и диалектах узбекского языка этот звук неогубленный. Нам кажется, что степень распространенности этого звука в узбекском языке имеет немаловажное значение при решении этого вопроса. Более соответствующим действительности, а следовательно, более правильным — обозначать совр. узб. *о* через *а*.

Узбекский широкий (нижнего подъема) негубной, переднего ряда гласный, обозначающийся в современном узбекском алфавите через *а*, следует обозначать на письме специальным знаком *ə*, например: *эка* 'старший брат', *Əли* (собст. имя), *əллə* 'колыбельная', *эмəки* 'дядя по отцу', и т. д. Этот знак, кстати, имеется в алфавитах других тюркских языков, например, в азербайджанском.

Для того, чтобы каждый реальный звук получил на письме обозначение, и для того, чтобы каждый знак/буква соответствовал одной фонеме, нужно внести ряд уточнений.

Буква *ъ* требует исключения ее из алфавита современного узбекского языка и передачи ее функций двум знакам: для обозначения лабиализованного гласного заднего ряда, среднего подъема использовать знак *о* (*орақ* 'коса', *бол* 'стать', *ор* 'коси', *ой* 'долби', 'проруби', *қой* 'баран', *той* 'свадьба', *қол* 'рука', *ойын* 'игра', *йоқ* 'нет', *боз* (масть лошади) и т. д.), а для обозначения губного гласного перед-

¹⁵ Н. А. Баскаков. Доклад на тюркологической конференции в Баку (тезисы), Баку, 1966.

него ряда; среднего подъема применять знак *ö* (*öрик* 'урюк', *öрдэк* 'үтка', *көл* 'озеро', *бөл* 'дели', *өр* 'плести', *бöz* 'бязь' и т. д.).

Необходимость в передаче функций *й* двум знакам *o* и *ö* — подтверждается и материалами узбекских народных говоров и диалектов. Как показывают многочисленные материалы узбекской диалектологии, почти все говоры и диалекты узбекского языка, включая такие ведущие говоры, как ташкентский, андижанский, ферганский, кокандский, наманганский, хивинский, ургенчский, каршинский, термезский, джизакский, каттакурганский и другие, четко различают эти фонемы по значению и произношению; двузначность совр. орф. *й* существует и в узбекском литературном языке. Только в самаркандском и бухарском городских говорах, которые попали под сильное влияние таджикского языка, смешиваются и почти не различаются эти два самостоятельных звука-фонемы.

Следовательно, на письме эти звуки должны передаваться двумя самостоятельными знаками, учитывая материалы диалектологии и литературное произношение. Кроме того, следует напомнить, что долговременное обозначение на письме двух самостоятельных звуков — фонем лишь одним знаком начинает влиять в отдельных позициях и на их произношение в речи некоторых носителей узбекского языка. Например, такие слова староузбекского литературного языка как *олмақ* 'стать', которые требуют произношения в заднеязычном ряде, произносятся в переднеязычном ряде, как *ölmäk*, что приводит к искажению смысла этого слова: *ölmäk* 'не стать', 'умереть'.

Также предлагаем одну из функций графемы *ж* передать другому знаку, т. е. для обозначения велярного согласного *ж* сохранить этот же знак *ж* (например: *журнал*, *Жуков*, *багаж*, *аждаҳо* 'дракон' и т. д.), а для обозначения аффрикаты *дж* ввести знак *ж* (примеры: *жун* 'шерсть', *жөнәлиш келишик* (дательно-направительный падеж), *жан* 'душа', *жәлә* 'ливень', *жәбр* 'гнет', *жәр* 'обрыв' и т. д.).

Вместо сочетания знаков *нг*, которые в нынешнем алфавите обозначают один носовой звук, мы предлагаем знак *ң* (примеры: *таң* 'заря', *кэң* 'широкий' и т. д.).

Если современный узбекский алфавит усовершенствовать в таком плане, тогда дополнительно к тем знакам, которые имеются в нынешнем алфавите, добавятся еще четыре знака, т. е. *а*, *ö*, *ң*, *ж*. Они займут места так называемых «йотированных» знаков (*е*, *ё*, *ю*, *я*), которые в узбекском алфавите,

согласно таблице Н. А. Баскакова¹⁶, можно передать сочетанием двух знаков. Примеры: *йахши* 'хороший', *йетти* 'семь', *йоқ* 'нет', *йўрэк* 'сердце', *йаман* 'плохой', *йаз* 'лето', *майак* 'яйцо' и т. д.

Уточнение функций указанных знаков очень важно. Оно должно получить отражение в алфавите узбекского языка в первую очередь.

В алфавит узбекского языка желательны внести и другие изменения.

1. Функции узб. *и* передавать через два знака, т. е. а) для обозначения переднего *и* применять этот же знак (*илан* 'змея', *иш* 'работа', *билэк* 'рука', *илм* 'знание'); б) для обозначения заднерядного и применять знак *ы* (*қыз* 'девушка', *қыр* 'возвышенность', *барамыз* 'мы пойдем', *қувамиз* 'выгоним' и т. д.); заодно этим же знаком передавать и русск. *ы*, который в узбекский язык вошел в русских заимствованиях.

2. Функции узб. *у* также передавать двумя знаками, т. е. а) для обозначения гласного заднего ряда *у* оставить тот же знак (*қур* 'построй', *ун* 'мука', *Турғун* (собств. имя), *тур* 'встань', *туз* 'соль', *уч* 'лети' и т. д.); б) для обозначения гласного переднего ряда *у*, применять знак *ў* (*кўл* 'зола', *ўн* 'голос', 'расти', *тўр* 'вид', *тўз* 'составить', *ўч* 'три', и т. д.).

3. Для того, чтобы не загромождать клавишей пишущих машин и линотипов, можно отказаться от знака *э*, оставив на его месте в начале слова *е*. Однако следует сказать, что это может привести к некоторому усложнению в освоении более точных и совершенных правил алфавита и орфографии. Таким образом, из указанных в таблице Н. А. Баскакова 42 знаков, в узбекском уточненном и усовершенствованном алфавите будут следующие 33 (34) или 36 (37) знаков (в скобках указаны те звуки, которые сравнительно меньше необходимы в узбекском алфавите): а, э, б, в, г, ғ, д, ж, ж, е, з, и, (ы), й, к, қ, л, м, н, н, о, ө, п, р, с, т, у, (ў), ф, х; ҳ; ц, ч, ш, (э), ь, (ь).

Несколько слов по поводу соотношения узбекской орфоэпии и орфографии.

Как свидетельствуют материалы диалектологии и наблюдения над литературным произношением, орфоэпические и орфографические нормы узбекского литературного языка в некоторых случаях начинают расходиться. Например, хотя закон гармонии гласных из узбекского литературного языка

¹⁶ Н. А. Баскаков. Доклад на тюркологической конференции в Баку (тезисы), Баку, 1966.

уже давно выведен, его правила в устном литературном языке во многих случаях, в особенности, в произношении узбекско-тюркских слов, часто сохраняются. Так, звук *o* [o] в очень многих словах, таких как *бола* 'мальчик', *ота* 'отец', *анор* 'гранат' (хотя они пишутся по-разному, в литературном произношении почти одинаковы), произносятся как заднеязычные *a*, примерно, *ата*, *бала*, *анар* и т. д. Ср. также произношение слова *лола* 'тюльпан', как *лала*, слова *бало* 'беда' как *бала* и т. д.

Произношение лит. *o* [ɔ] как обязательная норма неприемлемо для узбекского языка. А между тем, такое произношение и соответствующее отражение его в орфографии рекомендуется для узбекского литературного языка.

Приведенные факты, как нам кажется, говорят о том, что какие бы правила орфографии мы ни создавали, язык продолжает сохранять естественность на всем протяжении своего развития. Для того, чтобы вводимые нами орфографические правила соответствовали законам развития языка, мы должны глубже изучить эти законы. Следовательно, при уточнении и усовершенствовании нашего алфавита следует обратить внимание на соответствие орфографии истинному произношению узбекских слов и форм в живом речевом обращении.

Критического анализа требуют и орфографические правила, которые часто основываются на морфологическом принципе, тогда как, на наш взгляд, кое-где следует ввести фонетический принцип, особенно в топонимике и ономастике.

Глава III. ХАРАКТЕРНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЖЕКАЮЩИХ ДИАЛЕКТОВ В СРАВНЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

При анализе имен существительных рассматриваются категории множественности, принадлежности, сказуемости и склонения имен существительных бахмальского говора в сравнении с соответствующими категориями узбекского литературного языка и других джекающих говоров, а также среднеузбекского диалекта.

Категория множественного числа

Показателями мн. числа в бахмальском говоре выступают аффиксы *-лар/-ләр*, *-нар/-нәр*, в отличие от единой литературной формы *-лар*. Примеры: *Қойларды, тавға ҳайдаймис* 'Овец гоним в горы'; *Қозләриңә қарап жириңәр* 'Идите осторожно' (букв. 'идите, глядя на глаза'); *Биздикигә адамнар кэлди* 'К нам пришли люди' и т. д.

Интересно отметить, что в бахмальском говоре, как и во всех джекающих (кыпчакских) говорах, 2-е лицо в ед. и мн. числе имеет две формы — форму простую и форму вежливости.

О форме *силәр/сизләр* как об обычной форме обращения к нескольким лицам писали многие. В. В. Решетов указывал: «Известный интерес представляет широко распространенное в джекающих говорах образование множественного числа от личного местоимения «сиз»: *сизлар* > *силар* *с(и)лар* > *слар* — вы»¹.

А. Г. Гулямов в работе «Категория множественности в узбекском языке»² писал, что форма *сенлар* сосуществует в

¹ В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области (фонетическая и морфологическая системы), Ташкент, 1951, стр. 407.

² А. Ф. Фуломов. Узбек тилида кўплик категорияси, Тошкент, 1955, 12-бет.

современном узбекском литературном языке с формой *сиз* или *сизлар*. В узбекском литературном языке и в ведущих городских говорах среднеузбекского диалекта формы *силар* и *сизлар* не различаются. Однако в бахмальском говоре форма *силар*, несмотря на то, что она образовалась от *сизлар*³, в отличие от лит. *сиз* или *сизлар*, употребляется лишь как форма 2-го лица мн. числа. В бахмальском говоре *сен* выступает исключительно в качестве формы 2-го лица ед. числа, *сиз* — в качестве вежливой формы 2-го лица ед. числа, *силар* — для обычного обращения ко многим лицам, а *сизлар* — для вежливого обращения ко многим лицам.

В узбекском литературном языке форма *сиз* имеет следующие значения: 2-е лицо ед. числа; 2-е лицо мн. числа; вежливое обращение к одному лицу.

Учитывая вышеуказанную особенность бахмальского говора в отношении формы 2-го лица, ниже мы будем давать две формы 2-го лица ед. и мн. числа.

Необходимо отметить также следующие специфические черты бахмальского говора, отличающие его от литературного узбекского языка:

1. Мн. число 1-го лица никогда не принимает аффикса множественности *-лар*. В бахмальском говоре никогда нет формы *бизлар*, так как *биз*, в зависимости от речевой ситуации, может обозначать 1-е лицо как во мн., так и в ед. числе, в последнем случае с оттенком подчеркнутой скромности.

2. В 3-м лице глагола показатель мн. числа отсутствует: *баллар кэлди* 'ребята пришли'; *адамнар қайқа қарап кэтти?* 'в каком направлении ушли люди?' и т. д.

3. Аффикс множественности *-лар* как выразитель уважения к лицу не употребляется ни в именах, ни в глаголах. Для передачи значения уважения к основе глагола прибавляется аффикс взаимносовместного залога *-ш*, *-иш*, *-иши*. *Авқаттан жэң деп шунча қысамаж жэйишмәди* 'сколько бы ни настаивал, чтобы кушали, (все равно) ничего не ели'; *мәлимимис кәчә кәчқурун кәлишти* 'наш учитель пришел вчера вечером', *атамның (дың) өзи райанда қалышти* 'сам отец остался в районе' и др.

4. В бахмальском говоре не встречается форма *сенлар*. Её можно встретить в ведущих говорах ташкентского типа,

³ Н. А. Баскаков. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. «Тюркологический сборник», М.—Л., 1961, стр. 56; В. В. Решетов. Указ. соч., стр. 407—408.

а порой и в литературном языке. Функцию *сенлар* выполняет форма *силар*.

5. В отличие от литературного языка аффикс мн. числа в глагольной форме может иногда стоять перед аффиксом лица: *алдыңыслар алдыларыңыз* 'вы взяли' (вежливое обращение для многих лиц).

В бахмальском говоре, как и во всех говорах узбекского языка, не встречаются варианты *-дар*, *-тэр*, афф. *-лар*. По словам В. В. Решетова, «эта фонетическая черта сближает джекающие и йекающие говоры с каракалпакской, ногайской языковыми системами, но отделяет их все вместе взятые от казахского языка»⁴.

В бахмальском говоре довольно употребительны сочетания: *атамнар кэлди*, букв. 'мои отцы пришли'; *райислар райаңца кэтти*, букв. 'председатели уехали в районный центр'. В этих и подобных случаях форма мн. числа употребляется не в значении уважения к одному лицу, как в литературном языке и других ведущих говорах узбекского языка, а в смысле: вместе с отцом (или председателем) пришли еще и близкие им люди, т. е. афф. *-лар/-лэр* здесь имеет обобщающее значение.

Категория сказуемости

Категория сказуемости в бахмальском говоре отличается от соответствующей категории в литературном языке следующими особенностями:

Ед. число	Мн. число
1-е л. <i>-ман</i> <i>-ман</i>	1-е л. <i>-мыс</i> <i>-мыс</i>
2-е л. <i>-сан</i> <i>сан</i>	2-е л. <i>-сылар</i> <i>силэр</i>
2-е л. <i>-сыз</i> <i>сиз</i> (вежлив.)	2-е л. <i>-сызлар</i> <i>сизлэр</i>
3-е л. (нулевая форма)	3-е л. (нулевая форма)

Аффикс сказуемости *-дир*, в отличие от литературного языка, употребляется только в предположительном значении: *Орымбай мактаптан кеп қағандыр* 'Наверное (похоже, что), Урунбай пришел из школы'; *Навқа планыны толдырғандыр* 'Наверное, Навка выполнил свой план' и др.

Интересно, что формы сказуемости в бахмальском говоре и в узбекских дастанах характеризуются большой общностью.

⁴ В. В. Решетов. Указ. соч., стр. 440—441.

В силу закона сингармонизма в бахмальском говоре имеются четыре варианта аффикса сказуемости: *-тир/-тыр, -дир/-дыр*.

Категория принадлежности

В бахмальском говоре в силу действующего в нем закона небного сингармонизма существуют следующие варианты аффиксов принадлежности.

Для основ, оканчивающихся на согласный звук:

<i>Ед. число</i>	<i>Мн. число</i>
1-ел.- <i>ым' -им</i>	1-ел.- <i>ымыс -имис</i>
2-ел.- <i>ың' иң</i>	2-ел.- <i>ларың лариң</i>
2-ел.- <i>ыңыс иңис</i> (вежлив.)	2-ел.- <i>ларыңыс лариңис</i> (вежлив.)
3-ел.- <i>ы' -и</i>	3-ел.- <i>ы -и, -лары -ләри</i>

Для основ, оканчивающихся на гласный звук:

<i>Ед. число</i>	<i>Мн. число</i>
1-ел.- <i>м</i>	1-ел.- <i>мыс мис</i>
2-ел.- <i>ң' -ың-иң</i>	2-ел.- <i>ларың -ләриң</i>
2-ел.- <i>ңыс'ңис</i> (вежлив.)	2-ел.- <i>ларыңыс' -ләриңис</i> (вежлив.)
3-ел.- <i>сы' -си</i>	3-ел.- <i>сы -си, -лары -ләри</i>

Особый интерес представляют формы ед. и мн. числа 2-го лица, так как в нем различается простая форма и форма вежливости. Примеры:

<i>Ед. число</i>		
<i>ботаң</i>	'твой верблюжонок'	простая форма обращения к одному лицу
<i>эчкиң</i>	'твой козел'	
<i>ботаңыс</i>	'ваш верблюжонок'	вежливая форма обращения к одному лицу
<i>эчкиңис</i>	'ваш козел'	
<i>Мн. число</i>		
<i>боталарың</i>	'ваш верблюжонок'	простая форма обращения ко многим лицам

<i>экиләриң</i>	ваш козел	
<i>боталарыңыс</i>	ваш верблюжо-чок	
	ваши верблюжата	вежливая форма об-
<i>экиләриңис</i>	ваш козел	ращения ко многим
	ваши козлы	лицам

Как видно из примеров, в бахмальском говоре, как и в джекающих (кыпчакских) диалектах вообще, *силәрдиң экиләриң* и *сизләриң экиләриңис* может обозначать в зависимости от контекста и 'ваш козел', т. е. 'один козел', принадлежащий многим лицам, и 'ваши козлы', т. е. 'много козлов', принадлежащих многим лицам.

Иногда встречаются огубленные варианты аффикса принадлежности: *көзүм* 'мой глаз', *көзүң* 'твой глаз', *улум* 'мой сын' и т. д. Но, наряду с этим, иногда в силу неустойчивости губной гармонии эти же аффиксы в произношении одних и тех же лиц могут быть неогубленными. Таким образом, огубление аффиксов принадлежности (как, между прочим, и других аффиксов) в бахмальском говоре не является обязательным.

Категория склонения

В бахмальском говоре, как и в узбекском литературном языке, шесть падежей. Их значения и функции употребления в основном совпадают.

Основной падеж — безаффиксальный.

Родительный падеж, кроме формы *-нинг*, имеющейся в литературном языке, в зависимости от фонетических свойств основ, имеет варианты: *-дың/-диң*, *-тың/-тиң*, *-ның/-ниң*. Примеры: *уйдиң морыси* 'труба дома', *буздайдың дәни* 'зерно пшеницы', *бэргәйниң бэтигә қарама* (мақол) 'принимай все, что дают (соотв. русск. 'дареному коню в зубы не смотрят)'; *қуштың қанаты* 'крыло птицы', *биләктің кўчи* 'сила руки', *ғозаның бәрки* 'лист хлопчатника', *ақшамдың бәлгиси* 'знак (признак) ночи' и др.

Винительный падеж наряду с формой *-ни* (соотв. лит. *-ни*) имеет еще формы *-ды/-ди*, *-ты/-ти*, *-ны/-ни*. Примеры: *қызды чақыр* 'позови девушку (девочку)', *уйди кирип көр* 'осмотри дом', *атты байлә* 'привяжи коня', *этти қайнат* 'свари мясо', *баланы жуват* 'утешай ребенка', *сәлләни ил* 'повесь чалму'.

Как видно, варианты *-ның/-ниң* и варианты *-ны/-ни* употребляются исключительно после гласных. Кроме того, ва-

рианты *-ның/-ниң* могут употребляться после аффиксов принадлежности 2-го лица ед. числа. Например: *энаңниң орамалы* 'платок твоей бабушки', *мәктәбиңниң (диң) чарбағы* 'сад твоей школы' и т. д. Но в этой же фонетической позиции винительный падеж имеет варианты *-ды/-ди*. Варианты аффиксов родительного (*-дың/-диң*) и винительного (*-ды/-ди*) падежей употребляются после звонких согласных, а *-тың/-тиң* родительного падежа и *-ты/-ти* винительного падежа употребляются после глухих согласных.

В бахмальском говоре после лабиализованного гласного в личных и указательных местоимениях вместе с вариантами аффиксов *-ның/-ниң* и *-ңы/-ни* встречаются и варианты *-нуң/-нўң* (род. п.) и *-ну/-нў* (вин. п.). Например, *шунуң өзи жэтәди* 'этого достаточно'; *шоны айтайын дэп кэбидим* 'пришел для того, чтобы сказать это'; *уну мағам бэр* 'дай мне это' и т. д.

Но в бахмальском говоре нет вариантов аффиксов родительного падежа *-ың/-иң* и винительного падежа *-ы/-и*, которые довольно часто встречаются в говорах южно-хорезмского типа. Кроме того, здесь реже, чем в литературном языке, встречается опущение аффикса родительного падежа.

Особенность бахмальского говора состоит еще и в том, что носители его никогда не употребляют одну форму для родительного и винительного падежей. В ведущих говорах это отмечается часто, причем даже в печати и радиопередачах.

Дательнo-направительный падеж в бахмальском говоре имеет следующие варианты аффиксов: *-ға/-гә, -қа/-кә, -а/-ә, -ңа/-ңә*.

Варианты *-ға/-гә, -қа/-кә* употребляются в соответствии с законом небного притяжения в зависимости от твердости и мягкости корня/основы слова. Примеры: *тавға чықдық* 'поднялись в горы', *үйгә кирди* 'вошел в дом', *баққа бардық* 'пошли в сад', *кэлинчәкә той бэрдик* 'послали свадебные вещи невесте'; *бэткә айтқанның за:ри жоқ* 'не обидно то, что сказано в лицо' (пословица) и т. д.

Если слово оканчивается на *қ* или *к*, то в дательнo-направительном падеже этот звук выпадает. Например: *арықа сув қой* 'направляй воду в арык' ('залей арык водой'), а не *арыққа сув қой*, как в литературном языке; *очақа отын тәшлә* 'положи дрова в очаг', *эшикә мин* 'садись на ишака' и т. д.

Но и в бахмальском говоре имеются отдельные слова, в которых в данном падеже сохраняется двойное *қ* или *к*. Например, *баққа бардым* 'ходил в сад', а не *бақа бардым*,

täkkä suv qoidyq 'поливали виноградник', а не *така сув койдық*. По-видимому, эти формы употребляются не так под влиянием литературного языка, как, возможно, здесь играет роль семантика данных слов.

Варианты *-a/-ä* употребляются после аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа. Примеры: *атамă* '(к) моему отцу'; *үйинă* 'к твоему дому', *қашыңа* 'к твоей брови' и т. п. Основы же, оканчивающиеся звуками *м* и *н*, принимают аффиксы *-ға/-гә*. Например: *Сәлимгә* '(к) Салиму', а не *Сәлимә*, *оңға жүр* 'иди вправо', а не *оңа жүр*; (как в южно-хорезмском диалекте); *тамға кир* 'входи в дом', а не *тама кир* и т. д.

Следовательно, употребление вариантов *-a/-ä* для дательного-направительного падежа нужно рассматривать не как фонетическое явление, наблюдающееся после конечных носовых звуков, а как морфологическое, наблюдающееся только после аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица.

Варианты афф. *-ға/-гә* ассимилируются и переходят в соответствующие носовые *-ңа/-ңә* после корней, оканчивающихся звуками *н* и *ң*. Например, *отыңға бар* 'иди за дровами'; *оңға бур* 'сверни направо', *пичăңңа чығамыс* 'пойдем косить сено' и т. д.

Относительно данного явления В. В. Решетов пишет, что «при наращении аффикса к основе, оканчивающейся на согласный *н*, может происходить слияние последнего с согласным звуком аффикса в один носовой звук *-ң*; *жыйыңа (жыйыңға) кэлди* 'он пришел на собрание', *қатағаңа (қатағаңға)* — *катағану* и др.»⁵. При этом В. В. Решетов делает оговорку об условности этого явления, указывая, что оно «не может рассматриваться как характерная черта того или иного говора, поскольку она спорадически прослеживается во всех говорах как джекающего, так и йекающего наречий долины Курамы»⁶.

Но в бахмальском говоре данные звуки не сливаются в один носовой звук *ң*, а, наоборот, получается двойной *ң*; *жыйиңға* 'на собрание', *қатыңға* '(к) женщине', *мэңңә* 'мне'. Здесь четко проявляется удвоенный носовой *ң*. По-видимому, это явление следует отнести к тем специфическим особенностям бахмальского говора, которыми он отличается не только от литературного языка и других йекающих говоров, но и некоторых джекающих (кыпчакских) диалектов.

⁵ В. В. Решетов. Указ. соч., стр. 492.

⁶ Там же, стр. 492—493.

Интересно отметить, что в бахмальском говоре местоимения 1-го и 2-го лица в дательном-направительном падеже часто употребляются в форме *маған*, *саған*. Это наблюдается также в галляаральском и зааминском говорах, а также в уясском говоре Беговатского р-на Ташкентской области. Но ее нет в других кыпчакских диалектах, особенно в говорах западной группы.

Аффикс дательного-направительного падежа в бахмальском говоре по сравнению с литературным языком пропускается чаще. Примеры: *шй:әр тйштйм* 'ходил/ездил в город', 'был в городе', *Самартқан бардим* 'поехал в Самарканд', *Сийрди эки миң алды* 'Купил корову за две тысячи' и т. д. Подобное явление часто встречается и у узбекских народных поэтов. Например: *Масков борсам, Ташкен келсам ҳар жойда, рус ҳам ўзбек мен сийлар ҳар қайда*. 'Поеду ли я в Москву, приеду ли я в Ташкент, русские и узбеки везде меня уважают'.

Исходный падеж в бахмальском говоре наряду с общим литературным показателем *-дан* имеет варианты: *-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән*. Примеры: *бувайдан қыған нан* 'хлеб, испеченный из пшеницы', *жўгўрсә аттан озады* 'бежит быстрее лошади', *баланы башыдан өргәтгән жақшы* 'детей лучше воспитывать с самого начала', *аттан бәләнт, ийтгән пәс* 'выше лошади, ниже собаки' (загадка), *наннан улук нәрсә жоқ* 'нет ничего более святого (букв. великого), чем хлеб', *мәннән өргән* 'учись у меня' и т. д.

Интересно, что архаичная форма орудийного (инструментального) падежа в бахмальском говоре часто заменяет форму исходного падежа. Примеры: *кэмйин қойды/кэмастан қойды* 'перестал приходить', *бармайын қойды/бармастан қойды* 'не стал ходить/посещать', *көрмайин туруп гәпирәди//көрмастан туруп гәпирәди* 'говорит не увидя (не осведомившись)', *қоймайын әпкәтти/қоймастан әпкәтти* 'взял с собой насильно (заставляя)' и т. п.

Местный падеж, кроме фонетических вариантов *-да/-дә, -та/-тә*, ничем существенным не отличается от местного падежа в литературном языке. Примеры: *орақта жоқ, машақта жоқ* — *қырманда ҳәзир* (поговорка) 'нет на косьбе, нет на уборке, а на хирмане тут как тут (всегда готов)', *өзимдә жоқ* — *әләмдә жоқ* (пословица) 'чего нет у меня — того нет и в мире'; *амбар* (да) *тола бувайдымыс, қотан* (да) *тола қойдымыс бар* 'у нас полные мешки пшеницы, полные отары овец', *гәптә чечән, иштә мәчәл* (пословица) 'на словах герой, а в работе рахитик (ничтожен)' и т. д.

В бахмальском говоре вместо местного падежа часто выступает форма послелога *қурун* в сочетании с именем в основном падеже. Например, носители бахмальского говора говорят не *кэчтә* (как в языках кыпчакского типа — каракалпакском, казахском, татарском и др.), а всегда *кэчқурун* 'вечером'. Это слово встречается в других говорах узбекского языка, а также в литературном языке. Характерно, что в бахмальском говоре вместо *кэчқурун* употребительно словосочетание послелога *қурун* с именем *кэч* в древнем орудийном падеже: *кэчтиң қурун*.

Послелог *қурун* сочетается и с названиями времен года. Например, слово *қыш* 'зима' и *жаз* 'лето' могут употребляться в сочетании с *қурун*, принимая аффикс родительного падежа, в виде *қыштың қурун*, *жаздың қурун*, чем достигается большая временная конкретность (соотв. русск. 'зимней порой', 'летней порой').

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное бахмальского говора существенных отличий от имен прилагательных литературного языка не имеет. Характерно, однако, что аффиксы, образующие прилагательные, в говоре имеют по два, а иногда по четыре фонетических варианта в силу действующего закона сингармонизма.

Как и в узбекском литературном языке, в бахмальском говоре есть аффиксы, образующие только прилагательные. К ним относятся: *-чыл/-чил*, *-сыз/-сиз*, *-чаң/-чәң*, *-ан/-ән* и др. Примеры: *ақчыл* 'беловатый', *көкчил* 'синеватый', 'зеленоватый', *туссыз* 'несоленый', *сувсыз* 'без воды', *түксиз* 'безбородый', *хәрәкәтчәң* 'ловкий', 'темпераментный', *бошаң* 'слабый', 'слабоватый', *уйалчаң* 'стыдливый' и др. Следует отметить, что афф. *-чаң/-чәң* в бахмальском говоре встречается очень редко. Думается, что в говоре он появился под влиянием литературного языка или ведущих говоров.

Степени сравнения

Аффикс степени сравнения в бахмальском говоре имеет два фонетических варианта *-рақ/-рәк*: (*жақырақ* 'ближе', *узағырақ* 'дальше', *кәттәрәк* 'больше', *кичирәк* 'меньше') и два значения:

а) если употребляется с самостоятельными прилагательными, то получает смысл «чуть», а не «больше»: *көбирәк*

‘чуть больше’, *кәмирәк* ‘чуть меньше’, *жақынрақ* ‘чуть ближе’, *ағырақ* ‘чуть белый’, *көг:рәк* ‘чуть синий’, ‘чуть зеленый’ и т. д.;

б) если он употребляется в составе слова, обозначающего качество, которое сравнивается с другим качеством, то имеется в виду, что данное качество сильнее другого; например: *қавун ҳәндәләктән кәттәрәк* ‘дыня больше хандалаяка’; *набат қанттан тәмлирақ* ‘нават слаще сахара’; *Пәрдәбай Жәнгирдән киччирақ* ‘Пардабай меньше (младше) Джангира’ и т. п.

Аффиксу степени сравнения литературного языка *-роқ* в бахмальском говоре иногда соответствует афф. *қыраб* в том случае, когда *-роқ* употребляется с глаголом, выполняя функцию наречия. Например:

<i>Бахм. гов.</i>	<i>Лит. яз.</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>Жәйләшиңқырап отырың</i>	<i>Жойлашиброқ утиринг</i>	‘Сидите свободно’
<i>Алдыңна чығыңқырап</i>	<i>Олдинга чиқиброқ</i>	‘Говорите, чуть
<i>сөйлаң</i>	<i>сүзланг</i>	подойдя вперед (к трибуне)’
<i>Бошатыңқырап байлә</i>	<i>Камарингни бұшатиброқ богла</i>	‘Завяжи свой ремень посвободнее’

Ср. еще: *Енбошлаброқ суюниб ўтирди* (А. Мухтор, «Хайри», 123). ‘Он сидел и опирался (на подушки), чуть склонившись на бок’, или *Энгашиб пичирлаброқ сўради* (П. Турсун, «Ўқитувчи», 87) ‘Он, склонившись, шепотом спросил’ и т. д.

В некоторых городских говорах узбекского языка афф. *-роқ* употребляется после основы и после падежного окончания, в бахмальском же говоре, как и в литературном языке, он употребляется после основы перед падежным окончанием. Например:

<i>Бахм. гов.</i>	<i>Город. гов.</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>бәләнтрәккәй қой алдыңрақа кәп отыр</i>	<i>бәландәроқ қой алдингәрақ кәлиб отир</i>	‘поставь повыше’ ‘садись поближе’

Превосходная степень имен прилагательных обычно выражается при помощи частицы *әң*. Как в литературном языке, так и в бахмальском говоре она указывает на самое высшее качество.

Кроме того, в литературном языке степень усиления образуется с помощью слов *ғоят*, *ниҳоят*, *жуда*, *ғоятда*, *ниҳоятда*

‘очень’ и т. п. Все эти формы есть и в бахмальском говоре и употребляются почти (если не считать фонетических различий) без изменений. Усилительные слова арабско-персидского происхождения здесь встречаются меньше и с большими фонетическими изменениями. Например, *наййати* вместо *ниҳоят*, *жэ* вместо *жуда* и т. п.

Усиление признака (качества) в литературном языке выражается путем повторения одного и того же прилагательного или же первого слова (последнее чаще). Так же обстоит дело и в бахмальском говоре. Например, *узун-узун* (*уп-пун*) ‘длинный-длинный’, ‘предлинный’, *қып-қызыл* ‘совершенно красный’, *апнақ* ‘совершенно белый’ и т. п. Нами пока установлен один случай, отличающийся от литературной формы. Усиленная форма слова *көк* (лит. *күк* ‘синий’, ‘зеленый’) в бахмальском говоре, как и в других говорах восточной группы, будет *көкмәк*, а не *күймкүйк*.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Незначительные различия и особенности имен числительных бахмальского говора по сравнению с литературным языком состоят в следующем:

Ряд числительных отличается фонетическим обликом:

Бахм. гов.	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>эки</i>	<i>икки</i>	‘два’
<i>төр(т)</i>	<i>түрт</i>	‘четыре’
<i>жэти</i>	<i>етти</i>	‘семь’
<i>онэки</i>	<i>ун икки</i>	‘двенадцать,’
<i>онтөр</i>	<i>ун түрт</i>	‘четырнацать’
<i>жыйырма</i>	<i>йигирма</i>	‘двадцать’
<i>қырқ</i> (но <i>қырбеш</i> ,	<i>қирқ</i>	‘сорок (но ‘сорок
<i>қыртоққыз)</i>		‘пять, сорок девять’)
<i>эллүв</i>	<i>эллик</i>	‘пятьдесят’
<i>жэтмиш</i>	<i>етмиш</i>	‘семьдесят’
<i>жүз</i>	<i>юз</i>	‘сто’
<i>чййрәк</i>	<i>чорак</i>	‘четверть’

Характерно, что *йәрим* ‘половина’ в бахмальском говоре идентична литературной форме, т. е. нет возможного варианта *жәрим*. Слово *жарты* ‘половина’ встречается редко и имеет особый стилистический оттенок.

В бахмальском говоре, как и во всех джекающих говорах, в именах людей, в названиях родов и старых обрядов встре-

чаются числительные *сэғиз* 'восемь', *тоғуз* 'девять' и т. д. Например: *сэғиссары* (<*саккиз*+*сары* 'восемь желтых') — название одного из узбекских родов, *тоғыз табақ* (<*тоққыз табақ* 'девять блюд') — блюдо, приготовляемое на свадьбе, *Тоғызбай* (<*тоққыз* 'девять баев') — собственное имя.

В бахмальском говоре употребительнее счет по десяткам, особенно в речи представителей старшего поколения. Например: *эқкәм отғыз* (<*эқитәси кәм отғыз*) 'без двух тридцать', *биркәм қырқ* 'без одного сорок' и т. д. Обращает на себя внимание, что в бахмальском говоре сотни могут быть названы единицами, например: *уч йәрим* 'три с половиной' (вм. 350), тысячи могут быть названы сотнями, например: *онтөр жүйз* 'четыренадцать сотен' (вм. 1400) и т. д. Развит также счет по частям, например: *эки чәйрәк* 'две четверти' вм. *төрт килә* 'четыре килограмма', *он чәйрәк* 'десять четвертей', вм. *жәйырма килә* '20 килограммов'.

Числительные порядковые и приблизительные почти ничем не отличаются от числительных в литературном языке, наблюдаются лишь некоторые фонетические особенности, например: *он чақлы* 'около десяти' вм. лит. *ўн чоқлик*. Существуют в говоре собирательные слова: *урув* 'род'; *қотан* 'отара овец', *бир малқана* 'стадо' (коров и быков), *гала* 'стадо' (верблюдов и птиц), *уйуур* 'табун' (коней) и др. Ср. также *көгән* (в отношении баранов и козлов), *бир ғора* (тоже, в основном, о баранах и козлах), *бир тоғай* (в основном в отношении коней) и др.

МЕСТОИМЕНΙΑ

Личные местоимения в бахмальском говоре, как и в других джекающих говорах, имеют следующие формы:

Ед. число

1-е л.	<i>мән</i>	'я'
2-е л.	<i>сән</i>	'ты'
2-е л.	<i>сиз</i>	'вы' (вежливая форма исключительно для одного лица)
3-е л.	<i>у/о~ул,</i> <i>ол</i>	'он'

Формы 1-го и 2-го лица ед. числа совпадают с соответствующими формами литературного языка и по произношению, и по значению.

Мн. число

1-е л. <i>биз</i>	‘мы’
2-е л. <i>силӓр</i>	‘вы’ (обычная форма для многих лиц)
<i>сизлӓр</i>	‘Вы’ (вежливая форма для многих лиц)
3-ел. <i>улар/олар</i>	‘они’

Кроме двойной формы местоимения 2-го лица ед. и мн. числа, особенности личных местоимений в бахмальском говоре заключаются в следующем:

Форма ед. числа 1-го и 2-го лица, а также вариант формы 3-го лица *у* ничем не отличаются от соответствующих форм в литературном языке.

Личные местоимения 2-го лица имеют четыре формы — по две формы для каждого числа. В связи с этим в бахмальском говоре личное местоимение *сиз* ‘вы’ никогда не употребляется в обращении ко многим лицам, а только с оттенком вежливости для одного лица, тогда как в узбекском литературном языке *сиз* (ср. в русском *вы*) употребляется как форма вежливости и для одного лица и как обращение ко многим лицам.

В бахмальском говоре, как и во всех джекающих (кыпчакских) диалектах, никогда не употребляются личные местоимения *биз* ‘мы’ и *сэн* ‘ты’ с аффиксом множественности.

В бахмальском говоре *силӓр* в основном соответствует лит. *сизлар*. Вместе с тем в бахмальском говоре употребляется весьма интересное словосочетание *сэниң бӓриң* букв. ‘ты всё’, существующее параллельно с сочетанием *силӓрдиң бӓриң* в том же значении.

Если *силӓр* или *силӓрдиң бӓриң* являются выражениями обычного обращения, то сочетание *сэниң бӓриң* содержит указание на преимущественное положение говорящего в отношении других и на его правоту или уверенность в правоте; при этом имеется и оттенок унижения слушающих.

Указательные местоимения

Указательные местоимения в бахмальском говоре в сопоставлении с указательными местоимениями в литературном языке имеют следующие формы:

<i>Бахм. гов.</i>	<i>Лит. яз.</i>	<i>Значение в рус. яз.</i>
<i>у (о) ул, ол</i>	<i>у (ул)</i>	'тот'
<i>бу (бул)</i>	<i>бу</i>	'этот'
<i>шу (шул) шо (шол)</i>	<i>шу(шул)</i>	'этот', 'тот'
<i>унда, мунда</i>	<i>унда, бунда</i>	'там' 'тут'

Как видно, количество форм указательных местоимений в бахмальском говоре гораздо больше, чем в литературном языке. Хотя некоторые из этих форм вполне соответствуют литературным и являются лишь их фонетическими вариантами, некоторые из них по значению резко отличаются друг от друга, являясь вполне самостоятельными. Например, указательные местоимения *ул, ол, у, о* по своему значению почти не отличаются друг от друга. Местоимения *шу, шул, шо, шол* также являются вариантами одного и того же местоимения. Но каждое местоимение из трех *у, бу, шу* в бахмальском говоре и джекающих (кыпчакских) диалектах в целом имеет специфическое значение.

Кроме того, в бахмальском говоре имеются формы, этимологически восходящие к указательным местоимениям, а ныне употребляющиеся как наречия: *миндӓ кэ* 'иди сюда' (< *бунда кел* букв. 'иди здесь/сюда') и др.

Некоторые формы указательных местоимений, имеющих в литературном языке, отсутствуют в бахмальском говоре. В их числе местоимение *уша* 'тот', 'этот'. Это местоимение имеется и в других тюркских языках кыпчакского типа, например, в казахском — *осы*, в башкирском — *ошо*. Таким образом, в данном случае бахмальский говор отличается не только от литературного языка, но и от других тюркских языков кыпчакского типа, с которыми обычно он часто совпадает.

Вопросительные местоимения

Все формы вопросительных местоимений, имеющиеся в литературном языке, употребляются и в бахмальском говоре, причем в тех же значениях, с теми же синтаксическими функциями. Некоторые специфические особенности вопросительных местоимений бахмальского говора заключаются в следующем. Здесь имеются усеченные (стяженные) формы, такие как: *қайтайын* 'что же делать', *қандағ этайын* 'какой' в м. лит. *қандай*, *қайтып* 'каким образом' в м. лит. *қандай этиб*, *қайвақ* 'какое время' в м. лит. *қайси вақт*.

Литературные формы *ким* 'кто', *неча* 'сколько' в бахмальском говоре употребляются как *кум* и *нэчи*. Кроме того, в говоре употребляется удвоенная форма вопросительного местоимения *қанақа* 'какой', а именно местоимение *қандачақа* (в самаркандском городском говоре, по-видимому, под влиянием кыпчакского, встречается *қандачойкин*/*қандачокин*). Эта двойная форма придает вопросу большую конкретность. Встречается и форма *нўчўк*, видимо, образованная от ст.-узб. *нечук*, со значением 'почему', 'по какой причине'.

Вопросительное местоимение *қана* в бахмальском говоре соответствует лит. *қани*.

Определенные и неопределенные местоимения

Определенные и неопределенные местоимения существенно ничем не отличаются от соответствующих местоимений в литературном языке. Различия носят главным образом фонетический характер.

В бахмальском говоре очень часто употребляется определенное местоимение *бәри* 'все' (в литературном языке ему соответствуют также *хамма* и *жами*). Часто употребляется и усеченная форма неопределенного местоимения *қайбир* (лит. *қайси бир*).

Необходимо назвать также определительные местоимения *барлығы* 'все', 'в целом', *бирқыл* 'некоторые' (лит. *баъзи* в говоре почти не употребляется) и *гәнә* 'некоторые' (в лит. языке отсутствует). Примеры: *ўйдәги адамнардың барлығы райандың кәттәси*, *гәнәси мыйман* 'сидящие в доме люди все являются руководителями района, некоторые (из них) — гости' и др.

Притяжательные местоимения

Притяжательные местоимения в бахмальском говоре, в отличие от литературного языка, в ед. и мн. числе 2-го лица имеют две формы — простую и вежливую. Кроме того, притяжательное местоимение 3-го лица ед. числа двухвариантно: *уники*/*онықы* (*оники*) 'то, что принадлежит ему'.

Последнее объясняется наличием в бахмальском говоре двух вариантов личного местоимения 3-го лица: *у* и *о*.

Все остальные притяжательные местоимения в бахмальском говоре имеют афф. *-дики*/*-дықы* вместо лит. *-ники*, что соответствует языку узбекских народных дастанов.

В бахмальском говоре нет аффиксов притяжательных местоимений, сохраняющих полную форму родительного падежа, какие встречаются в других говорах узбекского языка. Например, в некоторых городских говорах имеются формы *бизниқки* 'наш', *сизниқки* 'ваш'. В джекающих говорах такая форма не засвидетельствована.

НАРЕЧИЯ

Наречия в бахмальском говоре, как и в других джекающих говорах, по сравнению с литературным языком имеют некоторые различия. Аффикс наречия *-ча* благодаря закону сингармонизма имеет два варианта *-ча/-чә*: *жаңча* 'по-новому', *экичә* 'по-старому', *орысча* 'по-русски', *таджикчә* 'по-таджикски', *қазақча* 'по-казахски' и т. д.

В бахмальском говоре отсутствуют формы наречий, употребляющихся в литературном языке: *бизнингча* 'по-нашему', *сизнингча* 'по-вашему', *менингча* 'по-моему', *унингча* 'по-его', *ўларча* 'по-их' и т. д. В говоре им соответствуют сочетания типа: *мэниң ойлавумча* 'как я думаю' и другие.

Литературным формам афф. *-ларча*: *қахрамонларча* 'геройски', *батырларча* 'богатырски' и т. п. в говоре соответствуют наречия с афф. *-дай/-дәй* или сочетания со словом *оқшап*: *палваннарға оқшап* 'похож на силачей', 'как силачи', *дәвдәй боп* 'как див', *батырдай нара тартып* 'воскликая, как богатырь'.

Эти формы характерны также для всех джекающих говоров и для языка узбекских народных дастанов.

Аффикс *-дай/-дәй*, *-тай/-тәй* в говоре является весьма продуктивным, образующим наречия и имена прилагательные.

Аффиксы *-дай* и *-дек* в литературном языке считаются парными вариантами⁷. Последний в бахмальском говоре отсутствует. Напротив, в ведущих узбекских городских говорах нет афф. *-дай/-дәй*.

Можно предположить, что литературный узбекский язык принял вариант *-дек* от ведущих городских говоров, вариант *-дай* — от джекающих говоров.

Интересно, что в бахмальском говоре афф. *-лай/-ләй* не выступает как фонетический вариант афф. *-дай/-дәй*, а является самостоятельной формой. Этим бахмальский говор от-

⁷ С. Ф у з а и л о в. Наречие в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1953, стр. 6; В. В. Р е ш е т о в. Указ. соч., стр. 520—521.

личается от других тюркских языков кыпчакского типа, но не от литературного узбекского языка, в котором имеется и *-дай/-дек* и *-лай*⁸.

Однако в бахмальском говоре афф. *-лай/-лэй* часто осложнен афф. *-ын/-ин*⁹ и употребляется в формах *-лайын/-лэйин*, *-найын/-нэйин*: *қурылайын* 'в сухом виде', *ҳоллэйин* 'в сыром виде' и др. Этому аффиксу обычно соответствует лит. *-лигича*:

ПОСЛЕЛОГИ

Послелог, употребляющиеся с основным падежом. Послелог *мынан/минән* употребляется во всех джекающих говорах узбекского языка. Эта форма соответствует лит. *билан*. Характерно, что диалектная форма этого послелoga имеет тенденцию к превращению его в аффикс, так как наиболее употребительна в виде *-ман/-мән*: *палванман* 'с героем', *батырман* 'с богатырем'. В языке узбекских народных дастанов мы находим аналогичное употребление данного послелoga.

Н. К. Дмитриев отмечает, что в башкирском языке «послелог *менән* имеет инструментальное значение тогда, когда он управляет словом, обозначающим так называемый «неодушевленный» предмет, а не лицо... Если же послелог управляет словом, обозначающим «одушевленный» предмет в смысле человека, то тогда послелог приобретает сопроводительное значение¹⁰. В бахмальском говоре наблюдается та же закономерность. Однако здесь послелог *минан* в сочетании с именем лица может иметь инструментальное значение, например: *мэни атаң мынан қорқытармыдың?* 'ты меня пугаешь своим отцом?'. В данном значении этот послелог употребляется в узбекском литературном языке.

Послелог *ўчўн* 'для', 'ради', 'из-за' в бахмальском говоре, в отличие от литературного языка, употребляясь в сочетании с местоимениями, не требует аффикса родительного падежа.

Примеры:

Бахм. гов.	Лит. яз.	Значение в рус. яз.
<i>мэн ўчўн</i>	<i>менинг учун</i>	'для меня'
<i>сэн ўчўн</i>	<i>сенинг учун</i>	'для тебя'
<i>шун(й) ўчўн</i>	<i>шунинг учун</i>	'для этого' и т. д.

⁸ Ср. значение и употребление *-лай/-лэй* в башкирском языке. См.: Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 115.

⁹ Афф. *-ын/-ин*, по-видимому, является древним аффиксом, образующим деепричастия.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 121.

Послелого, употребляющиеся с дательным падежом. Послелого с дательным падежом в бахмальском говоре почти ничем не отличаются от таковых в литературном узбекском языке. Только с послелогом *кõра* указательные местоимения принимают особые формы дательного падежа: *шуған кõра* 'поэтому', *уған кõра* 'потому', *муған кõра* 'поэтому' и т. д.

Послелого, употребляющиеся с исходным падежом. Здесь заслуживают внимания послелого *бõлак* 'другой' (от *бõлак* 'отдельная часть') и *тўғул*. Послелог *бõлак* соответствует лит. *бошқа*. Иногда послелог *бõлак* встречается и в литературном языке.

Послелог *тўғул* соответствует русск. *не только..., но даже*, например: *арпа тўғул бувайдийам жўмайди* 'не только ячменя, но даже пшеницу не ест'.

Все другие послелого бахмальского говора полностью соответствуют послелогом в литературном узбекском языке.

СОЮЗЫ

Союзы в бахмальском говоре имеют значительную разницу в сравнении с литературным языком.

1. В бахмальском говоре отсутствуют союзы *яна* 'и', 'также', 'еще', *аммо* 'но', *ёки* 'или', *ҳатто* 'даже', *фақат* 'только', которые имеются в литературном языке. Их функции выполняются другими союзами, например, лит. *яна* соответствует *тағи* (*тағын*), лит. *фақат* — *қурь*, лит. *аммо* — *нэкин*, лит. *ёки* — *ё/ё бомаса* и др.

2. Особое внимание обращает на себя союз *ҳам* 'также'. В бахмальском говоре его функции очень разнообразны, характерно также, что он произносится слитно с предыдущим словом. При этом первый звук *ҳ* после гласных основ заменяется *й*, а после согласных выпадает вообще.

Союз *ҳам* в говоре подчиняется небной гармонии и образует вариант: *қойам* — *қуй ҳам*, *қызам* — *қиз ҳам*.

3. Интересно употребление союза *йа*. Он выполняет в основном функцию разделения и соответствует лит. *ёки*. В двойном употреблении союз имеет значение 'не... не', 'ни... ни' и соответствует узб. *на...на*. Например: *йа алады, йа қойады* в.м. лит. *на олади, на қўяди* 'не дает покоя' (букв. 'и не берет, и не оставляет').

4. Союз *тағи/тағын* употребляется очень часто и обычно встречается в литературном языке в форме *тағин*. В говоре форма союза *тағын* указывает на усиление действия.

5. Союз *бӕлки* 'но', 'однако' наряду с общей лит. формой *балки*, имеет другой фонетический вариант — *барки*.

6. *Лекин* 'однако' весьма широко употребляется в бахмальском говоре, но чаще всего в форме *нӕкин*.

7. В бахмальском говоре широко бытует русский союз *тӕлкӕ* 'только': *Саған тӕлкӕ ойын боса бӕс* 'Тебе бы только одной игрой заниматься'; *Орақ тӕшмӕгӕн тӕлкӕ бир қол тары қалди* 'Осталась только одна полоса проса, которую еще не начали косить'.

В речи молодых людей, особенно отслуживших в рядах Советской Армии, часто употребляется союз *а*.

8. Очень редко в речи бахмальцев употребляется лит. союз *ки*, заимствованный из таджикского языка.

ЧАСТИЦЫ

Особенности частиц в бахмальском говоре следующие:

1. Вопросительная частица *-ма/-мӕ* является эквивалентом лит. *-ми*: атаң *ӕйдӕмӕ?* 'твой отец дома?'. Характерно, что в бахмальском говоре частица *-ма/-мӕ* обычно опускается. В этом случае ее функция восполняется особой интонацией. Такое явление обычно наблюдается в ситуации удивления слушающего.

2. Многозначна в бахмальском говоре частица *-да/-дӕ*. Если лит. *-да* обозначает в основном одновременность действия и иногда утвердительность, то в бахмальском говоре ее значение значительно шире. В говоре частица *-да/-дӕ* также указывает и на сожаление говорящего, на совет и сочувствие, причем для передачи различных значений употребляется соответствующая интонация.

3. Частица *-чи* выполняет такую же функцию, что и в литературном языке. Но в бахмальском говоре при употреблении частицы *-чи* почти всегда добавляется афф. *-ғын/-гин*, вносящий в общее ее значение оттенок решительности, а иногда — оттенок совещательности, мягкости. При этом логическое ударение, интонация будут различны.

4. Частица *-а* употребляется обычно вместе с какой-нибудь частицей и указывает на дополнительный вопрос, а иногда на утверждение или удивление. Иногда, особенно во время переспроса, частица *-а* может выступать самостоятельно.

5. Частица *-қу/-ғу/-ғу* соответствует лит. *-ку* и служит для выражения утверждения или удивления говорящего.

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометиями бахмальский говор значительно отличается от литературного языка. Много междометий существует для отпугивания домашних животных. Они отличаются от междометий в литературном языке по произношению и ударению. В зависимости от ударения, а также при помощи разных вспомогательных слов изменяется и значение междометий.

Междометия, выражающие чувства удивления, одобрения, тоже имеют свои особенности. Ср., например:

ух вм. лит. *уф* — выражение усталости,

хай вм. лит. *хой* — обращение ('гей!'),

йа в основном употребляется женщинами и выражает удивление (при произношении *йа*, как правило, *а* всегда долгое); в форме *ийа* это междометие употребляется в основном мужчинами и также выражает удивление,

хэ вм. лит. *ха* 'да' — знак согласия.

Междометие *хай* 'гей' употребляется для зова мужа женой или жены мужем: супруги — носители бахмальского говора (как и другие узбеки) не называют друг друга по имени.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова в бахмальском говоре имеют некоторые особенности. От соответствующих слов литературного языка они прежде всего отличаются фонетически. Например, такие модальные слова как лит. *йўқ* 'нет', *экан* 'оказывается', *эмиш* 'оказывается', *эмас* 'не' произносятся *жоқ*, *ақан*, *ёмйиш*, *амас*. По выполняемым функциям и по значению модальные слова в бахмальском говоре и в литературном языке в основном совпадают.

ОБРАЩЕНИЯ И ВВОДНЫЕ СЛОВА

Обращения. В бахмальском говоре имена существительные часто употребляются в функции обращения, ср., например, ласкательное обращение: *айнам* 'мое зеркальце', *ботам* 'мой верблюжонок', *арсланым* 'мой лев', *чырағым* 'мой светильник' ('мой светик'), *қозычағым* 'мой ягненок' и др. По-видимому, широкое употребление ласкательных слов в говоре, связанных с названиями животных, можно объяснить

сельским образом жизни носителей этих говоров в прошлом и в настоящем.

Вводные слова. В речи бахмальцев очень часто употребляются специфические вводные слова с модальными оттенками. Некоторые из них: *айтқандай* 'между прочим', 'да', *ышқып* 'в общем', 'одним словом', *жава:ыр* 'к сожалению', *эсизгәнә* 'к сожалению', *бомаса* 'если не так' (от *бў-маса*), *эсә* 'тогда' (по-видимому, от *эрмәсә*), *бомаса/эса* 'тогда', 'в таком случае', *гөрга* 'челуха'.

Модальные конструкции. В бахмальском говоре употребительна конструкция типа *барса кэрәк* 'он, наверное/возможно, пойдет'. В ней содержится значение предположительности и вместе с тем оттенок необязательности совершения действия. Например, в ед. числе:

1-е л. <i>барсам кэрәк</i>	'я'	возможно, наверное, пойду'
2-е л. <i>борсаң кэрәк</i>	'ты'	возможно/наверное, пойдешь'
<i>борсаңыс кэрәк</i>	'Вы,	возможно наверное, пойдете,
3-е л. <i>борса кэрәк</i>	'он,	возможно наверное, пойдет'

ГЛАГОЛ¹¹

Категория настоящего времени

В узбекском литературном языке формы настоящего времени разделяются по значению на две группы. Одна из них указывает на совершаемое действие или на то, которое совершится в будущем. Это время называется настоящим. Другая группа времен именуется формами настоящего времени данного момента или настоящего конкретного времени и включает в себя несколько форм¹².

Настояще-будущее время

Форма данного времени строится по схеме: основа глагола + *й* + полные личные аффиксы. Отрицательный аспект образуется путем аффикса отрицания *-ма/-мә* после основы глагола.

¹¹ За основу изложения принята система В. В. Решетова. См.: В. В. Решетов. Указ. соч.

¹² См.: «Хозирги замон ўзбек тили», Узбекистон ССР Фанлар Академияси нашриёти, Тошкент, 1957, 404-бет; А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1968, стр. 163—166, В. В. Решетов. Указ. соч., стр. 532.

Ед. число

1-л. қарайман	‘я смотрю’
2-л. қарайсан	‘ты смотришь’
қарайсыс	‘вы смотрите’
3-л. қарайды	‘он смотрит’

Мн. число

1-л. қараймыс	‘мы смотрим’
2-л. қарайсылар	‘вы смотрите’
қарайсызлар	‘Вы смотрите’
3-л. қарайды	‘они смотрят’

Форма настояще-будущего времени глагола в бахмальском говоре имеет следующие специфические особенности:

1. В форме настояще-будущего времени, а также в других временных формах глагола, существует одна форма для 3-го лица ед. и мн. числа, чем бахмальский говор отличается от литературного узбекского языка и его других диалектов, в частности и от кураминских говоров¹³. Н. К. Дмитриев по этому вопросу пишет, что современные формы 3-го лица мн. числа *олдилар* ‘они взяли’ и *келдилар* ‘они пришли’ являются формами вторичного образования. Первоначально для 3-го лица обоих чисел употреблялась одна единственная форма¹⁴. Эта первичная особенность сохранилась до сих пор в бахмальском говоре.

2. Для 2-го лица ед. и мн. числа различаются две формы — простая и вежливая.

3. Вспомогательному глаголу литературного языка *қол-* в говоре соответствует аффиксированный вспомогательный глагол *ғай-*, который характерен для всех джекающих говоров (по-видимому, эта форма образована от вспомогательного глагола *қой-*), например: *барағай* (лит. *борақол*) ‘иди-ка ты’, *кэлағайдым* (лит. *келақолдим*) ‘взял да пришел’.

4. Для бахмальского говора, как и для некоторых других джекающих говоров, характерны два фонетических варианта отрицательной формы, например: *тавмайды/таппайды* ‘не найдет’; второй вариант возник благодаря ассимиляции *м* звуком *п*.

5. Как и в других джекающих говорах, в бахмальском форма 3-го лица в положительном и отрицательном аспектах

¹³ См.: В. В. Решетов. Указ. соч., стр. 534.

¹⁴ См.: Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 143.

при вопросе не имеет специального аффикса: перед вопросительной частицей он опускается. Например, *Ғани бјғейн мӕк-тӕнка барама?* 'Гани пойдет сегодня в школу?'; *Ийтини адамнарға қарап қойип жўвӕрсӕ/жўбӕрсӕ болама* 'Ну, что ты поделаешь, когда он спустил собаку прямо на людей'.

Настоящее время данного момента (настоящее конкретное время)

Формы настоящего времени данного момента разделяются на две группы, из которых первую группу составляют описательные формы. Они строятся по схеме: основной глагол в форме деепричастия на *-а/-ӕ* или *-б, -ыб/-иб* + один из вспомогательных глаголов с полными аффиксами лица.

ор- 'косить', *қара-* 'смотреть'

Ед. число

1-е л. *оражатыппан* 'я кошу'
 2-е л. *оражатыпсан* 'ты косишь'
 3-е л. *оражатыпсыс* 'Вы косите'

Мн. число

1-е л. *қарап турыппыз* 'мы смотрим (ждем)'
 2-е л. *қарап турыпсылар* 'вы смотрите (ждете)'
қарап турыпсызлар 'Вы смотрите (ждете)'
 3-е л. *қарап турыпты* 'они смотрят (ждут)'

Отрицательный аспект образуется добавлением афф. *-ма+й* к основе основного глагола.

Для образования описательных форм в бахмальском говоре, как и во всех джекающих диалектах, чаще других встречаются вспомогательные глаголы *турмақ* 'стоять' и *жатмақ* 'лежать'.

При этом конечный звонкий звук деепричастной формы *жатып* в говоре оглушается и переходит в *п* во всех лицах и числах; этот звук ассимилирует следующий после него звук *м, т, е.* первый звук аффикса 1-го лица ед. и мн. числа, например, *баражатыппыз* 'мы идем'.

Следует указать и на другие особенности рассматриваемой формы в сравнении с литературным языком.

1. В бахмальском говоре настоящее конкретное время в 3-м лице имеет форму *қарап туры* 'он смотрит (в данный момент)', а также синонимичную ей форму *қарап турыпты*. Это

отличает бахмальский говор от джекающего кураминского говора и говоров западных районов Самаркандской области, но сближает его с джекающими говорами уяского типа Беговатского района, в том числе и говором Зааминского района Джизакской области.

2. В Миянкале (Каттакурбан, Пахтачи, Нарпай и другие районы Самаркандской области) в качестве вспомогательного глагола настоящего времени данного момента употребляется глагол *тохтапти* (*тўхтамоқ* 'стоять') вместо общеузбекского *турибди*, например: *қараб тохтапти* 'он смотрит'.

3. Формы настоящего времени данного момента на *-ётир* нет ни в говорах ташкентского, ни в говорах ферганского типа. Она существует в виде *-жатыр* только в джекающих говорах и в южно-хорезмском диалекте. В литературный язык, как нам кажется, она пришла из этих диалектов, не лежащих в основе современного узбекского литературного языка, и успешно используется в нем. Как видно, джекающие диалекты имели и впредь будут иметь определенную роль в развитии узбекского литературного языка, являясь для него источником пополнения не только словарного состава, но и грамматических форм.

В бахмальском говоре наряду с формой *-жатыр* встречается форма вспомогательного глагола *-айтыр*. Она не отличается от *жатыр* по значению и, по-видимому, образована от формы *-ётир/-жатыр*.

Форма *барайтыр* встречается значительно чаще в деревне Бахмалсай, чем в других местах совхоза «Бахмал». Эта форма, по-видимому, бахмальским говором заимствована из говоров Миянкаля, т. е. из западных районов Самаркандской области. Поэтому данная форма преобладает именно в речи людей, поселившихся в Пахтачинском, Нарпайском и других районах Миянкаля. В этом отношении бахмальский говор отличается не только от узбекского литературного языка, но также и от кураминского и уяско-зааминских джекающих говоров.

Вторую группу форм настоящего времени данного момента составляют аффиксальные образования. Они представлены в современном узбекском литературном языке двумя формами:

а) от четырех глаголов состояния: *турмоқ* 'стоять', *ўтирмоқ* 'сидеть', *юрмоқ* 'ходить', *ётмоқ* 'лежать' и строятся по схеме: корень глагола + показатель деепричастия на *-б*, *-иб/иб* + полные личные окончания; по сравнению с литературным языком имеются лишь фонетические различия;

б) форма на *ян*; в говоре первый аффиксальный *й* заменяется звуком *ж*, звук *б* оглушается и ассимилируется звуком *м*.

В бахмальском говоре, как и в уясском, форма на *-жап* чаще всего наблюдается в речи молодежи и иногда заменяет форму на *-жатыр*. Поэтому данная форма в бахмальском говоре, как и в уясском говоре Беговатского р-на, перед слиянием с основой глагола еще не потеряла звука *а*, как в форме на *-жатыр*. К тому же она имеет оттенок большей реальности и длительности (но меньшей продолжительности, чем форма на *-жатынты*), хотя форма *-жапты*, *-йапты* и является стяженной формой, образованной от *-жатынты*. Форма *йапты* уже прочно вошла не только в литературный язык, но и в другие говоры узбекского языка (через литературный).

Категория прошедшего времени

Формы прошедшего времени можно разделить на две группы:¹⁵

1) формы прошедшего категорического (прошедшего законченного);

2) формы прошедшего незаконченного.

Форма прошедшего категорического, в свою очередь, тоже разделяется на две группы.

Первая группа.

Прошедшее категорическое образуется по следующей схеме: основа глагола + показатель *-ды/-ди*, *-ты/-ти* + личные окончания краткие:

жэл- 'бежать', *тур*- 'встать'

Ед. число

1-е л. <i>жэлдим</i>	'я бегал'	1-е л. <i>турдым</i>	'я встал'
2-е л. <i>жэлдиң</i>	'ты бегал'	2-е л. <i>турдың</i>	'ты встал'
<i>жэлдиңис</i>	'вы бегали'	<i>турдыңис</i>	'Вы встали'
3-е л. <i>жэлди</i>	'он бегал'	3-е л. <i>турды</i>	'он встал'

Во множественном числе соответственно изменяются только личные окончания.

¹⁵ А. Г. Гулямов выделяет шесть форм прошедшего времени. (См. А. Г. Гулямов. Глагол. Ташкент, 1954. Все эти формы представлены в бахмальском говоре.

кэт- 'уходить'

Ед. число

Мн. число

1-е л. <i>кэттим</i>	'я ушел'	1-е л. <i>кэттик</i>	'мы ушли'
2-е л. <i>кэттиң</i>	'ты ушел'	2-е л. <i>кэттиләриң</i>	'вы ушли'
<i>кэттиңис</i>	'вы ушли'	<i>кэттиләриңис</i>	'Вы ушли'
3-е л. <i>кэтти</i>	'он ушел'	3-е л. <i>кэтти</i>	'они ушли'

В бахмальском говоре наблюдается употребление огубленных вариантов аффиксов прошедшего категорического времени — чаще всего в 1-м лице ед. числа, а иногда и во 2-м и 3-м лице после огубленной основы. Например, *болдум* 'я стал', 'я кончил', *көрдүм* 'я смотрел/видел'. Но в бахмальском говоре никогда не встречаются огубленные варианты аффиксов во мн. числе. Например, нельзя сказать *биз көрдүк* 'мы видели', *биз болдуқ* 'мы стали', что возможно в кураминских говорах¹⁶. Поэтому в бахмальском говоре не следует говорить об отдельном спряжении для огубленных основ.

Отрицательная форма первого прошедшего категорического времени в бахмальском говоре образуется путем прибавления к основе глагола частицы отрицания *-ма/-mä*.

Второе прошедшее категорическое время образуется по схеме: основа глагола + *-ған/-gän*, *-қан/-kän* + личные окончания полные.

сал- 'класть'

Ед. число

Мн. число

1-е л. <i>сағамман</i>	'я клал'	1-е л. <i>сағаммыс</i>	'мы клали'
2-е л. <i>сағансан</i>	'ты клал'	2-е л. <i>сағансылар</i>	'вы клали'
<i>сағансыс</i>	'Вы клали'	<i>сағансызлар</i>	'Вы клали'
3-е л. <i>саған</i>	'он клал'	3-е л. <i>саған</i>	'они клали'

Основы, оканчивающиеся на глухие согласные: *сат* 'продай', чэк 'кури'.

сат- 'продавать', чек- 'курить'

Ед. число

1-е л. <i>сатқамман</i>	'я продал'	<i>чэккәмән</i>	'я курил'
2-е л. <i>сатқансан</i>	'ты продал'	<i>чэккәнән</i>	'ты курил'
<i>сатқансыс</i>	'Вы продали'	<i>чэккәнс(ис)</i>	'Вы курили'
3-е л. <i>сатқан</i>	'он продал'	<i>чэккән</i>	'он курил'.

¹⁶ См.: В. В. Решетов. Указ. соч., стр. 560.

Во мн. числе имеются соответствующие личные окончания.

Вторая отрицательная форма образуется с помощью отрицания *ймәс* (лит. *эмас*), которое следует после формы на *-ған/-гән* и принимает аффиксы лица:

тәр- собрать

Ед. число

1-е л.	<i>тэргән ймәсмән</i>	‘я не собирал’
2-е л.	<i>тэргән ймәссән</i>	‘ты не собирал’
	<i>тэргән ймәссис</i>	‘Вы не собирали’
3-е л.	<i>тэргән ймәс</i>	‘он не собирал’

Во мн. числе соответственно изменяются личные окончания.

Третья отрицательная форма образуется со словом *жоқ* (лит. *йўқ*), которое следует после формы на *-ған/-гән*... с аффиксом принадлежности. При этом, аффиксы *-ған/-гән* часто выступают вместо *-қан/-кән*.

тәкисла- ‘выровнять’

Ед. число

1-е л.	<i>тәкисләйгәнним жоқ</i>	‘я не выровнял’
2-е л.	<i>тәкисләйгәнниң жоқ</i>	‘ты не выровнял’
	<i>тәкисләйгәнниңис жоқ</i>	‘Вы не выровняли’
3-е л.	<i>тәкисләйгәни жоқ</i>	‘он не выровнял’

Во мн. числе соответственно изменяются личные окончания.

Прошедшее незаконченное, или прошедшее повествовательное время

Первая форма прошедшего незаконченного — давнoproшедшее время образуется по схеме: основа глагола + афф. *-ған/-гән*, *-қан/-кән* и недостаточный глагол э- ‘быть’ в форме первого прошедшего определенного времени.

тик- ‘шить’

Ед. число

1-е л.	<i>тиккән эдим</i>	‘я шил (когда-то)’
2-е л.	<i>тиккән эдиң</i>	‘ты шил (когда-то)’
	<i>тиккән эдиңис</i>	‘Вы шили (когда-то)’
3-е л.	<i>тиккән эди</i>	‘он шил (когда-то)’

В форме мн. числа недостаточный глагол э имеет соответствующие показатели лица.

Часто звук э суживается, благодаря чему образуются стяженные формы с *-ыдым/-идим*: *барганыдым* 'я ходил', *алганыдым* 'я взял', *кӧрганидим* 'я видел' и т. д.

Отрицательный аспект образуется путем прибавления аффикса отрицания *-ма/-мӕ* к основе. О значении давнопрошедшего времени В. В. Решетов пишет следующее: «Давнопрошедшим временем обычно передаются действия, предшествовавшие другим действиям, без точного отношения результата его к данному моменту»¹⁷. А по определению Н. К. Дмитриева, «давнопрошедшее время является как бы декорацией, на фоне которой происходит другое действие»¹⁸.

Вторая форма а прошедшего повествовательного — прошедшее незаконченное (давнопрошедшее) образуется по схеме:

основа глагола + деепричастие на *-б, -ыб, -иб* и недостаточный глагол э- в форме первого прошедшего определенного.

кел- 'приходить'

Ед. число

1-е л. <i>кэб эдим</i>	'я пришел'	<i>табыб эдим</i>	'я нашел'
2-е л. <i>кэб эдиң</i>	'ты пришел'	<i>табыб эдиң</i>	'ты нашел'
<i>кэб эдиңис</i>	'Вы пришли'	<i>табыб эдиңис</i>	'Вы нашли'
3-е л. <i>кэб эди</i>	'он пришел'	<i>табыб эди</i>	'он нашел'

Во мн. числе соответственно изменяются личные окончания.

Как и при образовании первой формы прошедшего времени, э часто сливается с основой и, подчиняясь закону сингармонизма корня, влияет на последующий и: *кэбидим, табыбыдым* и т. д.

Необходимо отметить, что в говоре наряду с формой типа *барыб эдим* 'я ходил', существует еще форма *барувдым* 'я ходил', *кэлувдим* 'я пришел' (как в уясском говоре).

Ед. число

Мн. число

1-е л. <i>барувдым</i>	'я ходил'	<i>кэлувдик</i>	'мы пришли'
2-е л. <i>барувдың</i>	'ты ходил'	<i>кэвудилӕриң</i>	'вы пришли'
<i>барувдыңыс</i>	'Вы ходили'	<i>кэвудиңислӕр</i>	'Вы пришли'
3-е л. <i>барувды</i>	'он ходил'	<i>кэвуди</i>	'они пришли'

¹⁷ В. В. Решетов. Указ. соч., стр. 575.

¹⁸ Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 160.

По-видимому, эта форма образовалась от формы *барыб эдим* путем $b > v$ и $u > y$.

Интересно, что в уяском говоре Беговатского р-на существует в основном одна форма — *барувдық*, в Зааминском р-не обе эти формы; в бахмальском говоре употребляются обе формы, но чаще форма *барыбыдық* (*барыб эдик*). Форма *барувдық* часто встречается в ферганских говорах. Наблюдается она и в литературном узбекском языке. Исходя из этого, можно, как нам кажется, сделать вывод о том, что форма *барувдық* для бахмальского говора является вторичной, заимствованной из ферганских говоров или из литературного языка (через посредство других говоров или непосредственно из литературного языка).

Третья форма прошедшего повествовательного — прошедшее многократное образуется по схеме: основа глагола + афф. *-р, -ар/-әр* и недостаточный глагол *э-* в форме первого прошедшего определенного.

жаз- 'писать'

Ед. число

1-е л. <i>жазарыдым</i>	'я писал/написал бы'
2-е л. <i>жазарыдың</i>	'ты писал/написал бы'
<i>жазарыдыңыс</i>	'Вы писали/написали бы'
3-е л. <i>жазарыды</i>	'он писал/написал бы'

Формы мн. числа имеют соответствующие показатели лица.

Отрицательный аспект образуется путем прибавления к основе глагола аффикса отрицания *-мас/-ма̋с* вместо ожидаемого афф. *-р, -ар/-әр*:

1-е л. <i>жазмас ыдым</i>	'я не писал/не написал бы'
2-е л. <i>жазмас ыдың</i>	'ты не писал/не написал бы'
<i>жазмас ыдыңыс</i>	'Вы не писали/не написали бы'
3-е л. <i>жазмас ыды</i>	'он не писал/не написал бы'

и т. д.

Как видно, недостаточный глагол *э-* также подвергается изменению: *эди > ыды*.

Интересно отметить то, что в бахмальском говоре наряду с формой типа *барар эди* 'он ходил', существует форма *барғыч эди*, причем эта форма более употребительна, чем первая. По значению они мало различимы, однако во второй преобладает значение многократности действия. В литературном языке форма *-ғыч эди* не встречается. Она отмечена

в говоре узбеков Галляаральского и других районов. Приведем образец спряжения глагола в третьей форме прошедшего повествовательного:

Ед. число

1-е л. <i>барғычыдым</i>	,я ходил'	<i>кэгицидим</i>	,я приходил (сюда)'
2-е л. <i>барғычыдың</i>	'ты ходил'	<i>кэгицидиң</i>	,ты приходил (сюда)'
<i>барғыч ыдыңыс</i>	'Вы ходили'	<i>кэгичи- диңис</i>	'Вы приходили (сюда)'
3-е л. <i>барғыч ыды</i>	'он ходил'	<i>кэгициди</i>	'он приходил (сюда)'

Отрицательный аспект данной формы образуется путем прибавления к основе глагола аффикса отрицания *-ма/-мә*. Например: *бармағыч эдим* 'я не ходил', *бармағыч эдиң* 'ты не ходил', *бармағыч эди* 'он не ходил' и т. д.

Четвертая форма прошедшего повествовательного — прошедшее неопределенное время образуется по схеме: основа глагола + афф. *-б, -ыб/-иб* (в бахмальском говоре *б* оглушается, т. е. переходит в *п* и ассимилирует последующий первый звук аффикса лица *м*).

қал-‘оставаться’

Ед. число

1-е л. <i>қаппан</i> ¹⁹	'я остался (кажется)'
2-е л. <i>қапсан</i>	'ты остался (кажется)'
<i>қапсыз</i>	'Вы остались (кажется)'
3-е л. <i>қапты</i>	'он остался (кажется)'

Мн. число

1-е л. <i>кэтиппиз</i>	'мы ушли (кажется)'
2-е л. <i>кэтипсилар</i>	'вы ушли (кажется)'
<i>кэтипсизлар</i>	'Вы ушли (кажется)'
3-е л. <i>кэтипти</i>	'они ушли (кажется)'

Отрицательная форма: *көрмәппән* 'я не видел', *қаматпаппан* 'я не остался'.

Эта временная форма выражает такое действие, о совершении которого известно из достоверных источников, хотя

¹⁹ *қаппан* < *қалыппан* (лит. *қолибман*).

говорящий сам и не был свидетелем сообщаемого или делал не сознательно, машинально, в горячечном состоянии. Она также может выражать удивление, недоверие говорящего.

Категория будущего времени

Категория будущего времени в бахмальском говоре, как и во всех джекающих говорах, от соответствующей категории в литературном языке отличается менее, чем категории настоящего и прошедшего времени. В бахмальском говоре имеется только будущее предположительное время. Значение будущего предположительного в бахмальском говоре передается в основном при помощи настояще-будущего времени.

Будущее предположительное время образуется по следующей схеме: основа глагола + афф. -р, -ар/-är + полные личные окончания (за исключением 3-го лица, окончаний нет)
täsh- 'бросать', қал- 'остаться'

Ед. число

- 1-е л. қаларман 'я (возможно) останусь'
2-е л. қаларсан 'ты (возможно) останешься'
          қаларсыз 'Вы (возможно) останетесь'
3-е л. қалар 'он (возможно) останется'

Мн. число

- 1-е л. тәшәрмис 'мы (возможно) бросим'
2-е л. тәшәрсилар 'вы (возможно) бросите'
          тәшәрсизлар 'Вы (возможно) бросите'
3-е л. тәшәр 'они (возможно) бросят'

Отрицательный аспект образуется по схеме:

основа глагола + аффикс отрицания -ма/-mä + личные окончания. Например: кәсмәс 'он (возможно) не вырубит'.

Форма типа *бармағай* в бахмальском говоре не встречается, кроме одного случая: на вопрос *Жол босын?* 'Куда держите путь?' обычно отвечают *Жол боғай базарға* 'На базар'; при этом имеется в виду намерение, желание говорящего отправиться на базар.

В бахмальском говоре, кроме того, существует конструкция, состоящая из формы условного наклонения и модального слова *кэрәк* 'надо'. Эта конструкция выражает идею будущего времени. Однако выражение идеи будущего времени в этой конструкции осложнено модальными оттенками предположительности, необязательности совершения действия: *барсам кэрәк* 'я (возможно/наверное) пойду'. Эти модальные оттенки обусловлены самой структурой конструкции.

Желательное наклонение

Желательное наклонение в бахмальском говоре в 1-м лице ед. числа отличается от соответствующей формы в литературном языке, а также в других джекающих (кыпчакских), в том числе и в кураминском, говорах узбекского языка тем, что показателем наклонения выступает архаичный, полный афф. *-айын* (например, *кэлэйин* 'приду-ка я', *барайын* 'пойду-ка я'), а не *-ай*²⁰, как в современном узбекском литературном языке. Форма желательного наклонения с показателем *-ай* в бахмальском говоре совершенно не встречается.

Мн. число 1-го лица желательного наклонения в бахмальском говоре также отличается от соответствующей категории в современном узбекском литературном языке и в среднеузбекском диалекте. В отличие от литературного языка, в бахмальском говоре показателем мн. числа 1-го лица является сложный аффикс *-ай + иқ/-ай + иқ*, а не *-ай + лик*, как в литературном языке. Примеры: *барайық* (лит. *борайлик*) 'пойдем-ка', *кэлайық* 'придем-ка' и др.

В бахмальском говоре форма на *-ғыр/-гир* может выражать различные пожелания, которые говорящий адресует своему собеседнику или тому лицу, о котором идет речь.

Повелительное наклонение

В бахмальском говоре встречаются простая и вежливая форма обращения для ед. и мн. числа:

а) простое обращение в ед. числе: *бар* 'иди', *ал* 'возьми', *кэт* 'уходи', *ушла* 'держи', *қара* 'смотри', *аппар* 'отнеси' и др.;

б) вежливое обращение/повеление в ед. числе: *барың* 'идите', *кэтиң* 'уходите', *аң* 'возьмите' (лит. *олинг*), *қаң* 'оставайтесь' (лит. *қолинг*), *боң* 'будьте' (лит. *бўлинг*) и др.;

в) простое обращение ко многим лицам образуется путем прибавления афф. *-нар/-нәр* (ассимилированная форма аффикса множественности) к форме вежливого обращения к одному лицу, например: *барыңнар* 'идите', *қаңнар* 'останьтесь', *кэңнәр* 'приходите', *кэтиңнәр* 'уходите', *ушләннәр* 'держите' и т. д.

г) вежливое обращение ко многим лицам образуется путем прибавления афф. *-ңызлар/-ңызләр* к форме вежливого

²⁰ Имеется точка зрения, согласно которой аффикс желат. наклонения *-ай* образован от *-ғай*, встречающегося в староузбекском и уйгурском языках (см., например: В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 81—82).

обращения к одному лицу, например: *барыңызлар* 'идите', *кэлиңизләр* 'приходите', *қалыңызлар* 'оставайтесь', *ўшләңизләр* 'держите и др.

Характерная особенность бахмальского говора заключается в том, что если в литературном языке форма *боринг* 'идите' может употребляться и в смысле вежливого обращения к одному лицу, и в смысле обращения ко многим лицам, то здесь она употребляется лишь в смысле вежливого обращения только к одному лицу. Объясняется это тем, что в бахмальском, как и в уяском, говоре существуют четыре четко различающиеся формы для простого и вежливого обращения в ед. и мн. числе.

Форма повеления для 3-го лица: *барсин* 'пусть он идет', *кэсин* 'пусть он придет' одинакова для ед. и мн. числа, так как в бахмальском говоре, как и в других говорах восточной группы, глаголы в 3-м лице не имеют специального показателя мн. числа.

Условное наклонение

Формы условного наклонения глагола в бахмальском говоре по сравнению с узбекским литературным языком и другими говорами узбекского языка имеют только фонетические различия.

Примеры спряжения условного наклонения в настоящем-будущем времени:

Ед. число

қал- 'остаться', *кэл-* 'приходить',

1-е л. *қасам* 'если я останусь'

2-е л. *қасаң* 'если ты останешься'

қасаңыс 'если Вы останетесь'

3-е л. *қаса* 'если он останется'

кэсәм 'если я приду'

кэсәң 'если ты придешь'

кэсәңис 'если Вы придете'

кэсәй 'если он придет'

Мн. число

бол- 'быть', *жўр-* 'идти'

1-е л. *босақ* 'если мы будем'

2-е л. *босалариң* 'если вы будете'

босаларыңыс 'если Вы будете'

3.-е л. *боса* 'если (они) будут'

жўрсак	‘если мы идем’
жўрсалляриң	‘если вы идете’
жўрсалляриңис	‘если Вы идете’
жўрса	‘если (они) идут’

Отрицательный аспект образуется путем прибавления к глагольной основе аффикса отрицания *-ма/-mä* перед аффиксом *-са/-sä*, например, *жўрмайсәм* ‘если я не иду’, *қамасақ* ‘если мы не останемся’.

Надо отметить, что в говоре при спряжении глагола в условном наклонении прошедшего времени (или условно-сослагательного времени) аффиксы лица могут присоединяться и к вспомогательному глаголу *эди (-ыды/-иди)*. Например: *барсамыды* ‘если бы я ходил/пошел’.

В зависимости от контекста значение условного наклонения прошедшего времени может изменяться, т. е. может принять оттенок пожелания или совета, например: *Аввъл озим барсамыдым* ‘Сперва бы мне самому пойти’ и т. д.

В литературном языке прошедшее время условного наклонения употребляется редко. В его значении часто выступает настоящее время условного наклонения (в сложном предложении): *Келаётсәм, қараб турган экан* ‘Когда я подходил, он уже ожидал’.

Имя действия

Имена действия в узбекском литературном языке разделяются на три вида. Они имеются и в бахмальском говоре.

1. Глагольные имена образуются путем прибавления к основе глагола афф. *-ш, -ыш/-иш*, иногда (после губных основ) *-уш/-ўш*. Примеры: *барыш* от *бар-* ‘пойти’, *кўриш (кўрўш)* от *кўр-* ‘увидеть’, *кириш* от *кир-* ‘войти’, *қараш* от *қара-* ‘смотреть’ и др.

Данная форма глагольного имени часто сочетается с модальными словами *кэрәк* ‘нужно’, ‘надо’, *ләзим* ‘нужно’, *мумкин* ‘можно’, ‘возможно’ и др.

2. Глагольные имена образуются путем прибавления афф. *-в, -ув/-ўв* к глагольной основе. Примеры: *ойлав* ‘раздумье’, ‘мечтание’, *барув* ‘хождение’, *кирўв* ‘вхождение’, *кэтўв* ‘уход’ и др.

3. Третья форма глагольных имен образуется путем прибавления афф. *-мақ/-мак* к глагольной основе. Примеры: *көрмәк* 'увидеть', *термәк* 'собирать', *тавмақ* 'найти', *қувмақ* 'гонять', *кирмәк* 'войти' и др.

В бахмальском говоре наибольший интерес представляет имя действия на *-ув*. Как и почти во всех джекающих говорах, имя действия на *-ув* употребляется здесь гораздо чаще, чем в литературном языке. Ср., например: *барувуң кэрәғиди* — лит. *боришинг керак эди* 'тебе надо было пойти', *айтувуң тўзўв* — лит. *айтганинг (айтишинг) тузук* 'хорошо, что ты скажешь' и др.

Не менее интересен тот факт, что если в литературном языке для всех трех видов имени действия имеется одна отрицательная форма (*бормаслик, келмаслик*), то в бахмальском говоре имеется еще и другая отрицательная форма. Правда, ее употребляют редко. Ср., например: *бармавуң тўзўв* — лит. *бормаганинг тузук* 'лучше чтобы ты не ходил', *амаву мақул* — лит. *олмагани яхши* 'лучше чтобы он не взял' и др.

В литературном языке более употребительно имя действия на *-иш* и меньше всего — имя действия на *-ув*. Следует отметить, что хотя в письменном литературном языке имя действия на *-моқ* считается инфинитивом, в разговорном литературном языке часто вместо имени действия на *-моқ*, употребляется имя действия на *-(и)ш*. В бахмальском говоре, так же как и в литературно-разговорной речи, в большинстве случаев вместо формы на *-мақ/-мак* выступает форма на *-иш, -ыш/-иш*.

Аспекты возможности и невозможности глагола

В бахмальском говоре, как и в узбекском литературном языке, имеются аспекты возможности и невозможности глагола. Положительный аспект возможности образуется по следующей схеме: основа глагола + деепричастный афф. *-й, -а/-ә* + глагол *алмақ* in *verbum finitum*.

Характерная особенность бахмальского говора, как и всех джекающих диалектов, состоит в том, что при соединении вспомогательного глагола *алмақ* с основой, оканчивающейся на гласный — *а*, показатель деепричастия, как правило, выпадает.

Примеры:

бараламан — лит. *бора оламан* 'могу пойти (пойду)'
кэләләсән — лит. *кела оласан* 'можешь прийти (придешь)'

Аспект возможности и невозможности может выражаться в говоре сочетанием деепричастной формы на *-(и)б* с глаголом *ал-*, имея при этом модально-видовые оттенки. Например: *қурып алалдым* 'я смог выстроить', *көриб алалмадым* 'я не смог увидеть' и т. д.

Залоги

Взаимный залог образуется путем прибавления афф. *-ш, -ыш/-иш* к глагольной основе перед аффиксом времени: *қылышты* 'они сделали вместе', *барышты* 'они пошли вместе', *қошылышты* 'они соединились' и др.

Взаимный залог часто обозначает помощь одного субъекта действия другому субъекту. Но вместе с тем, он может обозначать и совместное действие: *сөгишти* 'поругались'.

Кроме того, глаголы с афф. *-ш/-ыш/-иш* в бахмальском говоре часто употребляются при одном субъекте действия для того, чтобы подчеркнуть уважительное отношение к этому субъекту.

В литературном языке подобное явление встречается очень редко; здесь, как и в говорах средне-узбекского диалекта, функцию бахм. *-ш/-ыш/-иш* выполняет афф. мн. ч. *-лар*.

Возвратный залог образуется путем прибавления афф. *-н/-ын/-ин* к глагольной основе²¹. Например, *кийинди* 'он одевался', *жutyнды* 'он захлебнулся', *ачувланды* 'он рассердился', *ақланды* 'он оправдался', *тайанди* 'он опирался' и др.

Страдательный залог образуется путем прибавления к глагольной основе афф. *-л/-ыл/-ил*, а иногда (после огубленных основ) *-ул/-ўл*. Примеры: *барылды* 'хожено', *қылынды* 'сделано', *урулды* 'бита' и др.

В бахмальском говоре, как и в литературном языке, формы возвратного и страдательного залогов могут иногда взаимно заменяться. Например: *тохталды* 'остановился' (по значению — возвратный залог, а по форме — страдательный); *қўлланмоқ* в литературном языке — форма возвратного залога употребляется в прессе в значении страдательного залога.

Понудительный залог образуется, в основном, путем прибавления к глагольной основе афф. *-дыр/-дир*,

---

²¹ А. Г. Гулямов в книге «Глагол» аффиксы *қ—к* и *ш* рассматривает как аффиксы возвратного залога. Они имеются и в бахмальском говоре.

-тыр/-тир. Например: *қалдыр* 'оставь', *кўлдир* 'насмешь', 'заставь смеяться', *тавдыр* (*таптыр*) 'заставь найти', *тиктир* 'заставь зашить' и др.

В бахмальском говоре лит. *-дыр/-тир* часто соответствует афф. *-ғыз/-ғиз*. Например: *кэғыз* вм. *келтир* 'принеси', *боғыз* вм. *болдыр* 'сделай', 'заканчивай', *ағыз* вм. *алдыр* 'заставь брать', *көрғыз* вм. *кўрсат* 'покажи' и др. Ср. также *чығар* 'вынимай', *қутқар* 'выручай' и др.

Кроме того, на месте лит. *-дыр/-дир*, *-тыр/-тир* в говоре употребляется *-т*, *-ырт/-ирт*: *бажарт* 'заставь выполнить', *көгәрт* 'выращивай', 'озеленяй' и т. п. То же явление наблюдается в языке узбекских дастанов.

Относительно морфологии бахмальского говора как представителя кыпчакских диалектов восточных районов Самаркандской и Джизакской областей можно сделать следующие основные выводы.

В бахмальском говоре все грамматические показатели, в отличие от соответствующих показателей литературного языка, имеют по два варианта в зависимости от корня/основы: «мягкий» аффикс для «мягкой» основы, «твердый» аффикс для «твердой» основы или же переднерядные и заднерядные аффиксы в зависимости от корня. Таковы, например, варианты показателя мн. числа *-лар/-ләр*, *-нар/-нәр*, некоторые падежные окончания, например, окончания винительного падежа *-ны/-ни*, *-ды/-ди*, *-ты/-ти* и другие аффиксы, например, *-мақ/-мак*, *-да/-дә*, *-та/-тә*, *-ма/-мә* и т. д.

В бахмальском говоре имеются четыре варианта аффикса мн. числа вместо одного *-лар* в литературном языке. Аффикс мн. числа *-лар* не употребляется в 3-м лице глагола.

В бахмальском говоре четко различаются четыре формы для обозначения 2-го лица (притяжательные аффиксы в имени и личные в глаголе): две формы для обозначения ед. числа и две — для множественного.

В бахмальском говоре окончание родительного падежа имеет шесть вариантов вместо одного в литературном языке. Окончание винительного — шесть, дательно-направительно-го — шесть, исходного — четыре (шесть), местного-временного — четыре (шесть).

Примерно такие же различия имеются в бахмальском говоре и в области именных частей речи и служебных слов. Отмечены отдельные, не встречающиеся в литературном языке, формы местоимений и других именных частей речи.

Некоторые именные формы (особенно местоимения), имеющиеся и в говоре, и в литературном языке, различаются

между собой лишь по форме. Таковы формы местоимения 3-го лица ед. числа *о, ол, шол* и его варианты: *у, ул, шул*; а также стяженные формы: *ҳанаву, мынаву, қайтайын*; такими же являются послелоги *билан, ҳам*, употребляющиеся в бахмальском говоре как слитные аффиксы.

Существенные отличия бахмальского говора в области глагола следующие: наряду с литературной формой прошедшего повествовательного времени *барар эдим* в бахмальском говоре встречается форма *баргычыдым*, причем более употребительная.

Литературной форме причастия будущего времени на *-диган* в бахмальском говоре соответствует вспомогательное слово *турган*.

Вспомогательному глаголу литературного языка *қол-* в говоре соответствует вспомогательный глагол *-ғай*. Имена действия, хотя и редко, имеют особую отрицательную форму *-мав/-маъ* наряду с формой литературного языка на *-маслик*.

Как видно, бахмальский говор имеет ряд морфологических особенностей, значительно отличающих его от узбекского литературного языка. Почти все они являются характерными для всех джекающих (кыпчакских) говоров восточной группы.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастия в бахмальском говоре и в литературном языке различаются главным образом фонетически.

Следует однако отметить, что и в бахмальском говоре, в отличие от литературного языка, деепричастия на *-а/-й* могут образовать распространенный деепричастный оборот и даже в отдельных случаях, могут иметь при себе самостоятельное подлежащее. Например, *Майлимди кӧрӧ, китӧп — дӧптӧрини қолыға ап чавуп кӧтти* 'Он увидя учителя, схватил свои книги и тетради и побежал'; *Орамалыны башиға орай, у арабадан сӧкрӧп тӧшип кӧтти* 'Обмотав голову платком, она спрыгнула с арбы и ушла'.

Это явление представляет интерес, ибо такое явление в узбекском языке считается архаичным, вымирающим и встречается только в старых памятниках узбекского языка. Как видно, кыпчакские говоры сохраняют некоторые архаические формы и конструкции.

ПРИЧАСТИЕ

В бахмальском говоре, как и в литературном языке, существуют причастия прошедшего, настоящего и будущего

времени; от соответствующих форм литературного языка они отличаются фонетически.

Причастие прошедшего времени образуется путем прибавления к глагольной основе афф. *-ған/-гән*, иногда *-қан/-кән*: *ачқан қарын* 'пустой желудок', *отлаған сийир* 'корова, которую пасли', *брилгән чйч* 'заплетенные волосы' и т. п.

Причастие настоящего времени образуется по следующей схеме: основа глагола + показатель деепричастия *-й, -а/-ä* + вспомогательный глагол — *жатған*: *кэлäжатған адам* 'идуший человек', *дарс бэрäжатған мәлим* 'учитель, дающий урок' и т. д.

Причастие будущего времени образуется путем прибавления к глагольной основе афф. *-р, -ар/-är*. В говоре, как и в литературном языке, эта форма уже архаичная. Примеры: *кэлär киши* 'человек, который придет', *кэтär киши* 'человек, который уйдет'. Отрицательный аспект: *бармас* 'тот, который не пойдет', *кэмäs* 'тот, который не придет'.

Имеется также форма причастия, образующаяся по схеме: основа глагола + афф. *-й, -а/-ä* + вспомогательный глагол *турған*. Например: *баратурған* 'тот, который пойдет' и т. д. В узбекском литературном языке эта форма образуется с помощью уже редуцированного афф. *-диган*, а в казахском языке — с помощью афф. *-тын*.

Особенностью бахмальского говора является возможная замена причастия на *-турған* причастием с афф. *-асы/-äси*: *баратурған — барасы* 'тот, кто пойдет', *келатурған — келäси* 'тот, кто придет' и т. д. Ср. также весьма употребительные словосочетания с афф. *-асы/-äси*: *Жүма күни хәммәмис билä барасы болдық* 'Договорились, что в пятницу все пойдем вместе'; *Жаммарза бизга келäси болды* 'Договорено, что Джаммурза придет к нам'.

Архаичная форма причастия на *-миш* в бахмальском говоре, как и во всех джекающих говорах, встречается только от глагола *бол-* 'быть', 'стать'. Например: *Бизгä äмmä бомыш жарқорғаннық Бүвсәйәм кәпти* 'Пришла к нам из Джаркургана Бусанам, которая является тетей по отцу'; *Энақыз оларга қала бомыш-да* 'Инакыз им будет тетей по матери' и т. д.

А. Н. Кононов в «Грамматике узбекского языка» отмечает, что «Форма *экан* свойственна преимущественно живому обиходному языку; форма *эмиш* в живом языке почти не употребительна (за исключением некоторых диалектов) и встречается главным образом в книжно-литературном языке,

в котором она воспринимается как архаизм»²². Однако следует уточнить, что форма *экан* и форма *эмиш* широко употребляются как в узбекском литературном языке, так и во всех диалектах. Форма причастия на *-миш* встречается, главным образом, в книжно-литературном языке и воспринимается как архаизм.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ СЛОВООБРАЗУЮЩИЕ АФФИКСЫ

В джекающих (кыпчакских) говорах имеются словообразующие аффиксы, которые сыграли существенную роль в обогащении узбекского литературного языка и которые представляют интерес в плане изучения истории узбекского языка, в плане отношения кыпчакских говоров к литературному языку.

Аффикс *-в*, (*-ав*, *-ов*, *-ув*)

Афф. *-в* образует глагольные имена как в кыпчакских говорах, так и в литературном языке.

В кыпчакских говорах слова, образованные при помощи данного аффикса, являются названием действия как в положительной, так и в отрицательной форме. Например: *барув керäk* 'надо идти', *бармавунг тўзүк* 'тебе лучше не ходить', *жерди айав керак* 'надо беречь землю' и т. д.

В современном узбекском литературном языке отрицательная форма инфинитива на *-в* почти не применяется. Однако его положительная форма часто употребляется параллельно с формами, образованными при помощи афф. *-моқ* и *-(и)ш*.

Форма на *-в* вошла в литературный язык из кыпчакских диалектов. Ее основная особенность заключается в том, что в современном литературном языке она дала многочисленные лексические образования, благодаря чему значительно расширились лексико-стилистические и грамматические возможности литературного языка. Назовем некоторые из них: *сайлов* 'выборы', *сайловчи* 'избиратель', *хайдов* 'гон', 'вспашка', *ёзув* 'письменность', 'писание', *қўшув* 'сложение', *олув* 'вычитание', 'взятие', *айирув* 'вычитание', 'разделение', *йиғув* 'сбор', *йигирув* 'прядание', *тергов* 'следствие', *тумов* 'насморк', *бог-*

---

²² А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 200.

лавчи 'союз', қайнов 'кипение' (бир қайнови ичида 'не высказанная до конца (иносказанная) мысль').

Кыпчакский афф. -в соответствует афф. -қ/-к., -ғ/-г городских говоров. Однако в современном литературном языке оба эти аффикса стали нормой, что способствовало обогащению не только грамматической, но и лексико-стилистической системы литературного языка. Например, слова қишлоқ и қишлов когда-то имели одно значение — 'зимовка', ничем не отличались друг от друга, каждое из них было принадлежностью одного из говоров. В современном литературном языке эти слова употребляются в разных значениях: қишлоқ означает место, где постоянно живут люди, қишлов означает зимовку, где пасутся зимой животные.

Афф. -в в отдельных случаях образует слова, синонимичные словам с афф. -ш. Однако эти слова не взаимозаменяемы. Ср. ерга ишлов бердик 'обрабатывали землю'. и эрта ишлаш керак 'пораньше надо работать'. Оба глагольных имени: ишлов и ишлаш называют одно действие (букв. 'работание' от глагола ишла 'работай'). Однако употребление их в языке имеет разную лексико-грамматическую обусловленность и поэтому они не могут произвольно заменять друг друга.

Аффикс -та/-да

Из кыпчакских говоров вошли в литературный язык и глагольные образования с афф. -та/-да, например: истамоқ 'хотеть', қистамоқ 'торопить' 'настаивать', тўхтамоқ 'останавливаться', ҳайдамоқ 'гнать'. В них афф. -та соответствует продуктивному афф. -ла, образующему глаголы как в современном литературном языке, так и в кыпчакских говорах.

Глагольные основы с афф. -та/-да (для современного состояния языка они стали корневыми) относятся к числу древних. Эти формы в древности еще не были закреплены как особые характерные формы в языке (диалекте) определенной этнической группы. Впоследствии же различные фонетические варианты одного словообразующего или словоизменяющего элемента стали выступать как характерные особенности языка определенных тюркских племен и народов.

Кроме того, в отдельных случаях варианты форм стали нести не только грамматическую нагрузку, но и семантическую. Эту мысль достаточно иллюстрируют, как нам кажется, однозначные слова типа ҳайла-ҳайда, қишла-қиста. Впоследствии слово ҳайла приобрело значение «вон оно», тогда

как его фонетический вариант *хайда* продолжал означать «гони», «выгоняй»; слово *қишла* сохранило первоначальное значение «зимуй», «проведи зиму», а *қиста* стало означать «торопи», «настаивай».

Употребление афф. *-ла* в форме *-да*, хотя и в незначительном количестве, встречается и в произведениях узбекских классиков. Например:

Йўлдаса бу йўлда Низомий йўлум,
Қўлдаса Хисрав била Жомий қўлум²³.

Пусть предводителем моим на этом пути будет
Низами,
Пусть покровительствуют мне Хисрав и Джами.

Афф. *-да* в произведениях Навои не является вариантом афф. *-ла* с дифференцированным значением. Глаголы с этим аффиксом относятся к числу непродуктивных и отражают древнее состояние форм. Что касается отдельных форм, существующих в современных кыпчакских говорах и вошедших в литературный язык с новыми семантическими и грамматическими значениями (примеры выше), то они функционируют здесь иначе. Диалектные формы, попав в литературный язык, получают необходимые условия для их дальнейшего развития, их функции выходят за рамки грамматической синонимии. Благодаря этому, устаревающие формы начинают снова активно использоваться в языке, обогащая грамматические, лексические и стилистические возможности литературного языка. Следовательно, изучая диалектные материалы, мы можем получать данные не только для истории языка, но и для его современного состояния, поставив вопрос: что может дать тот или иной диалект для развития литературного языка? Кыпчакские диалекты в этом отношении обладают большими возможностями.

Аффикс *-қ/-к*

Афф. *-в* джекающих (кыпчакских говоров) в основном соответствует афф. *-қ/-к* в городских говорах и иногда в узбекском литературном языке. Например, *бузоқ* — *бузов* 'теленок', *чанқоқ* — *чанқов* 'жажда', *сўроқ* — *сўров* 'вопрос', *бўёқ* — *бўёв* 'краска', *эллик* — *эллув* 'пятьдесят', *тузук* —

²³ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 6-том, Тошкент, 1965, 13-бет.

тузув 'исправный' и т. д. Ср. также *атоқ-ли* — *атов-ли* 'славный', *байлоғ-лик* — *байлов-ли* 'привязанный', 'связанный', *соғ-лик* — *сов-лик* 'здоровье' и т. д.

Такое же соответствие наблюдается в языке мамлюкских кыпчаков Египта XIV в. и в языке поэмы «Шайбани-наме» (XVI в.). Например, в «Аттафатуз-закияту фил-луғатит туркия» (Мамлюкский памятник), мы встречаем такие слова, как *ямов* (186) 'заплата', *тумов* (12) 'насморк', *мақтов* 'похвала' и др.²⁴, а в поэме «Шайбани-наме» — *жилов* (242) 'узда', *бузов* (205) 'теленок'²⁵ и др.

Это свидетельствует о том, что афф. -в в указанной позиции был характерен для кыпчакских диалектов в раннем средневековье.

Однако в кыпчакских диалектах существует и афф. -қ/-к, причем он образует большое количество слов. Эти слова не вошли в кыпчакские говоры из литературного языка или из других говоров, а употребляются здесь с древнейших времен. Приведем примеры: *жерик* 'жажда в период беременности', *қалпақ* 'шапочка', *балық* 'рыба', *желәк* 'женское покрывало', *жүйрүк* 'быстроногий', *жүк* 'груз' *жыйақ* 'кант', 'кайма', *кәмтик* 'выемка', 'выбоина', *қурсақ* 'живот', *ашық* 'альчик', *бортик* 'стебель джугары', *бөртмак* 'припухать', 'вздуваться', *бөртик* 'прыщ', 'бугорок', *ийақ* 'подбородок', *қыйақ* 'осока', *кәмирчак* 'хрящ', *кәмчик* 'щербатый', *туйақ* 'копыто', *жайдақ* 'неседланный', 'голый', *тобық* 'щиколотка', 'лодыжка', *өтрик* 'ложь', *киприк* 'ресница', *тайақ* 'палка' и т. д.

Слово с афф. -қ/-к можно найти и в вышеупомянутом мамлюкском памятнике: *авруқ* (163) 'болезнь', *айақ* (165) 'нога', *ақсақ* (167) 'хромой', *арғумоқ* (170) 'скаун', *артық* (171) 'лишний', 'сверх', *ашлық* (173) 'зерно', *эләк* (175) 'сито' и др.

Переход согласных *қ — к > в* — одна из характерных особенностей современных кыпчакских говоров, однако она относится к исторически вторичным явлениям.

Кстати отметим, что афф. -қ/-к является, как нам кажется, общетюркским. Слова с этим аффиксом составляют значительное большинство в лексике всех тюркских языков.

Достоин внимания один интересный факт: большинство названий органов человеческого тела в тюркских языках, главным образом в узбекском языке, состоит из слов, оканчивающихся на -қ/-к. Ср. например: *чаноқ* 'таз', 'глазная ор-

²⁴ Аттухфатуз-закияту фил-луғатит-туркия, Тошкент, 1968.

²⁵ Муҳаммад Солиҳ. Шайбонийнома, Тошкент, 1961.

бита', қовоқ 'веки', яноқ 'щека', қулоқ 'ухо', дудақ 'губы', томоқ 'горло', кўкрак 'грудь', билак 'рука', тирсак 'локоть', қочоқ 'беглец', юрак 'сердце', ичак 'кишка', буйрак 'почка', талоқ 'селезенка', ияк (энгак) 'подбородок', кекирдак 'горло', 'гортань', эмчак 'грудь', кемирчак//кәмик 'хрящ', урчуқ 'верхняя часть бедренной кости, соединяющаяся с тазом', жақ 'челюсть', канак (бурун катаги) 'ноздри', милк 'десны', қурсоқ 'живот', киндик 'пуп', қуйруқ 'ягодица', қорачиқ 'зрачок', қароқ 'зрачок', киприк 'ресницы', қовуқ 'мочевой пузырь', эр-нак (панжа) 'пальцы', бармоқ 'палец', тумшуқ 'морда', азиқ (тиш) 'зуб', курак 'лопатка', қопқоқ (в значении курак) 'лопатка', синчалоқ 'мизинец', суқ қўл 'указательный палец', илик 'костный мозг', костный жир', чимилдиқ 'плевра', ошиқ 'альчик', мишак 'мышца', сийроқ 'кость голени', сиеқ 'внешний вид', 'осанка', турқ 'вид', 'физиономия', чиқ-чиқ 'мочки ушей', қангшириқ 'переносица', оёқ 'нога', тирноқ 'ноготь', тўпық 'щиколотка', бақалоқ 'кости пальцев ног', жик 'соединяющиеся части костей', суяк 'кость', тук 'волосок', пушок' и т. д. Количество слов этого разряда в узбекском языке больше 60.

Говоря об афф. -қ/-к, хочется упомянуть еще об одном факте: в карнабском говоре, который распространен на территории Пахтачыйского района Самаркандской области, этот афф. иногда встречается в составе основного глагола в виде частицы, усиливающей значение действия глагола и придающей оттенок обязательности (необходимости) выполнения действия. Например: боргиняк 'ты обязательно сходи', айтгиняк 'ты обязательно скажи'.

Такие аффиксы нам не встречались в других говорах (и в кыпчакских, и в говорах городского типа) Самаркандской и Джизакской областей. Аффикс -к/-қ с другими значениями иногда встречается в ходжейлийском (кыпчакском) говоре узбекского языка (территория Қаракалпакии)²⁶, в «Бабурнаме»²⁷ и «Мухокамат ал-луғатайн» Алишера Навои²⁸.

²⁶ Ю. М. Ибрагимов. Морфология ходжейлийско-кунградских говоров узбекского языка (склонение, спряжение, словообразование), АКД, Ташкент, 1974, стр. 20.

²⁷ Заҳириддин Муҳаммад Бобир. Бобирнома, УзФАН, Тошкент, 1960, 170—171-бетлар. Примечание: *илдам-ўқ юрудук* — 'пошли побыстрее', *...от устидин-ўқ сачраб мундим* — 'пересел на другого коня с ходу (из-за поспешности)' и др.

²⁸ Алишер Навоий. Асарлар, ўн беш томлик, 14 том, Тошкент, 1967, 115-бет. Примеры: «Сорт борисин мурғоби-ўқ дер — 'сарты всех их называют мурғоби'».

Эти аффиксы, как нам кажется, еще не изучены, хотя и они заслуживают самого серьезного внимания диалектологов и языковедов. Поэтому мы решили здесь упомянуть о них с целью привлечения внимания других языковедов и диалектологов.

Аффикс -т

Многие исследователи давно высказали мнения по вопросу о природе афф. -т в тюркских языках. Утверждается, что афф. -т в тюркских языках имеет значение множественности и по своему происхождению является исконно тюркским или монгольским. По данному вопросу высказались такие видные ученые как В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, И. А. Кононов, А. М. Габэн, Л. Н. Харитонов, А. М. Щербак и др.

В 1966 г. Д. Абдурахманов перенес этот спорный вопрос в область узбекского языка²⁹.

Мы изучали вопрос о природе афф. -т в основном на материале кыпчакских говоров. Возможно, этого недостаточно, однако мы решили высказать некоторое мнение по этому вопросу, опираясь на высказывания других ученых.

Д. Абдурахманов считает, что афф. -т является исконно тюркским и существует в тюркских языках с древнейших времен. Для того, чтобы подтвердить свое мнение, он приводит в качестве примеров многочисленные слова с афф. -т из различных говоров узбекского языка.

С. Е. Малов по данному вопросу пишет: «Интересно было бы поискать и изучить тюркскую лексику с точки зрения существования этой формы в ряде слов с окончанием -т (-д), с целью выяснить, не будет ли это остатком древней формы множественного числа»³⁰.

Причем С. Е. Малов имеет в виду только те конечные т, которые заменяют конечные н, р (каан — каад, нойон — нойод или нокор — нокод, каган, ноён, нукер).

В этом смысле, из собранных нами всех примеров только три могут отвечать пребыванию С. Е. Малова. Это кийим (где $m > n$) — кийит 'одежда', жулпат 'ковер' (возможно, образовано из жулбарак), қийан — қийат.

²⁹ Д. Абдурахмонов. -Т аффикси ҳақида. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1966, № 4, 57—58-бетлар.

³⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 51.

По свидетельству С. Е. Малова, «П. М. Мелиоранский считает, что тюркский *savgat* надо признать множественным числом от *savga* и притом образованным в очень древнее (доорхонское) время»³¹. Подобные примеры и по настоящее время сохранились в некоторых узбекских говорах западных районов Узбекистана.

А. Габэн³², А. М. Щербак³³ конечный *-т* в таких словах, как *алпагут* 'герои', *уруқут* 'воины', *байагут* 'богачи', *аймакат* 'аймаки', тоже считают показателем множественности.

Известный ученый Абулгази Бахадурхан тоже высказывал мнение по этому вопросу. В труде «Родословное древо тюрков» он указывает, что афф. *-т* имеет несколько значений и только одно из этих значений соответствует значению афф. мн. числа *-лар*.

Абулгази Бахадурхан, разъясняя значение слова *унгут*, пишет: «В монгольском языке, из которого приняло свою форму слово *унгут*, буква *т* показывает отношение, какое в арабском означает буквой *ج* «яи нисбат», как в тюркском слог *-чи*, в словах: *ураянчи* 'заготовщик палок', *табакчи* 'столляр', *ишикчи* 'привратник'; стену называют *унгу*, а людей, охраняющих стену, *унгут*, что будет означать «пристенник»³⁴.

Как видно из этих слов, в данном тексте значению афф. *-т* соответствует значение современного афф. *-чи*, а не значению афф. *-лар*, т. е. означает лицо, владеющее ремеслом или предметом.

А в следующем примере, приведенном этим ученым, значение афф. *-т* соответствует значению совсем другого аффикса — *-ли/-лы*. Так, Абулгази Бахадурхан в связи с объяснением значения слова *келькит* пишет: «*келькит* — картавый, так как у этого человека был недостаток в языке... его и назвали *келькит*». Далее он пишет: «Выше мы говорили, что в монгольском языке буква *т* выражает отношение; значение этой буквы *т* известно и ученому и не ученому, тоже, что окончание слов *-лы* в нашем языке: так как мы говорим: *атлы* о том, у кого есть конь, *тўнлы*, о том, у кого есть одежда, чтобы выразить отношение человека к сим вещам: у него есть *ат* 'конь', *тўн* 'одежда'»³⁵.

³¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и киргизии, М.—Л., 1959, стр. 50—51.

³² A. von S ab a i n. Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, s. 63.

³³ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 120.

³⁴ Абулгази Бахадурхан. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 43.

³⁵ Там же, стр. 49.

Разъясняя значение слова *қият* Абдулгази Бахадурхан говорит, что слово *қият* обозначает мн. число от слова *қиян*³⁶. Как видно, в этом примере афф. -т в действительности обозначает мн. число.

Таким образом, по свидетельству ученого афф. -т в древнетюркском языке обозначал не только мн. число, но и имел несколько других значений.

Следовательно, афф. -т в древности был многозначным, причем слова с этим аффиксом передавали не только конкретное, но и абстрактное понятие. Об этом свидетельствуют приведенные Абулгази Бахадурханом примеры. Кроме слов *унгут*, *келькит*, *атлы*, *тўнлы* и *кият* к ним относятся *каранут*, *конкират*, *урмаут*, *кераит* и др.

Вероятно, в далекие времена афф. -т образовывал не только имена со значением лица, владеющего ремеслом или предметом, и был показателем множественного числа имени, но, возможно, он был словообразующим элементом в составе глагола, ср. например: *этмоқ* 'делать', *айтмоқ* 'сказать', *бажартмоқ* 'выполнять', *оғартмоқ* 'побелить', *ортимоқ* 'чистить'.

Можно предположить, что афф. -т когда-то употреблялся в значении множественности в таких словах кыпчакских говоров, как *кыйит* (лит. *сарпо* 'одежда', подаренная на свадьбах и торжественных приемах', приданое девушки, т. е. все то, что девушка берет с собой при уходе из материнского дома) тоже реликтовое мн. число. Здесь можно назвать еще такие слова, как *чуват* с обобщенным значением от *чувақ* 'тепло' или 'солнечное место в горах', *чубат* 'кумыс из верблюжьего молока', *шибат* 'мелкий дождь' и т. п.

Имеется также большое число этнонимов с тем же афф. -т, собранных нами из уст представителей кыпчакских говоров: *баяут*, *галдераут*, *уймаут* (*оймаут*), *журыат*, *мангит*, *конграт*, *кераит*, *кият*, *арлат*, *чалджувут*, *чуют* и т. д.

Афф. -т, как нам кажется, также является реликтовым аффиксом множественности или же обобщенности и в таких словах, как *жигит* 'джигит', *чигит* 'семя хлопчатника', *бағат* 'место расположения садов', *угат* (топоним), *чағат* 'бугор', *сызат* 'подземная вода', *чыт* 'ситец', *чот* 'топорообразный инструмент', *көкәт* 'зелень', *суват* 'место, где набирают воду из арыка', *бет* 'лицо', *сырт* 'западная или обратная сторона', *урт* 'нижняя часть щеки', *қарт* 'пожилые люди', *әләт* 'народы', 'страны' (мн. число от *әл* 'народ'), *журут* 'родина', *қурт*

³⁶ Абдулгази Бахадурхан, Указ. соч., 1906, стр. 46.

‘червяк’, эгат ‘ряд хлопчатника’, қут ‘богатство’, ‘счастье’, су-
вуты (этноним), уйат ‘стыд’ и др.

В связи с этим, здесь нам хочется специально остановиться на значении и этимологии слова *сувуты/суғути/суғди*. *Сувуты* — так называют во многих кыпчакских говорах некоторых горожан, что значит ‘неумелый’. В свое время Б. Джураев первым среди узбекских лингвистов высказал мысль о том, что это слово (*сувуты/сувуты*) восходит по своей этимологии к слову *суғо*³⁷. На основе вышеизложенного мы присоединяемся к его мнению.

Аффикс -ман/-мон

А. Г. Гулямов в статье «Аффикс -мон в узбекском языке» пишет, что афф. -мон, являющийся одним из самых пассивных словообразующих аффиксов староузбекского языка, в современном узбекском языке не выполняет словообразующую функцию, что этот аффикс встречается лишь в составе ограниченного количества слов. Причем в составе слов почти всегда встречается лишь задний вариант этого аффикса; что касается его переднего варианта, то их можно встретить только в отдельных говорах³⁸.

Действительно, этот аффикс в современном узбекском языке считается одним из мертвых аффиксов и поэтому в современном литературном языке он почти не принимает участия в словообразующем процессе. Однако в кыпчакских говорах, а также в языке народных дастанов этот аффикс встречается гораздо чаще, чем в литературном языке и языке городских говоров (в казахском языке он встречается еще чаще).

В кыпчакских говорах на равных правах употребляются оба варианта этого аффикса (задний и передний). Причем его передние и задние варианты (в соответствии с характером корня — задний или передний) одинаково отмечается не только в кыпчакских говорах и произведениях устного народного творчества, но и в письменном литературном языке. Иногда афф. -ман/-мон в современном узбекском литературном языке в конце слова, главным образом, когда этот аффикс оказывается в третьем слоге, независимо от твердости или мягкости корня обычно произносится как передняя фо-

³⁷ Б. Жўраев. Юқори Қашқадарё шеваларида «сувуты»нинг маъноси, «Ўзбек тили ва адабиёти», 1966, № 4, 51—52-бетлар.

³⁸ См.: А. Ф. Фуломов. Ўзбек тилида -мон аффикси, «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 3, 20-бет.

нема. Например: *Қораман, Кўкаман, Отаман, Шакаман, Элман* и т. д.

А. Г. Гулямов в вышеупомянутой статье приводит не многим более 20 слов, образованных при помощи данного аффикса. По нашим неполным материалам этот аффикс в современном узбекском языке встречается в составе более ста слов. Это касается только имен или субстантивированных частей речи. Однако следует учесть и употребление этого аффикса в функции личного показателя в глагольных формах (*топарман* 'находящийся', *кэтәрмән* 'уходящий' и т. д.).

Турецкий ученый Б. Аталай считает, что происхождение этого аффикса связано со словом «ман» (со значением человек) в английском языке³⁹.

А. Г. Гулямов происхождение этого аффикса связывает с таджикским афф. *-манд*.

Однако при таком положении афф. *-ман/-мон* больше встречался бы в узбекском языке в основном в составе слов, употребляемых в городских говорах, которые испытали сильное влияние таджикского языка, а также в узбекском литературном языке; в кыпчакских же говорах он имел бы очень ограниченное употребление. Собранные же нами языковые факты убедительно показывают, что в городских говорах и в узбекском литературном языке сочетание этого аффикса со словами таджикского происхождения составляет ничтожное количество: *шодмон* 'радостный', *фозилмон* (топоним); *фармон* 'приказ' и т. д. Этот аффикс в основном сочетается со словами тюркского происхождения. В кыпчакских говорах при помощи этого аффикса образовано большое количество слов. Таковы, например, собств. имена: *Улмон, Қулмон, Қурмон, Қораман, Кўкаман, Отаман, Бегман, Тошмон, Эшман, Қўшмон, Эрман, Нормон, Элман, Товмон, Сирмон, Сўлоқмон*, а также слова *туман* 'тысяча', *туркман* 'туркмен' и т. д.

Можно полагать, что афф. *-ман/-мон* в кыпчакских говорах существует с древнейших времен.

В составе некоторых слов этот аффикс действительно восходит к персидскому *-манд*. Например, *касалман—касалманд* 'больной'.

Следовательно, узбекский афф. *-ман/-мон* по своему происхождению может восходить к различным источникам с совершенно различными значениями.

---

³⁹ Besim Atalay. Türkçemizde *men—man*, Ankara, 1940.

ХАРАКТЕРНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМАРКАНДСКОГО ГОРОДСКОГО ГОВОРА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ОКРУЖАЮЩИМ КЫПЧАКСКИМ ДИАЛЕКТАМ

Е. Д. Поливанов самаркандский городской говор относит к числу иранизованных и особо подчеркивает наличие максимального влияния на него таджикского языка⁴⁰. По его мнению, даже в кыпчакских говорах окрестности города Самарканда особенно сильно чувствуется влияние таджикского языка в лабиализации общетюркского *a*⁴¹.

Однако таджикское влияние совершенно явно и в фонетике, и в морфологии, и в лексике Самаркандского городского говора. Это естественно, ибо в Самарканде узбеки и таджики с древних времен вместе жили, вместе трудились. По свидетельству Махмуда Кашгари, эти народы вместе жили и трудились еще до нашей эры, т. е. еще в период Афрасиаба. По мнению А. Ю. Якубовского, узбекские и таджикские народы жили в дружбе до арабского завоевания, вместе боролись против завоевателей — арабов⁴².

Известно, что и в период Афрасиаба, и в период Тимурленга, и в период правления узбекских ханов Самарканд был столицей централизованного государства узбеков. Однако узбекские ханы и эмиры своих детей воспитывали у персоязычных ученых, обучали персидскому языку, часто женили своих сыновей на таджичках. Административно-управленческие дела также велись на таджикском языке. На таджикском языке создавались ими художественные, исторические и научные произведения; названия музыкальных инструментов, мелодии также были таджикскими. Именно по этой причине самаркандский говор испытал сильное таджикское влияние.

Влияние таджикского языка на самаркандский говор в области фонетики чувствуется, во-первых, в протяжном (долгом) и ударном произношении фонемы *u*; во-вторых, заднеязычный *o* произносится как переднеязычный *ö*, общетюркский *a* максимально лабиализован и в произношении приближается к заднеязычному *o*.

Что касается влияния таджикского языка на лексику самаркандского городского говора, то об этом свидетельствует

---

⁴⁰ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, Ташкент, 1938.

⁴¹ Е. Д. Поливанов. Казак-найманский говор, М., 1931.

⁴² А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.

огромное количество таджикских слов в этом говоре. Например, в самаркандском городском говоре узбекского языка вместо узб. *узун, бўйчан, бўйдор* 'длинный' употребляется тадж. *дароз*, вм. *опа* 'сестра' — *ойти*, вм. *холавацца* 'двоюродной брат (сестра)' — *хоҳарзода*, вм. *бузоқ* 'теленок', — *гўса-ла*, вм. *дўппи* 'тюбетейка' — *калапўш*, вм. *куёв* 'зять' — *домот*, вм. *чимилдиқ* 'занавес' — *гўшанга*, вм. *қўзи* 'ягненок' — *барра*, вм. *мой* 'масло' — *рўған*, вм. *чакки* 'сюзьма' — *журғот*, вм. *қорамол* 'рогатый скот' — *гов*, вм. *ари* 'пчела' — *замбур*, вм. *қовун* 'дыня' — *харбуза*, вм. *эшак* 'осел' — *хар* и т. д. Можно привести бесконечно большое количество таких слов.

Очень характерно, что в самаркандском городском говоре и в говорах окрестности Самарканда некоторые узбекские слова употребляются не в тех значениях, какие они имеют в литературном языке или в других говорах, а в значениях, известных только жителям Самарканда. Например, самаркандцы вместо *чайни қўйинг* говорят *чайни солинг* 'налейте чаю' (когда речь идет о еде, независимо от того, жидкая ли она или густая, вместо *сузинг* и *қўйинг* говорят *солинг*). В других же диалектах узбекского языка, когда речь идет о густой пище, говорят *солинг* или *сузинг*, а когда речь идет о жидкой пище, говорят *қўйинг*.

Как нам известно, в кыпчакских диалектах и говорах Ташкента, Андижана, Ферганы и других городских говорах, которые почти свободны от влияния таджикского языка, только в одном случае употребляется выражение *солинг*: так говорят при приготовлении плова, когда в котел наливают воду. Представители самаркандского городского говора часто не различают значения таких слов как *суюқ* 'жидкий', *қуюқ* 'густой', *йўгон* 'полный', *ингичка* 'тонкий', *қалин* 'толстый', *сийрак* 'редкий' и т. д.

В результате этого они часто вместо одного слова, выражающего качество или количество, употребляют другое. Например, часто вместо *мошова қуюқ бўлибди* 'похлебка получилась густая', говорят *мошова йўгон бўлибди* 'похлебка получилась толстая'. В самаркандском городском говоре путаются значения глаголов *юқоридан тушмоқ*, *йиқилмоқ*, *қуламоқ* и *ёғмоқ*. Например, вместо *тишим тушди* 'мой зуб выпал' говорят *тишим йиқилди* 'мой зуб упал', вместо *ёмғир ёғаяпти* 'дождь идет' говорят *ёмғир йиқилопти* 'дождь падает'. Иногда употребляются целые таджикские выражения, например: *ишлар кори калон-ку!* (букв. 'дела — большая работа же!'), 'хороши же дела,' или *дадам кўн заводга кор қиладилар* 'отец работает на кожевенном заводе'.

В самаркандском говоре после афф. *-ла* основного глагола часто выступает вспомогательный глагол *қил*, т. е. образуется составной глагол. Например, вместо лит. *бопладим* самаркандцы говорят *бопла қилдим*, вместо *яна мени алдамагин—бо мани алда қилма*. Имеются и другие особенности: вместо *тўхтатинг* 'остановите', употребляется *сақланг* 'храни', 'береги' в отношении транспорта: *автобусни сақланг* 'остановите автобус' букв. 'храни автобус'. Такое явление характерно не только для самаркандского городского говора, но и для говоров окрестностей Самарканда, даже для некоторых кыпчакских говоров.

В самаркандском городском говоре и в говорах окрестностей Самарканда вместо лит. *бориб туринг*, *келип туринг* говорят *бориб тўхтанг*, *келиб тўхтанг*. Это явление почти не встречается в кыпчакских говорах окрестностей Самарканда. Однако в городских говорах городского типа окрестностей Самарканда, например в говорах Каттакургона, Пайшанба, Мирбазара и Карнаба, а также в говорах Кермене (Навоий), Кизилтепе, Гиждувана Бухарской области наблюдается точно такое же явление, как в самаркандском городском говоре. В самаркандском городском говоре и в упомянутых говорах вместо *тайёрладим*, *тузатдим* говорят *тахладим*; например, вместо *чамадонни йўлга тайёрлади* 'он подготовил чемодан для дороги' говорят *чамадонни тахлади*, вместо *укамнинг ййинчоғини тузатиб бердим* 'я починил игрушку своего младшего брата' говорят *укамни ййинчоғини тахлаб бердим*; вместо *ташлади* 'он бросил' говорят *тайлади*.

В кыпчакских диалектах, в городских говорах узбекского языка и в узбекском литературном языке аффикс мн. числа *-лар* не сочетается с местоимениями *биз* 'мы', *сиз* 'вы', например: *биз борганмиз* 'мы ходили', *сиз боргансиз* 'вы ходили', потому что эти местоимения сами выражают множественность. В самаркандском же городском говоре местоимения *биз* и *сиз* почти не употребляются без аффикса мн. числа *-лар*. Вернее, в нем местоимения *биз* и *сиз* сочетаются не с афф. *-лар*, а с его стяженной формой *-ар*. Это явление встречается и в некоторых кыпчакских говорах окрестностей Самарканда (в большинстве случаев в западных говорах). Например, здесь говорят *бизар қишлоққа кетопмиз* 'мы едем в кишлак'; *сизър* вм. *сизлар*.

Однако это явление, характерное для самаркандского городского говора, по-видимому, связано с тем, с каким словом сочетается данное местоимение. Когда эти местоимения сочетаются с причастием прошедшего времени на *-ган*, то аффикс

мн. числа *-лар* выпадает, а причастие употребляется без личного аффикса, например: *биз борган* 'мы ходили', *сиз борган* 'вы ходили', *бизарди команда олдинга* 'наша команда впереди'. Следует отметить, что и в некоторых других диалектах и говорах узбекского языка наблюдаются случаи выпадения личных аффиксов в таких сочетаниях.

Как было сказано выше, выпадение личного аффикса в самаркандском городском говоре в основном встречается тогда, когда личное местоимение сочетается с причастием прошедшего времени. В других городских говорах узбекского языка, а также в некоторых кыпчакских говорах, это явление наблюдается в основном в определительных сочетаниях. Например, в узбекском устном литературном языке, в андижанском, ферганском, ташкентском говорах и значительном количестве других говоров, в том числе и в кыпчакских говорах, часто встречаются такие сочетания, как *бизди бобой*, *бизди хотин*, *бизди мактаб* и т. д. Сравнение этих данных ставит вопрос, является ли это правило результатом непосредственного влияния таджикского языка на самаркандский говор или оно произошло по каким-то внутренним законам самого узбекского языка.

Предварительные наблюдения показывают, что в узбекском устном творчестве, городских говорах частично и некоторых кыпчакских говорах выпадение личного аффикса в определительных сочетаниях встречается не во всех лицах. В большинстве случаев это характерно для аффикса 1-го лица, главным образом во мн. числе. Наше предварительное наблюдение показывает, что в употреблении и выпадении показателей лица и числа существуют определенные закономерности, которые требуют тщательного изучения.

Известно, что во всех языках наблюдается стремление к экономии средств выражения, в любом языке идет шлифовка всех языковых средств, начиная от его минимальной единицы — звука. Рациональное использование фонетических, морфологических, синтаксических и лексических средств языка поначалу характерно лишь для языка отдельных лиц, затем распространяется шире, принимает массовый характер и, наконец, становится закономерностью развития данного языка.

Когда же то или иное явление превращается в норму литературного языка, становится закономерностью, создаются соответствующие правила, которые необходимо строго соблюдать, чтобы не нарушить норму литературного языка. В противном случае эти явления остаются частными, характер-

ными лишь для языка отдельных лиц, отдельных слоев населения, групп или для языка представителей некоторых говоров или диалектов.

Следовательно, при оценке той или иной языковой особенности говора ее не следует рассматривать только как особенность данного говора. Следует подумать о том, какое место может занять данная особенность в литературном языке, какова ее возможность в развитии литературного языка, в обогащении его стилистики и т. д.

Именно в этом плане следует обратить внимание на выпадение в самаркандском городском говоре в определительных сочетаниях притяжательного аффикса.

В самаркандском городском говоре в формах *борар эди* '(он) ходил', *келар эди* '(он) приходил' глагола прошедшего времени афф. -р в результате диссимилиации произносится как *келайду, борайду*. Это явление часто встречается и в кыпчакских говорах окрестностей Самарканда, особенно в западных говорах.

В самаркандском городском говоре вспомогательный глагол *эди* в форме прошедшего времени произносится в стяженной форме: *ду*, например: *ўқайду, борайдук, келайдук* и т. д. По нашему мнению, это говорит о том, что в самаркандском городском говоре сохранились элементы древнетюркского и уйгурского языков.

Остановимся еще на вопросе образования настоящего длительного времени на -оп (например: *боропту* '(он) идет', *келопту* '(он) придет'). В андижанских и ферганских говорах афф. -оп имеет форму -яп, например: *боряпти, келяпти*. Эта самая употребительная в литературном языке форма, безусловно, проникла в литературный язык из андижанского и ферганского говоров и является более употребительной формой, чем формы на -ётир и на -моқда, которые проникли в литературный язык из кыпчакских диалектов.

По нашему мнению, форма на -оп настоящего длительного времени самаркандского городского говора происходит из тех же источников, что и форма на -яп в андижанском и ферганском говорах. В значении этих форм нет почти никакой разницы. Вопрос о том, произошли ли эти формы от вспомогательного глагола *ётмоқ* или от вспомогательного глагола *йапмоқ* со значением 'делать', 'совершать', остается нерешенным.

Когда речь идет о характерных морфологических особенностях самаркандского городского говора, следует специально остановиться на вопросе о падежах.

Известно, что во всех городских говорах в отличие от литературного языка и кыпчакских диалектов аффиксы родительного и винительного падежей смешиваются. В этих говорах, в основном, вместо аффиксов родительного и винительного падежей употребляется аффикс винительного падежа *-ни*, например: *укамни чақир* 'позови моего младшего брата' и *укамни китаби* 'книга моего младшего брата'.

Эта особенность характерна для всех городских говоров Узбекистана, характерна и для самаркандского и бухарского говоров. Однако, в самаркандском и бухарском городских говорах, кроме смешения аффиксов родительного и винительного падежей, смешиваются аффиксы направительного и местного падежей. Кроме того, в самаркандском и бухарском говорах наблюдаются некоторые характерные особенности в употреблении этих падежных форм. Например, в бухарском городском говоре вместо аффиксов направительного и местно-временного падежей почти всегда употребляется лишь один аффикс — аффикс направительного падежа *-га/-гә* (в бухарском городском говоре этот аффикс имеет и форму *-а*). Эта особенность бухарского городского говора характерна и для каттакурганских говоров.

Употребление в бухарском говоре, особенно в каттакурганском и пайшанбинском говорах, аффикса местно-временного падежа вместо аффикса направительного падежа со стилистической точки зрения считается нарушением. В самаркандском же городском говоре аффиксы этих двух падежей в употреблении и в значении почти не различаются: *Регистонга боронти* и *Регистонда боронти*.

Как видно, самаркандский городской говор, несмотря на то, что он окружен кыпчакскими говорами, является полной противоположностью им. Например, в то время как в кыпчакских говорах имеются девять гласных фонем, а в других городских говорах — 7—8, в самаркандском городском говоре имеется только 5—6 гласных фонем. В кыпчакских говорах количество падежных показателей равняется шести, в других городских говорах равняется пяти, а в самаркандском городском говоре имеется лишь четыре (а иногда даже три) надежных показателя.

Причина такого резкого сокращения количества падежных показателей в самаркандском городском говоре заключается в том, что в нем вместо аффикса направительного падежа иногда употребляется аффикс винительного падежа. Например: *‘мани бечорани азоб берди* 'меня бедного он измучил', или *болани азоб берманџ* 'ребенка не мучай'.

Еще одна характерная морфологическая особенность самаркандского городского говора заключается в том, что носители этого говора часто путают и залоги; например, вместо *соқол олдирасизми?* 'вы бреете (с посредством другого) бороду?' говорят *соқол оласизми?* 'вы бреете (сами) бороду?' вместо *индпошивда кастюм тиктирдим* 'я заказал шить костюм в индпошиве' говорят *индпошивга кастим тиктим*.

Подобно тому, как самаркандский городской говор повлиял на кыпчакские говоры окрестностей Самарканда, так и эти кыпчакские говоры не могли не оказать влияния на самаркандские городские говоры. Например, самаркандцы говорят *қандоқчакин/қандоқчайкин/ундоқчакин гап қилманг* 'так не говори'. Эта особенность городского говора, безусловно, возникла под влиянием кыпчакских говоров окрестностей Самарканда. Носители этих кыпчакских говоров также говорят *қондочоғин/ундачоғин гапирма*. В самаркандском городском говоре иногда вместо аффикса винительного падежа *-ни* употребляется *-ди*. Ср. также употребление *қалпоқ* вместо *дўппи* или *калапўш*. Все это также происходит под влиянием кыпчакских говоров.

Глава IV. ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЖЕКАЮЩИХ ДИАЛЕКТОВ В СРАВНЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КЫПЧАКСКИХ ГОВОРОВ В СРАВНЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

Согласно марксистско-ленинскому учению о языке местные диалекты наряду с грамматическим строем имеют свой основной словарный фонд, чего лишены классовые жаргоны. Местные диалекты являются единственным средством общения, связи носителей данных диалектов (говоров).

Марксистско-ленинская теория о языке учит, что словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения и обогащения. В обогащении лексики национального языка немалую роль играют местные диалекты. С этой точки зрения интересно проследить, какие особенности имеют местные говоры, каким изменениям подвергаются они в эпоху развития языков социалистических наций, как местные диалекты, не лежащие в основе национального языка, участвуют в обогащении его словарного состава, растёт ли словарный состав и основной словарный фонд местных говоров в период развития языков социалистических наций.

В данном разделе анализируется лексика джекающих (кыпчакских) диалектов восточной группы районов Самаркандской и Джизакской областей, т. е. диалектов, не лежащих в основе национального языка. В основу исследования положен метод определения отличающихся черт лексики кыпчакских говоров от лексики литературного языка. Как известно, этот метод уже применялся диалектологами. Результаты исследования показывают, что он оправдал себя и стал общим методом описания того или иного диалекта.

ПОЛИСЕМИЯ

Как и в литературном языке, лексика кыпчакских диалектов характеризуется многозначностью. Например:

Мурун. Основное значение — ‘нос человека’; переносные значения: *кәймәниң мурны* ‘нос, передняя часть судна’; *күниң мурны* ‘восход солнца’ (‘утренняя заря’) и др.

Арқа. Основное значение — ‘спина (человека)’ и связанные с ним значения: *уйдиң арқасы* — ‘задняя сторона дома’, *қырдың арқасы* ‘другая сторона холма’, *дайраның арқасы* ‘та сторона реки’, *иштиң арқасы* ‘конец работы’, *пайыздың арқасы* ‘конец поезда’ и др.

Бэт. Значения: ‘сторона’ (лит. *томон*), ‘лицо’ (лит. *юз*).

Бош. Значения: ‘слабый’, ‘свободный’ (о человеке), ‘пустой’ (о посуде), ‘мягкий’ (о почве) и т. д.

Қаш. Основное значение — ‘брови человека’ и связанные с ним значения: *қашыма кэб отырыб алды* ‘пришел и сел совсем близко от меня’; *ийәрдин қашы* ‘передняя, верхняя часть узбекского седла’ (действительно похожая на брови человека) и т. д.

Эти слова многозначны и в литературном языке, и в восточных говорах, но с некоторыми фонетическими и семантическими различиями. Так, лит. *бурун* — бахм. *мурун*; лит. *орқа* — бахм. и другие джек. кыпч. говоры *арт*; лит. *мактаб қошидаги интернат* ‘интернат при школе’, *сельсовет қошидаги мактаб* ‘школа при сельсовете’ — бахм. *мәктәптәги интернат* и т. д. *Бэл* ‘пояс’ в бахмальском говоре, как и во всех кыпчакских диалектах, кроме основного и дополнительных значений (*адамдың бэли* ‘пояс человека’ *иштиң бэлига тәпак* ‘вредить работе’, ‘остановить работу’, (букв. ‘ударить ногой в пояс работы’), *гәптиң бэли* ‘середина разговора’ и др.), имеющих в литературном языке, обозначает еще ‘перевал’, что передается в узбекском литературном языке словом *довон* (*бәлдән аштық* ‘переходили через перевал’).

ОМОНИМИЯ

Омонимия — это одно из самых интересных явлений в кыпчакских диалектах. В сравнении с литературным языком омонимия кыпчакских диалектов очень специфична. Омонимию необходимо отличать от полисемии. Р. А. Будагов пишет: «До тех пор, пока разные значения одного и того же слова сохраняют между собой нечто общее, группируются вокруг единого смыслового стержня, лишь в большей или меньшей степени отделяясь от него, мы имеем дело с полисемией, когда же отдельные значения либо резко отделяются от основного смысла слова и теряют с ним связь, либо совпа-

дают между собой по фонетическим признакам, а не смысловым линиям, имеем перед собой омонимы»¹.

Большая часть омонимов в кыпчакских диалектах идентична омонимам, имеющимся в узбекском литературном языке. Ср. например: *кир* 'входи' и *кир* 'грязь'; *тиш* 'зуб' и *тиш* 'чугунный наконечник сохи'.

Но наибольший интерес представляет огромное количество омонимов, отличающихся от соответствующей категории литературного языка. Их можно разделить на следующие группы:

I. Омонимы, имеющиеся и в литературном языке, и в джекающих говорах, но различающиеся фонетически в силу несовпадения отдельных звуков говора и звуков литературного языка:

ошық (лит. *ошиқ*): 1) 'бабки (для игры)', 2) 'влюбленный', 3) 'лишний';

атасыз (лит. *отасиз*): 1) 'вы являетесь отцом', 2) 'вы стреляете', 3) 'вы кидаете/бросаете'; *жең* (лит. *енг*) 1) 'рукава'; 2) '(вы) ешьте'.

II. Омонимы, имеющиеся и в литературном языке, но употребляющиеся в говоре с дополнительным значением:

жўз; 1) 'сто', 2) 'лицо', 3) 'плавай' (повелительная форма глагола *жўзмәк* 'плавать', 2-е л. ед. ч.);

мал: 1) 'скот', 2) 'материя (хлопчатобумажная и шерстяная)', 3) 'ценная вещь';

чәкки: 1) 'творог из кислого молока', 2) 'капли дождя, протекающие с потолка', 3) 'плохой' (*чәкки қыпты* 'плохо сделал').

Различие фонетических систем литературного языка и говора привело к различию в омонимии. Как уже отмечалось, гласные литературного языка *ў*, *у*, *и* в бахмальском говоре передаются парными гласными:

$$\begin{matrix} \text{ў} \left\{ \begin{matrix} o \\ \ddot{o} \end{matrix} \right. & \text{у} \left\{ \begin{matrix} y \\ \ddot{y} \end{matrix} \right. & \text{и} \left\{ \begin{matrix} u \\ \ddot{u} \end{matrix} \right. \end{matrix}$$

В связи с этим омонимы литературного языка, содержащие вышеуказанные звуки, в бахмальском говоре в большинстве случаев перестают быть омонимами. Например, такие

¹ Р. А. Будагов. Слово и его значение. Л., 1947, стр. 20. См. об этом также. Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. М., 1954, стр. 57. С. Муталлибов. Омоним ва полисемия сўзлар, «Совет мактаби», 1954, № 9, стр. 29.

омонимы литературного языка как *уч* со значениями: 1) 'три', 2) 'лети', 3) 'кончик'; *тўр* со значениями: 1) 'сетка', 2) 'почетное место в доме'; *бўз* со значениями: 1) 'цвет коней', 2) 'вид хлопчатобумажной материи ручной работы', в бахмальском говоре имеют следующие соответствия:

ўчи 1) 'кончик (чего-либо)', 2) 'лети' — *ўчи* 'три';

боз 1) 'цвет масти', 2) 'залежная земля' — *ббз* 'вид ручной хлопчатобумажной материи';

тор 'сетка' — *төр* 'почетное место в доме'.

Ср. также:

лит. *ис*: *ыс* 'сажа' ('нагар от дыма' — *қурум*) — *ийс* 'запах (чего-либо)';

лит. *сур*: *сур* 'коричневый', 'черновато-темный' — *сўр* 'продвинь';

лит. *тур*: *тур* 'встань' — *тўр* 1) 'вид', 2) 'засучи' 'закатывай', 'подними' (рукава, занавес и др.);

лит. *бур*: *бур* 'сверни/сворачивай' — *бўр* 'засохшие листья (чего-либо)';

лит. *ўсма*: *осма* 'вид красильного растения' (вайда) — *бсма* 'не расти'.

Ряд омонимов литературного языка, например *ўт* со значениями: 1) 'трава', 2) 'огонь', 3) 'желчь', 4) 'проходи', в джекающих говорах получают следующее отражение: *от* 1) 'трава', 2) 'огонь'; *от* 1) 'желчь', 2) 'проходи'.

Как видно, каждая из двух форм омонима с разными значениями в свою очередь является омонимичной.

Омонимы *ўр*: *ор* 1) 'коси', 2) 'глубокая яма' и *өр* 1) 'плетти' (повелительная форма 2 л. ед. ч. от *өрмәк* 'плести'), 2) 'нагорное место', 3) 'упрямый' (иногда это значение встречается и в литературном языке).

Другой тип омонимов этой группы, встречающихся в литературном языке, в кыпчакских диалектах распадается на две части. Например, слово *ун* в литературном языке имеет следующие значения: 1) 'мука', 2) 'звук', 'голос', 3) 'расти' (повел. форма глагола *унмоқ*, 2-е лицо, ед. ч.). В кыпчакских диалектах первые два значения этого слова, как и в литературном языке, имеют форму *ун*, третье же значение в бахмальском говоре передается формой *бн*.

III. Омонимы кыпчакских диалектов, отличающиеся от омонимов литературного языка, обусловлены отсутствием некоторых согласных в бахмальском говоре, имеющих в литературном языке:

а) вследствие отсутствия согласного *х* в бахмальском говоре образуются следующие омонимы: *қалам* 1) 'моя тетуш-

ка', 2) 'карандаш', қал 1) 'родинка' (лит. хол), 2) '(ты) оставайся';

б) вследствие отсутствия согласного *ф* в бахмальском говоре образуются следующие омонимы: *пәри* 1) 'пэри' 2) 'его перья'; *палак* 1) 'вселенная', 2) 'плеть' (дыни, огурцов и т. д.).

IV. Омонимы кыпчакских диалектов, образующиеся в связи с заменой в середине и конце слова звуков *ғ* и *қ* литературного языка звуком *в* (в бахмальском говоре). Примеры:

жуваң 1) 'молодая женщина', 2) 'толстый';

тав 1) 'гора', 2) 'найди' (повел. форма глагола *тавмақ* 'найти', 2-е лицо, ед. ч.).

V. Омонимы кыпчакских диалектов, образующиеся в результате фонетического изменения отдельных русских слов и слов заимствованных из других языков. Примеры:

барақ 1) 'особый пушистый, небольшой ковер', 2) 'барак' (русс.);

чот 1) 'домашнее орудие', 2) 'щетка', 3) 'приблизительность', 'вероятность';

қулақ 1) 'ухо', 2) 'представитель сельской буржуазии', 'кулак' (русс.);

жөрмәк 1) 'шить', 2) 'посылать', 3) 'бранное слово' (от тадж. *жувони марг.* 'чтоб тебе умереть молодым').

VI. Омонимы кыпчакских диалектов, образующиеся в связи с широко распространенным явлением стяжения. В бахмальском говоре эта группа омонимов статистически преобладает над другими. Но стяженные формы слов бахмальского говора, встречающиеся в этой группе омонимов, в одних случаях образуют омонимы, а в других не образуют. Например, стяженные формы *қап* (лит. *қолиб*) 'оставаясь' и *кәп* (лит. *келиб*) 'приходя' являются омонимами слов *қап* 'мешок', и *кәп* 'жажда' только в деепричастной форме. Ср. также *эрмән* 1) 'я муж', 'я мужественный', 2) 'с мужем', *күмман* 1) 'я кто?', 'кто такой я?', 2) 'с кем?' В данном случае омонимы образуются только в вопросительной форме этих слов.

Есть и другие слова этой группы, которые в одних случаях образуют омонимы, а в других случаях не образуют.

В бахмальском говоре, как и в других кыпчакских говорах, встречаются несколько типов таких омонимов.

Первый тип образуется в результате стяжения некоторых слов в деепричастной форме. Примеры:

қаппа 1) 'осталось ли?', 2) 'мешок ли?', 3) 'не кусайся' (о собаке);

сан 1) 'ручка' 'рукоятка', 2) деепричастная форма глагола *салмақ* 'класть', 3) 'конец';

кэпа 1) 'пришел ли?', 2) 'не жаждай воды'.

Второй тип образуется в связи с усечением форм послелога *билан* и его переходом в бахмальском говоре в аффикс:

кўммән 1) 'я кто? кто такой я?', 2) 'с кем?';

эрмән 1) 'я муж', 'я мужественный', 2) 'с мужем (вместе)';

көрмән 1) 'я слепой', 2) '(вместе) со слепым';

кярмән 1) 'я глухой', 2) '(вместе) с глухим'.

Третий тип омонимов этой группы образуется в связи с усечением вежливой формы повеления в бахмальском говоре.

Примеры:

кэң 1) 'широко', 'широкий (ое, ая)', 2) 'придите', 'приходите';

аң 1) 'глубокая яма', 2) 'сознание', 3) 'берите/возьмите'.

Четвертый тип омонимов этой группы образуется в результате усечения различных слов и возникновения в силу этого новых форм.

Примеры:

қарат 1) 'заставь смотреть (куда-нибудь)', 2) 'черная лошадь';

қайтайын 1) 'что мне делать?' 2) 'давай-ка, я вернусь';

қайттық 1) 'что нам делать?', 2) 'мы вернулись';

чалма 1) 'род топлива' (кизяки), 2) 'плетеный узор из шелка на бортах халата', 3) отрицательный аспект повел. формы, 2-е лицо ед. число от глагола *чалмақ* 'давать подножку'.

Отличие омонимов этого типа от других заключается в том, что они сохраняют свои значения (антонимичные) во всех временах и аспектах.

VII. Омонимы, образующиеся в результате различных фонетических изменений.

Примеры из бахмальского говора:

лит. *й > ж*: *жав* 1) 'враг', 2) 'закрой (двери)', 3) 'пеки (лепешку)';

лит. *г > й*, лит. *э > и*: *ийар* 1) 'седло', 2) повел. форма глагола *ийärmäk* 'последовать', 2-е лицо, ед. ч.;

лит. *в > б*, лит. *қ > в*: *сабав* 1) 'палочки для обработки шерсти' (*савақ*), 2) 'война' (*саваш*);

лит. *ж > д*: *дым* 1) 'духота', 2) 'молчи!' (повел. форма), 3) отрицательная частица со значением *ни*: *дым индәмйди* 'не говорит ни слова';

лит. й > ж, лит. п > в: *жавған* 1) 'печеный (хлеб)', 2) постная похлебка';

лит. г > й: *жўйда* 1) 'фруктовое растение', 2) 'верхняя одежда для мужчин и детей' (типа рубашки).

СИНОНИМИЯ

Под синонимами понимаются слова, различные по звучанию, но или совпадающие, или близкие по значению².

Исходя из этого определения, все синонимы кыпчакских говоров можно разделить на две группы: 1) синонимы, совпадающие по значению, 2) синонимы, близкие по значению или синонимы с различными оттенками значения.

В качестве примеров для синонимов первой группы можно привести слово *хотин/аёл* 'женщина'; *челак/пақир* 'ведро', *нарван/шоти* 'лестница' и др. Почти все формы этих и им подобных синонимов литературного языка встречаются в бахмальском говоре и в других джекающих (кыпчакских) говорах. Однако они имеют свои особенности.

Например, синонимичный ряд *сандал/танча* (*танча* 'специальная печь для согрева ног'), имеющийся в литературном языке, в бахмальском говоре отсутствует, так как слово *танча* совсем недавно вошло в литературный язык из произведений Айбека и других писателей советского Узбекистана. Поэтому в бахмальском говоре существует только одна форма — *сандал*.

Но в бахмальском говоре существуют другие синонимы, одни из которых встречаются в литературном языке, а другие — нет. Например, слово *чот*, которое в бахмальском говоре является синонимом к литературному *теша* ('домашний инструмент'), отсутствует в литературном языке; *нарван* — синоним литературному *шоти* 'лестница' и бахм. *тоқал* — синоним литературному *тўл* 'вдова'.

Как показывают материалы бахмальского и других джекающих говоров, синонимы первой группы обычно не превышают двух слов. Но иногда (очень редко) встречаются в количестве и более двух слов.

Примеры на синонимы первой группы, встречающиеся в бахмальском говоре и в других джекающих (кыпчакских) говорах восточной группы:

---

² Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. М., 1954, стр. 62.

кәттә/ири
киччи/ушақ чақ
жәрик/башқараңа

кутиб амақ/жолға чықмақ
ийәртмәк/иргәштирмәк/жәтәләмәк
алыс/узақ
жақын/жувуқ
байтал/бийә
сулув/чырайлы
қатын/айал
адам/киши

‘большой (ая, ое)’,
‘маленький (ая, ое)’,
‘жажда в период бе-
ременности’,
‘встречать’
‘вести с (за) собой’
‘далеко’,
‘близко’,
‘кобыла’,
‘красивый’, (ая, ое)’
‘женщина’,
‘человек’.

Каждый синоним этой группы слов всегда имеет свой смысловой оттенок, специфический только для него одного. Для примера можно взять синонимы бахмальского говора, обозначающие понятия «смелый», «храбрый», «отважный» и др. Например, слово *батыр* ‘смелый’, ‘храбрый’, ‘важный’ в бахмальском говоре, как и во многих джекающих (кыпчакских) диалектах, имеет шесть синонимов со следующими оттенками значений: в слове *откир* делается упор на резкость, в слове *чәбдәс* — на ловкость, в слове *қорқмас* — на бесстрашие, в слове *қайтмас* — на принципиальность и умение довести дело до конца, в слове *кәскир* — на резкость и принципиальность. Характерно то, что вместе со своими специфическими оттенками, эти слова имеют одно общее значение ‘храбрый’, ‘смелый’, ‘отважный’.

В следующем примере эта особенность выступает еще ярче. Значение «он умер» в бахмальском говоре передается различными лексическими средствами: *өлди* — простая констатация смерти (например, *бу дүйнәдә хичкүм ыстым боп қамайды, хәммәйәм вақты-сәәти жәткәндә өлди* ‘в этом мире никто не останется вечно (живым), все умирают, когда подойдет время’); *напайт болды* — с оттенком соболезования (например, *жақшы балайды, напайт болды* ‘был хорошим малым, но умер’); *үзилди* — упор на законченность (*касал кәчә ақшам үзүлүпти* ‘больной вчера ночью умер’); *жан бәрди* — упор на героическую кончину (*Кәттә улы пуронтта жан бәрди* ‘(его) старший сын умер (погиб) на фронте’); *қаза қылды* — соболезование с религиозным оттенком, в настоящее время данное выражение считается более-менее архаичным; *қулағы астыда қалды* — насмешка, ирония (*чалдың қулағы астыда қаламәкән дәп хәммә қорқып қабыды, жоқ, тузув боп кәтти* ‘все боялись, что старик умрет, но (он)

выздоровел'); *баш қойып аяқ узата кэтти* — поэтичность и образность (вместе с тем, чуть проявляемое равнодушие в отношении умершего); это выражение обычно употребляется в отношении умерших стариков и старух, которые долго жили, многое видели на этом свете и умерли своей смертью. (*Шерали бава көп улы-қыз өстирди, нэбәрә-чэбәрә көрди-дә, өткән жылы баш қойып аяқ узата кэтти* 'Дед Ширали воспитал много детей, увидел внуков — правнуков и умер в прошлом году'); *набыт болды* — сожаление, это сочетание употребляется в отношении умерших молодых людей (*жйиirma жәшидә набыт болды* 'умер в двадцатилетнем возрасте'); *ҳарам қатты* — грубое, враждебное отношение к умершему (*душманды көргән жеридә ҳарам қатырады* 'убьет врага там, где его увидит').

Кроме того, есть еще лексические средства, выражающие небрежно-неприятное отношение к умершему, такие как *гөргә кирди*, *жәр қапты* и *тоңғыз қапты*.

Приведенные выше синонимы встречаются как в узбекском литературном языке, так и в бахмальском говоре. Но в бахмальском говоре синонимов данного значения количественно больше, чем в литературном языке. Это относится также и к другим кыпчакским говорам. Однако следует заметить, что иногда в литературном языке по сравнению с отдельными говорами некоторые синонимы встречаются чаще и группы их в количественном отношении больше.

Как видно из материалов, первая группа синонимов по численности преобладает над синонимами второй группы. Зато вторая группа преобладает над первой по своему составу, т. е. по количеству участвующих в ней слов-синонимов.

Несколько примеров на синонимы второй группы:

буваз бомақ
бала бомақ
ҳәмиладәр бомақ 'быть беременной'
бойыда бомақ
авур аяқлы бомақ
авур жйккли бомақ

шыпыра
жәвлик
жаппа
ҳәммәси 'все', 'в целом'
батамам
тамамнай

пўтўннай
бāри
уй
вāтāн
кўлбāқана 'дом', 'жилище'

оразғар
отав

бэт
жўз
чырай 'лицо'
āнт
турқ
ирāң
бāшāрā

АНТОНИМИЯ

Антонимы встречаются как в узбекском литературном языке, так и в кыпчакских говорах. Например, *балант* 'высокий', 'высоко' — *пās* 'низкий', 'низко', *кātтā* 'большой' — *киччи* 'маленький', *кэчā* 'ночь' — *кўндўз* 'день', *аччы* 'горький', 'горькое' — *ўйччи* 'сладкий', 'сладкое'; *эртā* 'ранний', 'рано' — *кэч* 'поздний', 'поздно'; *ой* 'низменность' — *қыр* 'высота', *алыс* 'далекий', 'далеко' — *жақын* 'близкий', 'близко', *узун* 'длинный', 'длинно' — *қысқа* 'короткий', 'коротко'; *ыссық* 'горячий/теплый', 'горячо/тепло' — *сувуқ* 'холодный', 'холодно'; *кўнчығыш* 'восток' — *кўнбатыш* 'запад' и т. д. Нужно только отметить, что в узбекском литературном языке наряду со словами *кўнчығыш* 'восток', *кўнбатыш* 'запад', которые имеются и в бахмальском говоре, употребляются также специальные термины, заимствованные из арабского языка — *шарқ* 'восток' и *ғарб* 'запад'. Эти термины используются для передачи данных понятий. А слова *кунчиқиши* и *кунботиши* в литературном языке имеют определенный стилистический оттенок.

Как показывают материалы узбекского языка и бахмальского говора, многие антонимы узбекского языка наряду с передачей значения контрастности служат еще и для передачи одного слитного значения. Например: *бāлāнт-пās гāпирмā* 'говори спокойнее', *ой-қыр āкāн* '(местность) была неровная', *қышың-жазың ишлāридик* 'мы работали круглый год (зимой

и летом)', *эртä-кэч қабар алыптур* 'наблюдай постоянно', *учы-қуйрығы көринмайди* 'конца-края не видать' и т. д.

В бахмальском говоре и в других кыпчакских диалектах встречаются примеры, где слова-антонимы утратили свое значение и употребляются исключительно для передачи единого нового значения, например: *ыссық-сувық қылдырыпты* 'околдовал (его)' (букв. 'жарко-холодно сделал').

ПАРНЫЕ СЛОВА

Парные слова по способу их образования можно разделить на две группы:

1. Парные слова, близкие по смыслу, каждое из которых имеет самостоятельное значение. Обычно такие парные слова наряду с основным значением имеют дополнительные, близкие к нему смысловые оттенки. Например, *бала-чақа* 'дети, женщины и близкие к ним люди' (т. е. отличающиеся от мужчин). Парное слово *қатын-қалач* имеет примерно такое же значение, но в нем содержится указание на женщин в отличие от мужчин и детей-мальчиков. В парном слове *дала-дәш* 'поле-степь' подразумевается вообще открытая и бесплодная местность, которая не может укрыть человека от холода и голода; *қыз-жуван* 'девочки', 'девушки', 'невесты', 'молодые женщины', а иногда 'женщины'; *жәш-улан* 'молодые люди', 'молодежь'; *қазан-табақ* 'посуда, предназначенная для приготовления и употребления пищи', т. е. 'котлы', 'ложки', 'чашки' и т. д.

2. Парные слова, в которых второе слово не имеет самостоятельного значения. Например, *чай-пәй* 'чай' и другие близкие к нему по значению предметы ('пища'); *авқат-навқат* 'пища', 'еда'; *мәвә-чәвә* 'фрукты', 'конфеты' (и другие сладости); *дән-дүйн* 'зерно' и 'зерновые культуры' и др.

Имеются также парные слова, где второй компонент является повтором. Они служат для обозначения постепенности, многократности и множества предметов, признаков предмета или действий предмета. Это явление можно назвать редупликацией. Например: *узун-узун арқанды узаламан, йар-йар* — 'я могу оборвать длинные арканы' (из народных песен «яр-яр»), *қатар-қатар таш қойдым* 'я положил камни рядами' (поговорка), *барып-барып ақ үйди көрипти* 'он после долгого путешествия увидел белый дом'; а в парном слове *жум-жумалақ* 'круглый-прекруглый' подчеркивается округлость формы предмета.

Как показывают примеры, парные слова в бахмальском говоре и других кыпчакских диалектах собственно ничем существенным не отличаются от парных слов узбекского литературного языка. Однако, несмотря на то, что тюркские языки (в том числе и узбекский литературный язык) вообще отличается наличием большого количества парных слов, в бахмальском говоре их еще больше. Кроме того, в бахмальском говоре часто можно встретить парные слова, которые потеряли свое значение и ныне употребляются только для передачи какого-нибудь нового значения. Например, слово *қорқут* (образованное, по-видимому, из двух слов *қор* 'основа', 'зачаток' и *қут* 'хорошо', 'хороший') в бахмальском говоре в настоящее время обозначает только 'остаток (чего-либо)', слово *ийтқуш* (образованное, по-видимому, из *ийт* 'собака' и *қуш* 'птица', 'дичь') в настоящее время означает только 'волк'.

НЕОЛОГИЗМЫ

Как в узбекском литературном языке, так и в кыпчакских говорах, встречается большое количество неологизмов, обогативших словарный состав новыми словами. Они отражают разные стороны жизни и быта социалистической деревни, коренным образом преобразившейся за годы Советской власти. Это естественно, ибо непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники, науки и культуры требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями.

Говоря о неологизмах, встречающихся в кыпчакских говорах, как и в узбекском литературном языке, необходимо указать на два основных источника их возникновения. Это, во-первых, собственный основной словарный фонд узбекского языка, во-вторых, заимствование из неисчерпаемого богатства словарного состава великого русского языка.

В качестве примеров неологизмов, образованных средствами самого узбекского языка можно взять следующие слова из бахмальского говора: *кәсәлқана* 'больница', *айлыққор* 'служащий', 'рабочий' (и другие работники, которые получают зарплату в отличие от колхозников, труд которых оплачивается трудоднями); *бәшжыллық/пәтилетка* 'пятилетка', *ақлавчы* 'адвокат', *қаралавчы* 'прокурор', *тәкширўвчи* 'следователь', *иччи* (лит. *ишчи* 'рабочий') 'служащий', 'районный руководитель', 'представитель районных организаций', *кәсмәк* 'осудить' (только юридич.), *ақлаш* 'оправдание' (только

юридич.), *тувурыққана* 'родильный дом', *ыссықлық* 'обед, приготовляемый на колхозном поле для колхозников', *қатқабәр* 'известия', *ишләпчығыш* 'прорабатывать (что-нибудь)' (например, резолюцию общего собрания и т. п.), *урыб өтиш* 'критиковать (на собрании)', *қызыл тайақ* 'полевая охрана', 'объездчик, который охраняет колхозное поле'³.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ

В бахмальском говоре в отличие от узбекского литературного языка довольно часто встречаются слова, которые потеряли прежнее значение или значение, существующее в литературном языке и в настоящее время. Примеры: *иччи* (лит. *ишчи*) 'рабочий', 'служащий', 'уполномоченный', 'представитель районных организаций'. По-видимому, это слово образовалось как отражение понятия знаменитых рабочих-двадцатитысячников, лучших сынов страны, которые были направлены партией на помощь деревенским крестьянам в деле организации колхозов во время коллективизации.

Об этом узбекский писатель П. Турсун в своем романе «Учитель» пишет следующее: «Эндиликда янги замоннинг янги одамлари қишлоққа қайта бошлаган экан, ўзлари билан янги ном, янги тушунча олиб келдилар: шаҳар ва темир йўлдан юзлаб қақирим узоқдаги бу қишлоқчада район ё шаҳардан чиққан янгича кийимли ҳарбир вакил ва раҳбарни ҳурмат билан «ишчи» деб аташ расм бўлиб қолди»⁴. Теперь, когда новые люди нового времени стали ходить по кишлакам, они стали приносить (в кишлак) вместе с собой новые названия. За последние годы в этом кишлаке, что находится в сотне верст от города и железной дороги, привыкли к появлению людей из города — «рабочих», как их называли'.

Ср. также: *там* 'дом' (лит. *том* 'крыша'); *жамбаш* 'подушка, которую кладут под бок' (лит. *ёнбош* 'бок'): *Эна, жамбаш апокэцисләр* 'бабушка, принесите подушки'; *улақ* 'козлодранье' — вид национальной спортивной игры, где участники верхом на лошадях состязаются в борьбе за овладение козлом (лит. *улоқ* 'козленок'); *бэк* 'басмач' (лит. *бек*). Изменение значения данного слова произошло, по-видимому, по-

³ О неологизмах в кыпчакских диалектах, образованных путем заимствования из русского языка и об их особенностях см. раздел «Заемствования из русского языка».

⁴ П. Турсун. Ўқитувчи, Тошкент, 1950, 251-бет.

тому, что основная часть басмачей состояла из представителей беков и их сообщников; *а́панди айтмоқ* 'рассказать анекдот' (это значение появилось в связи с тем, что в анекдотах основным героем являлся Афанди); *жаши-улан* 'молодежь' (*ёши* 'молодой' и *ўғлон* 'парень'); *дўкэй* 'чиновник' (кирг. *докой* 'большой'); *чарбақ* 'стена вокруг сада', 'место, где выращивается та или иная культура' (тадж. *чорбоғ* 'четыре сада').

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык — мощное средство пропаганды и развития самой передовой в мире социалистической культуры народов Советского Союза. Он является неисчерпаемым источником обогащения всех национальных языков, а также местных говоров. Сближение и развитие языков народов СССР при помощи великого русского языка — пример развития и обогащения национальных языков на основе равноправия и сотрудничества в социалистическом обществе. Поэтому наличие в джекающих говорах, как и в литературном узбекском языке, огромного количества новых слов, заимствованных из русского языка, совершенно естественно и должно рассматриваться как прогрессивное явление. Подобно тому, как не могло бы совершиться коренное преобразование узбекского кишлака, жизни и быта узбекского дехканаина без помощи старшего в семье равных — великого русского народа, так же трудно было бы передать все новые понятия, возникшие в результате этих преобразований, без помощи великого русского языка.

Следует отметить, что в кыпчакских говорах восточных районов, в отличие от узбекского литературного языка, в некоторых случаях употребляются русские слова, тогда как в литературном языке вместо них употребляются арабско-персидские заимствования. Например, в бахмальском говоре широко употребляется слово *аччот* (русск. *отчет*) вместо литературного *ҳисобот*, *экәнәм қымақ* вместо лит. *тежамоқ* 'экономить'; *закўйич* вместо лит. *ҳуқуқшунос* 'законовед', *зәпәс* вместо лит. *манба* и *эхтиёт* 'запас', 'источник', *апшы* (*апчым*) вместо лит. *умуман* 'вообще', *төлкә* вместо *фақат* 'только', *испискә* вместо лит. *рўйхат* 'список'; *әдийна* вместо лит. *алоҳида* 'отдельно' и т. д.

Эти факты говорят о безусловном преимуществе и жизненности в кыпчакских говорах заимствований из русского языка в сравнении с заимствованиями из арабского и пер-

сидского языков. И действительно, русские заимствования для носителей кыпчакских говоров являются жизненно необходимыми.

Нужно отметить, что в отношении заимствований, литературный язык оказывается в какой-то степени более консервативным, чем местные говоры. Вероятно, это происходит потому, что в литературном языке существуют свои строгие нормы, и каждое слово для того, чтобы войти в литературный язык, должно соответствовать этим нормам. Что касается местных говоров, то у них тоже есть свои правила и законы, но они менее устойчивы, чем в литературном языке.

В бахмальском говоре, как и почти во всех джекающих говорах, встречаются заимствованные слова с суженным значением (многие из них заимствованы из русского языка). Это понятно, потому что в большинстве случаев слово, заимствованное одним языком из другого, обладает суженным или одним конкретным значением из множества содержащихся в нем значений⁵. Примеры русских слов, употребляющихся в бахмальском говоре с суженным значением:

māšijñä (русск. *машина*) употребляется только в значении 'швейная машина';

mašyn (русс. *машина*) употребляется только в значении 'автомашина' (обычно грузовая или пассажирская);

kāstim (русск. *костюм*) употребляется только в значении 'пиджак' (русск. *костюм* передается словом *кастим-шым*, что означает 'пиджак-брюки');

kāmpānijä (русск. *кампания*) употребляется только в значении 'весенний сев хлопка';

šāpkä (русск. *шапка*) употребляется только в значении 'фуражка', 'кепка' (в отличие от шапки-ушанки) и многие другие слова.

Кроме этого, в бахмальском говоре, как и в других джекающих говорах, встречаются и собственные узбекские слова, значение которых сузилось. Например, *қағаз* (лит. *қоғоз* 'бумага') употребляется в значении 'справка (документ)', 'разрешение', 'отношение'. Но таких слов в бахмальском говоре значительно меньше, чем русских слов или слов, заимствованных через русский язык. Есть и такие примеры в бахмальском говоре, где многие заимствованные из русского языка слова употребляются в новом (близком к прежнему) значении, тогда как в литературном языке они употребляются

---

⁵ См. об этом: М. Пулатов. Влияние русского языка на узбекский язык (вопросы лексики и словообразования), М., 1953.

ся так же, как и в русском языке. Например, слово *о́думис* (русс. *ведомость*) в бахмальском говоре употребляется в значении 'аванс'. Это, по-видимому, связано с тем, что в колхозах, где живут представители бахмальского говора, составляли ведомости исключительно для сдачи авансового отчета.

К русским заимствованиям с новым значением в бахмальском говоре можно отнести также следующие слова: *райкoм* (русс. *райком*) — исключительно в значении 'первый секретарь райкома партии'; *райиспалкoм* 'председатель райисполкома'; *милиcя* (русс. *милиция*) 'милиционер' и т. д.

Обогащение лексики бахмальского говора, как и лексики узбекского литературного языка, за счет заимствований из русского языка осуществляется двумя основными путями: 1) прямое заимствование с соответствующими фонетическими изменениями: *шапыр* 'шофер', *дуқтыр* 'доктор' и др.; 2) заимствование русских слов путем прибавления к ним узбекских аффиксов: *трактирчи* 'тракторист', *дуқтырқана* 'амбулатория', *поштақана* 'почта' и т. д.

Лексика джекающих (кыпчакских) диалектов обогащается также через калькирование. Но это явление в кыпчакских говорах наблюдается реже, чем в литературном языке. Нужно отметить, что в сравнении с узбекским литературным языком все заимствования (в том числе и заимствования из русского языка) в произношении носителей бахмальского говора подвергаются фонетическому изменению.

Примеры некоторых слов, заимствованных из русского языка, в произношении носителей бахмальского говора: *та̀милчи* (*та̀билчи*) 'табельщик', *жə̀жə̀р* 'дежурный', *ба̀лнися* 'больница', *бу̀галтыр* 'бухгалтер', *на̀чайник* 'начальник', *башбу̀рт* 'паспорт', *ка̀мбай* 'комбайн', *зинда̀бир* 'землемер', *заву̀т* 'завод', *дириктир* 'директор', *пу̀лимит* 'пулемет', *ма̀тирə̀л* 'материал', *па̀тиңкя* 'ботинки', *палта* 'пальто', *па̀пə̀рə̀ткя* 'по порядку', *па̀брикя* 'фабрика', *зибийна̀* 'звено', *бирга̀т* 'бригадир', *можбыт* 'может быть', *кина̀* 'кино', *мылыт* 'минут', *минт* 'винт', *ребизия̀* 'ревизия', *ра̀зиңкя* 'резинка'.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ТАДЖИКСКО-ПЕРСИДСКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Единственное отличие лексики бахмальского говора, как и лексики всех других джекающих (кыпчакских) диалектов, от лексики узбекского литературного языка, касающееся этой группы заимствований, заключается в том, что таджикско-

персидские, а также арабские заимствования в бахмальском говоре встречаются значительно реже, чем в литературном языке. Заимствования из этих языков в бахмальском говоре подвергаются сильному изменению.

Примеры заимствованных слов из таджикского, арабского и персидского языков в бахмальском говоре (в сравнении с узбекским литературным языком):

<i>В говоре</i>	<i>В лит. языке</i>	<i>Значение в рус. языке</i>
<i>Ўбийир</i>	<i>обрў</i>	‘честь’, ‘авторитет’
<i>Абдаким</i>	<i>Абдуҳаким</i>	имя собственное
<i>Ўпсалам</i>	<i>Абдусалом</i>	имя собственное
<i>Вайит</i>	<i>Воҳид</i>	имя собственное
<i>Маймайт</i>	<i>Муҳаммад</i>	имя собственное
<i>Завра</i>	<i>Зухра</i>	имя собственное
<i>Тайыр</i>	<i>Тоҳир</i>	имя собственное
<i>гўш</i>	<i>гўшт</i>	‘мясо’
<i>алайида</i>	<i>алоҳида</i>	‘отдельно’
<i>ҳўкимайт</i>	<i>ҳукумат</i>	‘правительство’
<i>майлим</i>	<i>муаллим</i>	‘учитель’
<i>пашша</i>	<i>подшоҳ</i>	‘царь’
<i>шайы</i>	<i>шоҳи</i>	‘шелк’
<i>милладёр</i>	<i>миннатдор</i>	‘удовлетворенный’, ‘благодарный’
<i>ҳасилкёр</i>	<i>ҳосилкор</i>	‘урожайный’
<i>наййати</i>	<i>ниҳояти</i>	‘наконец’
<i>ырас</i>	<i>рост</i>	‘правда’, ‘правильно’ и т. д.

АРХАИЗМЫ

Марксизм-ленинизм учит, что в природе и в обществе все явления находятся в состоянии непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век.

То же самое происходит и в языке, особенно в его словарном составе. Словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии непрерывного изменения.

Примером для разрушающихся и отживающих свой век, устаревших и выпадающих из словарного состава слов могут служить архаичные слова, которые все еще встречаются в лексике бахмальского и других джекающих говоров. Например, *поңка* ‘автобус’, *шайтан араба* ‘велосипед’, *аташ* ‘поезд’,

дом 'председатель сельсовета', *омбашы* 'бригадир', *да:а (да:а сәвјүти)* 'сельсовет', *молла* 'мулла', *чупран* 'обрезание' и т. д.

Несмотря на то, что из словарного состава бахмальского говора, как и из словарного состава литературного языка, обычно выпадает некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов, что мы наблюдаем на примерах неологизмов, слов с новым значением, а также на примерах большого количества заимствованных из русского языка слов.

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ

В бахмальском говоре, как и почти во всех джекающих говорах, встречаются термины, которые относятся к разным сторонам жизни и быта и резко отличаются от терминов существующих в литературном языке, а также в йекающих говорах. В качестве примера таких терминов из бахмальского говора можно привести следующие слова:

- бәрғәк* — 'женское украшение (типа кокошника)',
- бувшак* — 'женское украшение в виде подвесков к кокошнику вдоль висков',
- қырқым* — 'сезон стрижки овец',
- қырқлық* — 'инструмент для стрижки баранов (вроде больших ножниц)',
- басма* — 'шерстяная одежда, укрывающая от дождя'.

Правда, наличие специальных слов, отличающихся от терминов в литературном языке, можно встретить почти во всех говорах. Но в бахмальском говоре, как и в других джекающих говорах, интересное и яркое явление представляют собой термины родства и имена собственные. Особенно интересны термины родства. Многие термины родства бахмальского говора не соответствуют терминам родства, имеющимся в литературном языке, либо значительно отличаются от них. Например, *ата*, в основном соответствующее по значению *ота* 'отец' в литературном языке, обозначает еще деда, т. е. старшего, главу семьи. Кроме того, в бахмальском говоре имеется еще термин *кәттәтә* (лит. *катта ота*) означает 'дедушка' ('отец матери' или 'отец отца'). Термин *әкә* 'брат', обозначает не только брата, как в литературном языке, но и дядю (по отцу), а также собственного отца, в случае, если еще живы родители родителей. Термины литературного языка *хола* 'тетя по матери' и *тоға* 'дядя по матери' в бахмальском говоре имеют дифференцированные соответствия, обозначающие тетю или дядю только по матери или только по отцу.

Особенности терминов родства в бахмальском говоре, как и в других джекающих диалектах узбекского языка, показывают, что язык и его развитие можно понять только тогда, когда он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка, что языковые факты помогают правильному изучению истории данного народа, правильному определению того или иного исторического явления. Следовательно, изучение местных говоров, а также изучение их лексики может оказать большую помощь в изучении истории и этнографии носителей данного говора.

Примеры на некоторые термины родства в бахмальском говоре, отличающиеся от терминов родства в литературном языке:

бава 'старший брат отца' (лит. *бобо* 'дед');

ана — обращение к матери и старшей сестре;

энә (*катгэнә*) (лит. *она* 'мать') означает обычно 'мать матери', а иногда просто 'мать',

таға — только 'дядя по матери',

әкә 'старший брат', 'младший брат отца', иногда (при жизни деда по отцу) — форма обращения к отцу;

бөлә 'сын/дочь тети' (лит. *холавачча*),

жыйән — только дети сестры,

үкә 'младший брат', 'дети братьев',

әммә 'тетя по отцу',

қала 'тетя по матери',

қуда 'свекор',

қудағый 'свекровь',

әкүлата 'шәфер',

балдыз/қайин сиңни 'сестра жены',

жәздә 'муж сестры' (лит. *почча*),

бала — звательное имя мальчика для снохи (лит. *бола* 'мальчик'),

қыз — звательное имя девочки для снохи (лит. *қиз* 'девочка'),

бажа — мужья сестер,

ийарчаң — ребенок от прежнего мужа.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

Отличие имен собственных, имеющих во всех джекающих (кыпчакских) диалектах и в бахмальском говоре, от имен

собственных в ведущих говорах и литературном языке заключается в том, что в первых чаще, чем во вторых, эти имена сохраняют свое основное конкретное значение.

Наоборот, среди имен носителей ведущих говоров чаще встречаются имена арабского происхождения, утратившие свое основное смысловое содержание (значение).

Примеры на собственные имена, встречающиеся в бахмальском говоре и сохраняющие конкретные значения:

Мужские имена

Турдыкул — 'тот, кто остался',

Турдыбай — 'тот, кто остался'.

Турсункул — 'тот, кто должен остаться жить',

Турсунбай — 'тот, кто должен остаться',

Қоңқар — 'баран',

Өмирқул — 'раб жизни' (лит. *умр* 'жизнь' и *қул* 'раб');
ср. также *Өмирбай*,

Орал — по-видимому, это имя связано с названием уральских гор; также имеет значение вращаться в кругу семьи, друзей и т. д.

Арал 'остров' (лит. *орол*)

Иргәш — 'идуший по следам отца' (от глагола *эргәшмоқ* 'следовать')

Ташбол — 'стать крепким, быть крепким, как камень' (от *таш* 'камень' и глагола *болмақ* 'быть')

Ташбай — 'каменный человек' (в значении 'крепкий')

Бөрибай (лит. бұри) — 'волк'

Малтап — букв. 'найди имущество (ценность)'

Қоныш — имя действия на -(и)ш от глагола *қўнмоқ* 'присесть', 'прилететь', 'приостанавливаться'

Ориш — имя действия на -(и)ш от глагола *ўрмоқ* 'ходить', 'прогуливаться', 'ходить в сторону горы (подыматься)'

Қошман — так называют ребенка с двойным пальцем или с лишней частью в другом органе

Эшбай

Эшқул } — от *эш* 'двойник', 'другая пара' (*бай* 'богатый',

қул 'раб')

Жорабай — от жўра 'спутник', 'приятель'

Жолчи — букв. 'спутник'

Жолдашбай — от *йўлдош* 'спутник'

Эрмән

Эрдән } — от *эр* 'муж', 'мужественный'

Ораз — название со значением удачливости

Бегимқул — от *бек* + афф. -им + *қул* 'раб'
Қувандық — от глагола *қувономоқ* 'радоваться'
Эғамберди — букв. 'бог/мой правитель дал'
Тағирберди — то же значение, что и в *Эгамберди*
Бердиқул — букв. 'дал раб'
Жанызақ — 'долгожизненный'
Ташполат — от *таш* 'камень', *пұлат* 'сталь'
Тэмирқул — от *темир* 'железо'
Батыр — 'смелый', 'отважный'
Бэғжигит — 'джигит-бэк'
Атчабар — 'скакун', 'наездник'
Ағжигит — 'белый джигит'
Бахмал — 'бархат' и т. д.

Женские имена

Жаңғыш — от глагола *янглишмоқ* 'спутаться', 'сбиться'
 (т. е. 'стать сыном')
Улбол — от *ул* 'сын' и *бұлмоқ* 'стать'
Ултув — от *ул* 'сын' и *туғмоқ* 'рожать'
Энйқыз — букв. 'девушка-мать'
Айқыз — букв. 'девушка-луна'
Күнтув — от *кун* 'солнце' и *тувмақ* 'рожать'
Гүлай — букв. 'цветок-луна'
Бэгимбүвүш — от *бэк* и *бүвүш* 'госпожа'
Айымқал букв. 'родинка-луна'
Қалбүвү — от *хол* 'родинка' и *буви* 'госпожа'
Қәмбәр — название звезды
Зәврә — название звезды (лит. *Зухро*)
Улкәр — название звезды (лит. *Хулкар*)
Қойсын — от глагола *қоймақ* 'оставить'
Турсунай — от глагола *турмақ* — 'остаться', 'вставать'
Бақмал — 'бархат' и т. д.

Еще одно отличие собственных имен бахмальского говора от собственных имен ведущих говоров проявляется в том, что в бахмальском говоре в собственных именах почти не употребляются слова-аффиксоиды *джан* и *хан*, тогда как в говорах ферганского и ташкентского типов эти элементы, придающие собственному имени оттенок модальности, употребляются довольно часто.

Вместо этих слов-аффиксоидов в бахмальском говоре, а также во всех джекающих говорах, мы часто встречаем слова *бай*, *қул*, а иногда *бек*. Правда, слово *хан* и здесь иногда

встречается в женских именах, но эти имена имеют особый стилистический оттенок.

Слово *джан* в устах женщин употребляется с ласкательным оттенком только в отношении близких людей, тогда как в ферганских говорах слово *джан* можно прибавить ко всем именам близких людей и к именам людей, только что ставших знакомыми.

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Как показывают материалы, кыпчакские диалекты, как и узбекский литературный язык, весьма богаты идиоматическими выражениями, причем в бахмальском говоре обнаружены идиоматические выражения, которые отсутствуют в литературном языке.

В бахмальском говоре имеются все три типа устойчивых фразеологических сочетаний, указанных академиком В. В. Виноградовым и подтвержденных другими лингвистами⁶. Мы отметим только отличительные черты идиоматических выражений бахмальского говора в сравнении с литературным языком.

Идиоматические выражения бахмальского говора, не употребляющиеся в узбекском литературном языке (их значения в литературном языке передаются при помощи других слов, описательным путем или путем употребления прямых значений слова):

қолыны майлап кэмәк 'прийти на работу без желания', 'работать без желания';

саньыны — *сан*, *қолыны-қол қымақ* 'наводить порядок', 'классифицировать' (употребляется обычно в отношении резания и обработки мяса);

ағыны аққа, *қарасыны қараға ажратмақ* 'наводить порядок (вообще)', 'классифицировать (вообще)';

---

⁶ В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии, как лингвистической дисциплины. «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», Л., 1946; Он же. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, сб. «А. А. Шахматов», М.—Л., 1946; Он же. Основные типы фразеологических единиц в русском языке, в кн.: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о языке, М., 1947. Введение, § 4; Р. А. Будагов. Устойчивые сочетания слов. Идиомы. Очерки по языкознанию, М., 1953; Е. М. Галкина-Федорук. Фразеология русского языка. Современный русский язык, Лексика, М., 1954 и др. См. также: Ш. Рахматуллаев. Основные грамматические особенности образных глагольных и фразеологических единиц современного узбекского языка, Автореф. канд. дисс., М., 1952.

авзыдан ақ ийт кирип, қара ийт чықмақ 'говорить вздор/чепуху', 'ругаться';

Айраны ачымас 'равнодушие'

Кўни тувмақ 'осуществление желания', 'обернуть события в свою сторону, в свою пользу',

кўләжирин өлмәк — 'радоваться';

жыйдәниң астыдан өтмәк 'одурение', показать плохой, легкомысленный пример;

жаныны қолыға үшләп жүрмәк 'сильная боязнь', 'опасение'

ичигә (қойныға) қол сап көрмәк 'стремление узнать тайну', (его) мнение по какому-либо вопросу'

Ичи-бавры қуврылмақ 'сильно беспокоиться'

Айранды айран дорбаға қуймақ 'сделать ненужное'

Жабувлы қазан жабувлы қымақ 'взять обязательство', 'дать слово о том, чтобы не говорить о происшествии',

қулағы астыда қамақ 'умирать'

Баш қойып аяқ узата кетмәк 'умирать'.

В бахмальском говоре, как и в других кыпчакских диалектах, встречаются даже синонимы некоторых идиоматических выражений, например, идиоматические выражения со значением 'умирать', 'быть беременным' и 'наводить порядок'.

Интересен тот факт, что многие идиоматические выражения литературного языка имеют эквивалент в бахмальском говоре.

Примеры:

Бахмальский говор	Литературный язык	Значение в рус. яз.
дайраға урнақ	денгиздан томчи	'очень малая величина, 'капля в море'
пишәгини „пиш“, ийтиниң мурныны қыңғыр дәмәй! гәнлик	арпасини хом ұрмаганлик	'несовершенство греха' ('не наступить на хвост')
сәла сувға кәтмәк	тарвузи қўлидан тушмоқ	'потерять шансы', 'оказаться беспомощным'
төбәдәйн түшгәндәй	томдан тараша ташлагандай	'выражать (или сделать) что-либо неожиданно или грубо'
көрқат	захни паст	'неспособный в учебе'

Анализ идиоматических выражений кыпчакских говоров подтверждает вывод Ш. Рахматуллаева о том, что основную часть всех образных фразеологических выражений узбекского языка составляют глагольные сочетания⁷.

Еще одна особенность идиоматических выражений кыпчакских говоров состоит в том, что большая их часть представляет собой народные сравнения, которые из разговорного языка переходят в литературный язык. Например, *таштай* 'твердый, как камень', *туссыраган қойдай* 'с большим аппетитом приняться (за что-нибудь)', *оймақтай* 'маленький, как наперсток', *көздиң жашидай* 'совсем мало, как слеза (в отношении жидкости)' и т. д.

В кыпчакском диалекте глагольные сочетания тоже часто переходят в народные сравнения: Например, *салы сувға кәткәндәй*, *башы дарға тийгәндәй* 'остаться беспомощным' (букв. лишиться у реки плота, чувствовать себя под виселицей) и т. д. Это явление встречается и в литературном языке, но значительно реже, чем в кыпчакских говорах.

О ПОСЛОВИЦАХ, ПОГОВОРКАХ И ЗАГАДКАХ КЫПЧАКСКИХ ГОВОРОВ

В кыпчакских говорах обнаружено большое количество пословиц, поговорок, а также загадок, которые до сих пор еще не известны в научной литературе. Они являются хорошим материалом при изучении особенностей кыпчакских говоров, так как в них можно встретить примеры почти на все особенности (фонетические, морфологические и лексические) кыпчакских говоров. Например, в пословице *Кәгәнчә қонақ уйалар, кәгәндаң кәй уй эгәси* 'до прихода стесняется гость, а после прихода — хозяин дома', отмечены следующие особенности кыпчакских говоров: наличие сингармонизма, выпадение согласного *л*, образование слова *кәй* от литературного *кейин* 'после' путем стяжения и т. д. А в пословице *эбин тавған эк(и) ашар, энсәси қатған нән(и) ашар* 'кто умеет, два раза покушает, а растерявшийся что будет кушать', кроме названных явлений, наблюдается: выпадение отдельных гласных (*и*), стяжение (*энса* 'плечи' соответствует лит. *елка*).

Ср. еще:

---

⁷ Ш. Рахматуллаев. Узбек тилининг қисқача фразеологик лугати, Тошкент, 1964, 3—10-бет.

жығыл-жығыл, жанаға жығыл, көләңкәси жуқаға жығыл, букв. 'если упасть, то упади на крутизну, на слабого';

жақшы мынан жұрсаң, жэтасан мыратқа, жаман мынан жұрсаң, қаласан ұятға 'если будешь ходить (сотрудничать) с хорошими людьми, достигнешь цели, если будешь ходить (сотрудничать) с плохими людьми, то осрамишься';

аңнамай сойләгән авримай өләр 'кто не понимая (не раздумывая) говорит, тот без болезни (от убийства) умрет';

сәбир туби сар(ы) алтын, сәбир қысаң бәр(и) алтын 'конец терпения — желтое золото, если вытерпишь, все оно (терпенье) золото';

оразлының жұртидә отын қапты, чыйырлының жұртида қатын қапты 'на месте кочевья умельца (после его ухода) останутся дрова, а на месте растяпы — останется жена'.

иргәжәлиниң қырқы жийилип бир улақты сойалмапты 'сорок неумельцев все вместе не смогли зарезать козленка'.

Разнообразные языковые особенности содержат и загадки кыпчакских диалектов. Благодаря фонетическим особенностям здесь, в отличие от литературного языка, возможна рифмовка слов. Например: *Ойағы тав, быйағы тав, ортасыда қыпқызыл жав* 'кругом высокая гора, а посередине заклятый враг' строится на рифмовке *тав—жав*. Если эту загадку передать на литературном языке, то должный эффект не получится, потому что слово *тоғ* 'гора' в литературном языке не рифмуется со словом *ёв* 'враг'. Также трудно передать на литературном языке и загадку *жылт өтти жылғаға түйшти*, вернее, можно передать, но игра слов, замысел, выраженный в начале каждого слова звуком *ж*, потеряет свое значение. Такие специфические языковые особенности прослеживаются во всех кыпчакских (джекающих) диалектах на материале почти всех загадок.

Приведем примеры на загадки кыпчакских говоров.

Жуммағым жұтылды, жолға барып утылды (Қуюн) 'Моя загадка потерялась (букв. выипрана) на дороге (Вихрь)'.

Ақ отав, авзы пйтәв (Мәйәк) 'Белая юрта (дом) без дверей' ('Яйцо').

Қараңа ұйдә бәли бәйләвли қул жатыр (Шибиртки) 'В темной комнате лежит раб с поясом' ('Веник').

Көккәнә қозым көгәндә жатып сәмирәр (Қовун) 'Мой серый ягненок растет (кормится), лежа на привязи' (Дыня).

Чиргидәй жәргә күйн тиймәс (Қудуқ) 'На маленькое местечко солнце не попадает' ('Колодец') и др.

ОБ ОСНОВНОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ И СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ ДЖЕКАЮЩИХ (КЫПЧАКСКИХ) ДИАЛЕКТОВ

Приведенные выше примеры различных языковых явлений, отсутствующих в литературном языке, не говоря уже об отдельных выражениях и их стилистических оттенках, красноречиво доказывают существование в бахмальском говоре не только своего словарного состава, но также и основного словарного фонда. Несомненно, главная часть основного словарного фонда бахмальского говора, как и других всех говоров узбекского языка, входит в состав основного словарного фонда узбекского национального языка, но вместе с тем в бахмальском говоре имеется большое количество терминов, которые вполне можно назвать словами, входящими только в состав основного словарного фонда бахмальского говора и которые не входят в состав основного словарного фонда литературного языка. Такие термины встречаются во всех областях жизни носителей данного говора, которые, как нам кажется, могут быть сырьем для дальнейшего обогащения лексики узбекского литературного языка.

Примеры:

1. Термины животноводства: *қырқым* 'сезон стрижки овец и коз', *ўйўр* 'табун лошадей', *тувча* 'годовалая коза', *кўгён* 'специальная веревка для привязывания коз и баранов', *қотан* 'стадо овец', 'место, где ночуют и зимуют стада овец' и т. д.

2. Термины, обозначающие женские украшения: *бўргак* 'украшение для ношения на лбу'; *бўвишак* 'украшение для ношения на ушах', *лэтибэ* 'украшение в носу', *чайтўбак* 'украшение для волос'.

3. Термины, обозначающие предметы домашнего обихода: *ғобдий* 'посуда для керосина', *жулқурс* 'вид ковра', *бароқ* 'вид ковра на пол', *напирамач* 'узел с бельем', *боғжам* 'узел с постельными принадлежностями'.

4. Термины, обозначающие одежду: *жийда* 'мужское платье', 'халат', *минсак* 'женское верхнее платье', 'халат', *ақтэлпак* 'мужской шерстяной головной убор в летнее время', *дэлягэй* 'верхний женский летний халат', *туматай* 'зимний головной убор женщин'.

Мы думаем, что многие из этих терминов могли бы быть использованы современным узбекским литературным языком при условии детального изучения всех диалектальных возможностей узбекского языка с целью обогащения литературного языка новыми терминами. Например, несмотря на то,

что в бахмальском говоре, в ряде джекающих, а также и не джекающих говорах имеется емкий выработанный народом термин — *қырқым* 'стрижка', но в периодической печати это понятие до сих пор иногда передается через сочетание *жун қирқиш*.

В бахмальском говоре имеются и такие слова, которые, отсутствуя в литературном языке, в говоре служат базой для образования новых слов. Например, слово *ўйўр* в бахмальском говоре обозначает 'табун (лошадей)'. От этого слова образовались слова *ўйўрат* 'жеребец' (который замыкает табун) и *ўйўрмак/ийирмак* 'окружить (двор камышами)', а также 'особый сорт зерна'.

Кроме того, такие служебные слова бахмальского говора, как *қуры* 'только' и *әри* 'ни', которые не встречаются в литературном языке, тоже, вероятно, следует включить в состав основного словарного фонда бахмальского говора.

Таким образом, как и все местные диалекты, восточные говоры наряду с грамматическим строем имеют свой основной словарный фонд и обслуживают говорящих на нем людей.

РОЛЬ КЫПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ В РАЗВИТИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УЗБЕКСКОГО СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Как показывают материалы, джекающие (кыпчакские) говоры узбекского языка играют большую роль в развитии и обогащении современного узбекского литературного языка и, вместе с тем, его стилистики.

1. В современном узбекском литературном языке существуют две параллельные формы сравнительной степени прилагательных: с афф. *-дай* и *-дек*. Из них *-дек* принят в литературный язык из городских говоров, где этот аффикс бытует в вариантах *-дак/-доқ*, *-даг/-доғ* и т. д., а афф. *-дай* из кыпчакских говоров, где он имеет два варианта *-дәй* и *-дай*.

Однако эти синонимичные аффиксы характеризуются определенными границами употребления. Например, в словах *шундай* 'так' и *шундай қилиб* 'таким образом' всегда наличествует афф. *-дай*. В форме же родительного падежа местоимение *шу* сочетается только с афф. *-дек*: *шунингдек* 'подобно тому'. Таким образом, *-дай* и *-дек* являются в литературном языке не просто морфологическими вариантами, а грамматико-стилистическими синонимами. Именно благодаря этому они сосуществуют в литературном языке. Следует также отметить, что в художественной литературе *-дай* в сравнении с

-дек употребляется гораздо чаще. Это находит подтверждение в произведениях Гафура Гуляма, Хамида Алимджана, Айбека, Абдуллы Каххара, Абдуллы Кадири, Шарафа Рашидова, Хамида Гуляма, Аскада Мухтара и др. Например, в романе Аскада Мухтара «Опа-сингиллар» -дек употребляется в сравнении с -дай в пять раз меньше. В романе «Навои» Айбека и в рассказах Хамида Гуляма наблюдаем такое же явление. Это показывает, что некоторые кыпчакские стилистические формы в сравнении с формами городских говоров находят в нормах литературного языка более прочное место.

2. Из трех форм имени действия на -моқ, -ув и -(и)ш только -моқ вошла в литературный язык из городских говоров, а остальные две — из кыпчакских. Все три формы одинаково употребительны в литературном языке. Но так как все они вначале выполняли одну функцию, были почти однозначны, их параллельное существование в языке должно было привести либо к употреблению одной из этих форм, либо к их семантико-стилистической дифференциации. За последние 30—40 лет эти морфемы начали приобретать новые назначения, получили дифференцированное употребление. Например, -моқ больше имеет значение инфинитива, -ув и -(и)ш функционируют как имена действия и отглагольные имена. Но главное состоит в том, что они, существуя в языке параллельно, обогащают грамматико-стилистическую систему узбекского литературного языка.

Во фразеологическом сочетании *бориш-келиш қилмоқ* 'часто посещать друг друга' (букв. 'делать хождение-прихождение') парное имя действия *бориш-келиш* употребляется только в форме -(и)ш; здесь *бориш-келиш* нельзя заменить *бормоқ-келмоқ*, *борув-келув*, в противном случае будет нарушена грамматико-стилистическая система современного узбекского литературного языка. Ср. также ряд: *ҳайдамоқ* 'пахать', *ҳайдаш керак* 'следует (нужно) пахать', *ҳайдов бермоқ керак* 'нужно пахать как следует'. Здесь также невозможна взаимозаменяемость трех рассматриваемых форм.

За афф. -ув все больше закрепляется функция словообразовательного аффикса, образующего имена от глаголов, ср., например: *ҳайдов* 'гон', 'пахота', *кечув* (синоним *кечик*) 'брод', 'переправа', *оқлов* 'побелка стен', *қишлов* 'зимовка' и т. д. Интересно, что слово *қишлоқ*, обозначающее 'село', 'селение' в городских говорах, и слово *қишлов* с тем же значением в кыпчакских говорах параллельно попали в литературный язык. Однако здесь они употребляются с дифферен-

цированным значением: *қишлоқ* — это 'село', 'селение', 'деревня', т. е. 'сельский населенный пункт', тогда как слово *қишлов* — только 'зимовка', причем чаще 'зимовка скота' (*чорва қишлови*).

3. Интересный процесс происходит и с употреблением глаголов настоящего времени на *-япти*, *-ётир* и *-моқда*. Первая форма из андижанско-ферганских городских говоров, а две последние из кыпчакских говоров. Вначале они тоже существовали в литературном языке параллельно. Но затем начали приобретать дифференцированное значение и употребление. Форма на *-япти* наряду с общим значением настоящего времени имеет значение настоящего времени данного момента: *у келаяпти* 'он идет', *сенга гапиряпман* 'тебе говорю', действия происходят в момент речи: форма на *-ётир* указывает на более длительный период: *узоқдан келаетир* 'идет издалека', *бу ҳодиса кўп вақтдан бери давом этиб келаетир* 'это продолжается давно'; форма на *-моқда* употребляется для обозначения еще большей продолжительности действия: *пахта топшириш давом этмоқда* 'сдача хлопка продолжается', *суръат кундан-кунга ошиб бормоқда* 'темп увеличивается день за днем'. Следует отметить, что указанные три формы настоящего-продолжительного времени окончательно еще не дифференцировались, они еще продолжают существовать параллельно и могут заменять друг друга. Однако оттенки каждой из них определяют место этих форм в стилистической системе узбекского литературного языка.

4. Как мы уже говорили, кыпчакские (джекающие) говоры узбекского языка сохранили шесть падежей со своими показателями, тогда как в городских говорах смешиваются родительный и винительный падежи. В последних эти два падежа имеют один аффикс — винительного падежа. В литературной форме имеется шестипадежная система склонения. Есть основание считать, что норма с шестью показателями падежей принята в литературный язык с учетом системы падежей кыпчакских говоров.

Здесь уместно вспомнить об одной неправильной стилистической тенденции, часто встречающейся в последние годы. Дело в том, что некоторые представители городских говоров часто опускают показатель родительного падежа. Это явление иногда проходит без большого ущерба. Однако иной раз такая практика приводит к серьезным стилистическим погрешностям. Например, в 1961—1962 гг. вышли два тома очерков истории узбекской советской литературы, которые называются

«Ўзбек совет адабиёти тарихи очерки». Как видно, показатель родительного падежа здесь опущен в двух случаях, т. е. в словах *адабиёти* и *тарихи*, в результате чего это сочетание получилось непривычным и даже неправильным. Литературная норма требует, чтобы слово *тарихи* имело показатель родительного падежа.

5. Основную часть стилистических средств литературного языка составляют лексико-фразеологические единицы. Кыпчакские говоры играют большую роль в стилистическом обогащении современного узбекского литературного языка в плане грамматики, еще значительнее эта роль в планах лексическом и фразеологическом.

В узбекском литературном языке параллельно существуют три фразеологизма, в которых второй компонент *очиқ* 'открытый', а первый выражен словами-синонимами со значением 'лицо человека'; 1) *юзи очиқ*, 2) *бети очиқ*, 3) *чехраси очиқ*, букв. 'открытое лицо' или 'человек с открытым лицом'. Общие по значению, они различаются стилистически. Например, *юзи очиқ* в большинстве случаев стилистически нейтрально, а *бети очиқ* обозначает явно отрицательное отношение говорящего к другому человеку ('бесстыдный'), *чехраси очиқ*, напротив, выражает симпатию говорящего к тому или иному человеку ('приятный', 'симпатичный').

В узбекском языке имеется несколько стандартных форм приветствия: *ассалому алайкум*, *салом алайкум*, *ассалом*, *салом*, *келинг* и *ҳорманг*.

Первые четыре являются разными вариантами одного арабского по происхождению приветствия, однако каждое из них имеет свой стилистический оттенок. Так, *ассалому алайкум* носит религиозно-культовую стилистическую окраску, с этими словами обращаются к старикам, в них также содержится оттенок уважения и почтения; *салом алайкум* — обычное приветствие, оно обозначает нейтральную стилистическую позицию; *ассалом* — усеченная форма общего приветствия, раньше этими словами приветствовали мужчин женщины-горожанки (коран не разрешал женщинам обращаться к мужчинам с приветствием в полной форме). В настоящее время *салом* — приветствие для всех. Вместе с тем в нем содержится оттенок делового стиля. Так, например, приветствуют преподаватели студентов.

Интересное семантико-стилистическое изменение претерпела и продолжает претерпевать в наше время форма приветствия *келинг*, которая вошла в литературный язык из речи женщин — представительниц кыпчакских говоров. Первоначально

келинг употреблялось для приветствия мужчин со стороны женщин, так как коран не разрешал женщинам здороваться с мужчинами, произнося полную форму приветствия. *Келинг* (букв. 'приходите'), означает 'пожалуйста', 'добро пожаловать'.

Сейчас эта форма приветствия часто употребляется не только женщинами, но и мужчинами. После обычного приветствия дополнительно, при настойчивом приглашении, говорят: «*келинг*».

Такую же новую стилистическую окраску приобретает форма *ҳорманг* (букв. 'не уставать Вам'), которая употребляется после обычного приветствия и включает оттенок доброго пожелания.

В литературный язык из кыпчакских говоров вошли лексико-фразеологические сочетания, возникшие в условиях животноводства, хлопководства и зерноводства. Так, в современном литературном языке и особенно на страницах периодической печати часто встречаются прежде связанные только с животноводством или с составлением на лошадях такие устойчивые сочетания, как *отни қамчиламоқ, отга қамчи босмоқ, улоқни олиб чиқмоқ, соврунни эгалламоқ, маррага етмоқ, қаралаб бормоқ, бостириб ўтмоқ, ўзиб кетмоқ, жиловни бўйи қўймоқ, чилвирни бўшатмоқ, қаторда норинг бўлса, юкин ерда қолмайди, тушов бўлмоқ* и др.

Приведенный материал может дать некоторое представление о большой роли и об активном участии кыпчакских (джекающих) говоров в развитии стилистической системы узбекского литературного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный узбекский язык от других тюркских языков отличается многодиалектностью, что объясняется сложными историческими путями формирования народа, разноплеменностью его состава в прошлом.

В джекающих диалектах имеются сложившиеся в течение веков некоторые закономерности. Например, наличие в них двух форм обращения — простой и уважительной, неприменение в глаголе 3-го лица аффикса множественности *-лар/-ләр* и т. д. Своеобразие наблюдается и в фонетике, лексике, терминологии и фразеологии. Эти диалекты во многом сближаются с языком египетских кыпчаков (мамлюков) XIV в. и современными казахским и каракалпакским языками, входящими также в кыпчакскую группу языков.

Джекающие (кыпчакские) диалекты узбекского языка, на котором говорили узбеки-кыпчаки, в значительной мере отличаются от узбекского литературного языка, а также некоторых, городских и городского типа диалектов и говоров.

Все это объясняется рядом причин: соприкосновением с другими языками или диалектами, нравами, обычаями, укладом жизни, родом занятий населения, историческим развитием и т. д. Несмотря на это, они сыграли (и продолжают играть) большую роль в развитии узбекского литературного языка.

Наряду с различиями, говоры, входящие в состав джекающих диалектов, имеют между собой много общего (сингармонизм, девятифонемная система вокализма, падежная система и др.). Такая общность закономерна, так как все они восходят к единому источнику.

Расхождения между джекающими (кыпчакскими) говорами в основном отмечаются в их лексическом составе, лишь в отдельных случаях встречаются в фонетической системе и морфологии.

Восточная группа джекающих говоров в фонетическом, морфологическом и лексическом отношениях во многом стоит ближе к литературному языку. Она же дала основной материал нашей работе в синхронном отношении.

В течение более чем двадцатилетнего изучения языковых особенностей кыпчакских говоров, жизни и быта их представителей мы пришли к выводу, что в этих говорах произошли и происходят существенные изменения. Кыпчакские говоры в силу общественно-политических, культурно-экономических изменений интенсивно теряют характерные особенности, приближаются к ведущим диалектам и литературному языку. Иначе говоря, происходит смешение и нивелировка говоров и диалектов. Постоянно уменьшается количество лиц, разговаривающих на чистом кыпчакском диалекте, а среди молодежи стремительно увеличивается число говорящих на литературном языке. Исчезают характерные черты отдельных этнических групп, постепенно стираются всякие границы в нравах, обычаях.

Кыпчакские элементы часто встречаются в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе как современного, так и староразбекского литературного языка. Подтверждением тому служат произведения классиков узбекской литературы Лутфи, Алишера Навои, Бабура, Мухаммада Салиха и др. Элементы кыпчакских диалектов проникли даже в городские говоры. Все это дает нам основание ставить их в один ряд с опорными

ми диалектами узбекского национального языка, принимавших активное участие в формировании и развитии литературного языка наравне, например, с ташкентско-андижанскими и другими говорами средне-узбекского диалекта.

Необходимо особо отметить, что потенциальные возможности кыпчакских диалектов еще не исчерпаны, они могут быть использованы литературным языком для внутренних ресурсов его дальнейшего развития, усовершенствования орфографии и стилистики, обогащения лексического арсенала.

До недавнего времени в лингвистической науке было распространено мнение о преимущественном влиянии уйгурской литературной традиции на язык узбекской классической литературы, о присутствии в ней огузских элементов, и никто, по существу, не говорил о кыпчакском влиянии.

Кыпчакские диалекты оказали влияние на язык произведений Навои, о чем свидетельствует сопоставительный анализ особенностей системы вокализма языка Навои и джекающих диалектов, наличие в них сингармонизма.

Есть все основания утверждать, что в языке Алишера Навои кыпчакские языковые элементы принимали более широкое участие, чем предполагали многие ученые до последнего времени.

Следует отметить, что в современном узбекском литературном языке недостаточно используется богатство языковых средств джекающих диалектов и устного народного творчества. Включение в литературный язык диалектных слов и сочетаний обогатило бы его лексику, фонетику, грамматику, стилистику, совершенствовало бы его выразительную маневренность. Если учесть, что подавляющая часть диалектных слов и сочетаний исконно тюркские (узбекские), то их ценность еще больше увеличится.

Задача диалектологов — глубже исследовать богатейшие возможности, скрытые в говорах и диалектах, критически оценивать их и предоставлять самые ценные в распоряжение литературного языка.

Для выполнения этой задачи необходимы диалектные материалы, в частности, заключенные в языке народных эпических произведений. Их язык должен регистрироваться в полном соответствии с произношением сказителя. Следует отметить, что транскрипционная система, применяемая диалектологами-узбековедами при изучении и записи народных диалектов, дает хорошие результаты при записи народных произведений. Однако, несмотря на большие успехи узбекской фольклористики, академическое издание народных эпических

произведений пока не подготовлено. Такое издание способствовало бы научному изучению языка этих произведений, языка сказителя, что в настоящее время, в условиях интенсивного стирания характерных особенностей диалектов и говоров, особенно актуально. Через несколько лет уже не будет возможным восстановить языковые особенности народных произведений, что означало бы невосполнимую утрату для языкознания вообще, для диалектологии — в частности.

Изучение говоров Самаркандской, Джизакской, Ташкентской (Бекабадский район) и других областей, особенно кыпчакских диалектов, дало нам возможность внести ряд предложений по улучшению, совершенствованию нынешней узбекской орфографии и алфавита, норм узбекского литературного языка и по обогащению практической и художественной стилистики узбекского языка.

Перед диалектологами стоит другая актуальная задача — составить диалектологический атлас узбекского языка.

Исследования показали, что диалекты и говоры, на которых и в наши дни разговаривает большинство сельского населения республики (и не только нашей республики), непосредственно принимали и принимают активное участие в формировании, развитии и шлифовке как староузбекского, так и современного узбекского литературного языка. Эти диалекты располагают богатым языковым потенциалом, который ждет своего изучения и включения в арсенал литературного языка узбекской социалистической нации.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Произведения классиков марксизма-ленинизма.

- К. Маркс и Ф. Энгельс*. Немецкая идеология, т. 3.
Ф. Энгельс. Франкский диалект, т. 19.
Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, т. 20.
В. И. Ленин**. Философские тетради, т. 29.
В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу, т. 24.
В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, т. 18.
В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов, т. 26.
В. И. Ленин. Об очистке русского языка, т. 40.

II. Материалы Коммунистической партии Советского Союза

- Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС, М., Политиздат, 1971.
Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., Политиздат, 1972.
Материалы XXIV съезда КПСС, М., Политиздат, 1972.

III. Литература

- Абдуллаев Ф. А. О генезисе джекания в тюркских языках. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 2.
Абдуллаев Ф. А. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка, автореф. канд. дисс., 1961.
Абдуллаев Ф. А. Фонетика хорезмских говоров, Ташкент, Изд-во «Фан», 1967.
Абдуллаев Ф. А. Кыпчакский говор узбекского языка. Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1967.
Абдулгази Бахадурхан. Родословное древо тюрков, Казань, 1906.
Абдурахманов Г. А. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век), М., Изд-во «Наука», 1967.
Акбаев Ш. Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Автореферат канд. дисс., Черкасск, 1963.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по Сочинениям.

** Произведения В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений.

- Алиев А. Ю. Наманганская группа говоров узбекского языка. Автореферат докт. дисс., Ташкент, 1975.
- Алишер Навои. Сб. статей. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.
- Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, Изд-во «Наука», 1959.
- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, СПб., 1895.
- Атамирзаева С. Экспериментально-фонетическое исследование наманганского говора узбекского языка, Ташкент, Изд-во «Фан», 1974.
- Ахатов Г. Х. Диалект западно-сибирских татар, Автореферат докт. дисс., М., 1964.
- Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков, М., Изд-во «Наука», 1965.
- Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Самарканд, 1962.
- Ахундов А. А. Система фонем современного азербайджанского языка, автореф. докт. дисс., Баку, 1964.
- Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация, М., Изд-во «Наука», 1973.
- Байчура У. Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми тюркскими и финно-угорскими языками, Автореферат докт. дисс., М., 1962.
- Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов, Соч., т. V, М., Изд-во «Наука», 1968.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Соч., т. I, М., Изд-во «Наука», 1963.
- Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, М., Изд-во «Наука», 1964.
- Баскаков Н. А. О периодизации истории литературного языка «тюрки», сб. «Ленгвогеография, диалектология и история языка», Кишинев, 1973.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки, М., Изд-во «Наука», 1960.
- Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.
- Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология, ч. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.
- Бернштам А. И. О древнейших следах джеканы в тюркских языках Средней Азии. сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938.
- Благова Г. Ф. Значение данных современной узбекской диалектологии для изучения староузбекского письменного языка, «Вопросы языкознания», 1965, № 1.
- Благова Г. Ф. Соотносительные глагольные формы и их развитие в узбекском литературном языке, «Вопросы языкознания», 1958, № 4.
- Благова Г. Ф., Данияров Х. Д. Говор «тюрков» Узбекистана и староузбекский язык, «Вопросы языкознания», 1966, № 6.
- Богородицкий В. А. Законы сингармонизма в тюркских языках, Казань, 1927.
- Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., Изд-во «Наука», 1963.
- Болатов Ж. Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1970.
- Боровков А. К. Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, Изд-во УзФАН, 1940.

- Боровков А. К. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, сб. «Алишер Навои», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.
- Боровков А. К. Вопросы классификации узбекских говоров, Известия АН УзССР, 1953, № 5.
- Вамбери А. Путешествие по Средней Азии, СПб, 1865.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура, М., Изд-во МГУ, 1973.
- Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку, Изд-во АН АзССР, 1966.
- Вопросы диалектологии тюркских языков, Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1968.
- Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов в секционных заседаниях, М., Изд-во АН СССР, 1974.
- Гарипов Т. М. Кыпчакские языки урало-поволжья. Автореферат докт. дисс., М., 1974.
- Горшкова К.-В. Историческая диалектология русского языка, М., Изд-во «Наука», 1973.
- Гулямов Я. Г. Морфология ташкентского говора, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1954.
- Гулямов Х. Джизакский говор узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1954.
- Гумилев Д. Н. Древние тюрки, М., Изд-во «Наука», 1967.
- Данияров Х. Бахмальский говор узбекского языка. Автореферат канд. дисс., М., 1955.
- Данияров Х., Кунгуров Р. Некоторые вопросы лингвистической географии в Узбекистане (материалы диалектол. конференции). Изд-во АН КиргССР, Фрунзе, 1963.
- Данияров Х. Роль кыпчакских говоров в развитии стилистической системы узбекского литературного языка, сб. «Проблемы стилистики» (материалы Всесоюзной конференции по стилистике), Ашхабад, 1968.
- Данияров Х. Изучение вокализма народных говоров Самаркандской области, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», Фрунзе, Изд-во «Илим», 1968.
- Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., Изд-во «Наука», 1966.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.
- Дмитриев Н. К. Турецкий язык, М., Изд-во Восточной литературы, 1960.
- Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Жирмунский В. М. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов, «Тюркологический сборник», М., 1966.
- Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края, Л., 1925.
- Захидов В. Мир идей и образов Алишера Навои, Ташкент, Гослитиздат УзССР, 1961.
- Звягинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и изречениях, ч. II, М., 1960.
- Ибрагимов Ю. М. Морфология ходжейлинско-кунградских говоров узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1974.
- Ибрагимов С. Узбекский алфавит и вопросы его совершенствования, сб. «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР», М., Изд-во «Наука», 1972.

- Ибрагимов С. Орфография узбекского языка, сб. «Орфография тюркских языков СССР», М., Изд-во «Наука», 1973.
- История Узбекской ССР, в четырех томах, Ташкент, Изд-во «Фан», 1967.
- Ишаев А. Фонетические особенности мангытского говора узбекского языка, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1962.
- Камалов С. Каракалпаки в XVIII—XIX веках, Ташкент, Изд-во «Фан», 1968.
- Караев С. Опыт изучения топонимии Узбекистана, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969.
- Кармышева Б. Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Советская этнография», 1960.
- Кармышева Б. Х. Древние тюркские племена в составе узбеков (по этнографическим данным). Труды международного конгресса востоковедов, т. I—III, М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Киекбаев Д. Г. Фонетика башкирского языка, Уфа, 1955.
- Козлова М. С. Философия и язык. М., Изд-во «Мысль», 1972.
- Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке, М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Кононов Н. А. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Газылхана Хивинского, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Кононов Н. А. Грамматика узбекского языка, Ташкент, Госиздат, 1948.
- Кононов Н. А. Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956.
- Кононов Н. А. Грамматика современного узбекского литературного языка, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1960.
- Кононов Н. А. История изучения тюркских языков в России, М., Изд-во «Наука», 1972.
- Леонтьев А. А. Языкознание и психология, М., Изд-во «Наука», 1966.
- Луни Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, Изд-во «Наука», 1965.
- Лингвогеография, диалектология и история языка, Кишинев, Изд-во «Штиница», 1973.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.
- Мамедов А. А. Основы азербайджанского языкознания, Автореферат канд. дисс., Баку, 1964.
- Матусевич М. И. Введение в общую фонетику, М., 1959.
- Мелеоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. Петербург, 1900.
- Мирсагатов Т. Кыркский говор узбекского языка, Ташкент, Автореферат канд. дисс., 1953.
- Мусаев К. М. Значение диалектной лексики в сравнительной лексикологии тюркских языков, «Советская тюркология», 1973, № 6.
- Наджип Э. Н. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века, Автореферат докт. дисс., М., 1965.
- Наджип Э. Н. Хорезми. Мухаббат-наме, М., Изд-во Восточной литературы, 1961.
- Наршахи. История Бухары, Ташкент, 1897.
- Насилов В. М. Язык Орхоно-Енисейских памятников, М., Изд-во Восточной литературы, 1960.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., Изд-во «Наука», 1972.
- Общее языкознание. Методы лингвистических исследований, М., Изд-во «Наука», 1973.

- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., Изд-во «Наука», 1970.
- Панов М. В. Русская фонетика, М., 1967.
- Поливанов Е. Д. Говор кишлака Кият-Конград Шаватского района (в Хорезме). Уз НИИКС, сборник научных трудов, т. I, вып. 2, Ташкент, 1934.
- Поливанов Е. Д. Узбекская диалектология, узбекский литературный язык, Ташкент, 1933.
- Проблемы картографирования в языкознании и этнографии, Л., Изд-во «Наука», 1974.
- Радлов В. В. Опыт словаря турецких наречий, СПб, 1888—1911.
- Радлов В. В. Средняя зерашанская долина, СПб., 1880.
- Рамsted Г. И. Введение в алтайское языкознание, М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Рашид-ад-дин. Джами ат-таварих, т. I, ч. I. М., Изд-во «Наука», 1965.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952.
- Решетов В. В. Кураминские говоры Ташкентской области (фонетическая, морфологическая система), автореферат докт. дисс. Ташкент, 1951.
- Решетов В. В. Опорный диалект при образовании узбекского национального языка, сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1958.
- Решетов В. В. Узбекский язык, Ташкент, Госучпедгиз, 1959.
- Решетов В. В. Общая характеристика особенностей узбекского вокализма, труды ИЯЛ АН УзССР, вып. I, Ташкент, 1949.
- Решетов В. В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка, Ташкент, Изд-во «Учитель», 1965.
- Решетов В. В. Влияние русского языка на развитие национальных культур, сб. «Торжество ленинской национальной политики в области народного образования в Узбекистане, Ташкент, 1974.
- Реформатский А. А. Введение в языкознание, М., Изд-во «Просвещение», 1967.
- Рустамов Р. А. Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка, автореферат докт. дисс., Баку, 1964.
- Рустамов Р. А. Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои, автореферат докт. дисс. Ташкент, 1966.
- Рясянан М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
- Самойлович А. Н. К истории среднеазиатского турецкого литературного языка, сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928.
- Сарыбаев Ш. Ш. Проблема казахской региональной лексикографии, автореферат докт. дисс. Алма-Ата, 1973.
- Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., Изд-во «Наука», 1966.
- Севортян Э. В. Этимология тюркских языков. М., Изд-во «Наука», 1974.
- Севортян Э. В. Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков, М., Изд-во «Наука», 1966.
- Серебрянников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка, М., Изд-во «Наука», 1968.
- Серебрянников Б. А. Из истории звуков и форм тюркских языков, «Советская тюркология», 1974, № 6.
- Пятое совещание по вопросам диалектологии тюркских языков, Тезисы докладов. Баку, 1965.

- Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР», Ашхабад, 1966.
- Тенишев Э. Р. Саларский язык, М., Изд-во «Наука», 1963.
- Теоретические проблемы советского языкознания, М., Изд-во «Наука», 1968.
- Туйчибаев Б. Синонимика именных словосочетаний в современном узбекском литературном языке, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1973.
- Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар, Изд. Казан. университета, Казань, 1968.
- Тюркологический сборник, М., Изд-во «Наука», 1970.
- Усманов А. «Мухакаматал-дугатайн» Алишера Навои, Ташкент, 1940.
- Усманов А. Суждение о двух языках, сб. «Родоначалник узбекской литературы», Ташкент, 1940.
- Фазылов Э. Староузбекский язык, т. I, Ташкент, Изд-во «Фан», 1966.
- Фазылов Э. И. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV в., Ташкент, Изд-во «Фан», 1967.
- Фазылов Э. Староузбекский язык, т. II, Ташкент, Изд-во «Фан», 1971.
- Филологический сборник (ученые записки), вып. XXVIII, Чебоксары, Чувашское книжное изд-во, 1965.
- Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб, 1843.
- Шаабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры, Автореферат докт. дисс., Ташкент, 1963.
- Щерба Я. В. Очердные проблемы языковедения, Избр. работы по языкознанию, Фонетика, т. I, М., 1958.
- Щербак А. М. Сказание об огузе, автореферат докт. дисс. Л., 1951.
- Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1962.
- Щербак А. М. Выражение грамматических знаний в тюркских языках, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.
- Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, М., Изд-во «Наука», 1970.
- Шукуров Ш. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении, Автореферат докт. дисс., Ташкент, 1974.
- Эгамов В. Галляральский говор самаркандской области, Автореферат канд. дисс., Самарканд, 1954.
- Юлдашев М. Ю. Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., Изд-во «Наука», 1965.
- Якубовский А. Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.
- Ярцева В. Н., Колшанский Ч. В., Степанова Ю. С. Основные проблемы марксистского языкознания (доклад на Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания, М., 1974.
- VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков, Алма-Ата, 1973.
- Абдуллаев Ф. А. Ўзбек тилининг қипчоқ шеvasи. (Кандидатлик диссертацияси), Ташкент, 1956.
- Абдуллаев Ф. А. Хоразм шевалари. I луғат, II. Хоразм шеваларининг таснифи, Ўз. ФА нашриёти, Ташкент, 1961.
- Абдуллаев Ф. А. Тил қандай ривожланади? ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1972.

- Абдуллаев Ф. А. Сўзлар ўзаро қандай боғланади? ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1974.
- Абдураҳмонов Ф. Ўзбек фонетикаси тарихидан, «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» журналы, 1963, № 2.
- Абдураҳмонов Ф. Шукuroв Ш. Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси, «Ўқитувчи» нашриёти, Тошкент, 1973.
- Абу Бакр Муҳаммад ибн Жаъфар Наршахий. Бухоро тарихи, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1966.
- Азизов О. ва бошқалар. Ўзбек ва рус тилларининг қиёсий грамматикаси, «Ўқитувчи» нашриёти, Тошкент, 1965.
- Алибек. XV аср ўзбек адабий тилининг вокализми, «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» журналы, 1962, № 6.
- Алнев А. Уйчи шеvasидаги баъзи бир фонетик ҳодисалар, «Ўзбек тили ва адабиёти» журналы, 1960, № 6.
- Алнев А. Ю. Ўзбек диалектологиясидан материаллар. (Наманган шевалари), ЎзССР «Фан» нашриёти, 1974.
- Алишер Навоий. «Муҳокамат-ул-луғатайн» 15-томлик, 14-том, Ф. Фулом номидаги бадий адабиёт нашриёти, Тошкент, 1967.
- Алишер Навоий. 15 томлик асарлар, Ф. Фулом номидаги бадий адабиёт нашриёти, Тошкент, 1967.
- Асқарова М. Ёл сўзининг айрим хусусиятлари ҳақида. «Ўзбек тили ва адабиёти» журналы, 1962, № 6.
- «Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия». ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1968.
- «Бобирнома». Ўз ФА нашриёти, Тошкент, 1960.
- Валнев М. Ўзбек тилининг найман шеваси (кандидатлик диссертацияси), 1963.
- Греков Д., Якубовский А. Ю. «Олтин ўрда ва унинг қулаш тарихи», ЎзССР ФА нашриёти, Тошкент, 1956.
- Дониёров Х. Желашган диалектнинг характерли морфологик хусусиятлари. СамГУ асарлари, Янги серия, № 102, Самарқанд, 1960.
- Дониёров Х. Желашган диалектнинг фразеологиялари устидан кузатишлар. СамГУ асарлари, Янги серия, № 106, Самарқанд, 1961.
- Дониёров Х. Самарқанд областидаги қипчоқ шеваларининг вокализмини тавсифлаш. СамГУ асарлари, Янги серия, № 139, Самарқанд, 1964.
- Дониёров Х. Ўзбек адабий тили ривожланишида қипчоқ (желашган) шеваларининг роли. «Ўзбек тили ва адабиёти» журналы, 1964, № 6.
- Дониёров Х. Қипчоқ шеваларини ўрганишда халқ достонларининг роли. «Ўзбек халқ ижоди» тўплами, «Фан» нашриёти, Тошкент, 1967.
- Дониёров Х., Мирзаев С. Сўз санъати, Тошкент, 1962.
- Дониёров Х. Навоий тилининг диалектал assolарини ўрганиш масаласига доир. «Навоий ва адабий таъсир масалалари» тўплами, «Фан» нашриёти, Тошкент, 1968.
- Дониёров Х. Алишер Навоий ва ўзбек адабий тили. Ф. Фулом номидаги бадий адабиёт нашриёти, Тошкент, 1972.
- Дониёров Х. Эски ўзбек адабий тилининг шаклланиш босқичлари ҳақида. «Совет мактаби», 1974, № 7.
- Жуманазаров Ю. Ўзбек адабий тили ва жанубий Хоразм диалекти «Фан» нашриёти, Тошкент, 1971.
- Жўраев Б. Юқори Қашқадарё шеваларида «Сувуги»нинг маъноси. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» журналы, 1966, № 4.

- Иброҳимов С. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» журнали, 1966, 4-сон.
- Иброҳимов С. Ўзбек тилининг Андижон шеvasи, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1967.
- Иброҳимов С. Фарғона шеваларининг касб-ҳунар лексикаси, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1959.
- Исмоилов И. Туркий тилларда қавм-қариндошлик терминлари. ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1966.
- Камолов Ф. Ҳозирги замон ўзбек тили, ЎзФА нашриёти, Тошкент, 1953.
- Камолов Ф. Миллий алфавитларнинг унификациясига доир «Шарқ юлдузи», журнали, 1962, № 1, 2.
- Лутфий Девон, Гул ва наврўз. «Тошкент» бадний адабиёт нашриёти, Тошкент, 1965.
- Мадраҳимов О. Ўғиз шеваларининг лексикаси, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1973.
- Маҳмуд Қошғарий. Девону луғотит турк, III томлик, «ФАН» нашриёти, Тошкент, 1960, 1963.
- Маҳмуд Қошғарий. Девону луғотит турк, индекс луғат, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1967.
- Мирзаев М., Усмонов С., Расулов И. Ўзбек тили, «Ўқитувчи» нашриёти, Тошкент, 1970.
- Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро групп шевалари, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1969.
- Муталлибов С. М. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1959.
- Муҳаммад Солиҳ Шайбонийнома ЎзФА нашриёти, Тошкент, 1961.
- «Навой ва адабий таъсир масалалари», ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1968.
- Назаров К. Қангни шеvasида эгалик формалари. «Ўзбек тили ва адабиёти», журнали, 1963, № 5.
- Назарова Х. Бобир ва ўзбек адабий тили, ЎзКП МК нашриёти, Тошкент, 1971.
- Сайфуллаев Р., Убаева Ф. Сўз ясалиш усуллари ҳақида, Бухоро, 1958.
- Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг қисқача фразеологик луғати. ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1964.
- Решетов В. В., Шобдурраҳмонов Ш. Ўзбек диалектологияси, «Урта ва олий мактаб» нашриёти, Тошкент, 1962.
- Самадов К. А. Навой нутқ маданияти ҳақида. «Совет мактаби», 1962, № 1.
- Сомойлович А. Н. Чигатой адабий тилида «жўқчилик» унсурулари, «Илмий фикр» журнали, 1-сон, Самарқанд-Тошкент, 1930 йил (лотин шрифтида).
- Турсунов У., Дониёров Х. Ўзбек тилида сингармонизм. Ўз ГУ асарлари, Янги серия, № 91, Самарқанд, 1959.
- Усмонов О. Ўзбек адабий тилининг буюк ҳимоячиси. «Шарқ юлдузи», 1948, № 5.
- Усмонов С. Умумий тилшунослик. «Ўқитувчи» нашриёти, Тошкент, 1972.
- Шералиев М. Ш. Озарбайжон тилида қипчоқ элементлари. «Ўзбек тили ва адабиёти» журнали, 1961, № 6.
- Шобдурраҳмонов Ш. Тошкент шеvasининг фонетик хусусиятлари. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1960, № 6.

- Шоабдурахмонов Ш. Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари. Ўз ФА нашриёти, Тошкент, 1962.
- Шоабдурахмонов Ш., Абдурахмонов Д. Ўзбек адабий тилида 0(о) Унлиси лабланмаган, «Ўзбек тили ва адабиёти» журналы, 1962, № 6.
- Ўзбек диалектологисидан материаллар, I том, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1957.
- Ўзбекистон ССР тарихи, II том. ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1957.
- Ўзбек шевалари лексикаси, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1966.
- Ўзбек халқ ижоди. ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1967.
- Ўзбек тили нутқ маданияти масалаларига бағишланган республика тил-шунослик конференцияси. ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1969.
- Ўзбек халқ шевалари луғати, ЎзССР «Фан» нашриёти, 1971.
- Ғози Олим. Ўзбек лахжаларининг таснифида бир тажриба. Тошкент, 1936 (лотин шрифтида).
- Ғози Олим. Ўзбек уруғларидан катагонлар ва уларнинг тили, жур. «Илмий фикр», Самарқанд-Тошкент, № 1, 1930 (лотин шрифтида).
- Ғуломов А. Ғ. Фель, Ўз ФА нашриёти, Тошкент, 1954.
- Ғуломов А. Ғ. Ўзбек тилида кўплик категорияси, Ўз ФА нашриёти, Тошкент, 1955.
- Ғуломов А. Ғ. Ўзбек тилида мон аффикси. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» журналы, 1961.
- Ҳожиев А. Ўзбек тилида кўмакчи феъллар. ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1966.
- Ҳожиев А. Ўзбек тили синонимларининг изоҳли луғати, «Ўқитувчи» нашриёти, 1974.
- Ҳожиев А. Ўзбек тилида қўшма, жуфт ва такрорий сўзлар, Ўз ФА нашриёти, Тошкент, 1963.
- Ҳозирги замон ўзбек адабий тили I. Ўз ФА нашриёти, Тошкент, 1957.
- Ҳозирги замон ўзбек адабий тили. I, ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1966.
- Ҳозирги замон ўзбек адабий тили ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 1966.
- Азарбајчан дилинин изаһлы луғати, Бақы, 1966-й.
- Чафаров С. А. Муасир азарбајчан дилинини лексикаси, Бақы, 1958.
- Закриев М. З. Хазерге татар эдэби теле, Казан, 1974.
- Мәммедов Н. Ахундов А. Дилчилик кириш. Бақы, 1966.
- Рәјимов М. Азәрбајчан дилиндә фе'л шәкилләринини формалашмасы тарихи. Бақы, 1965.
- Рустамов Р. Э. Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе'лен гурулушга новләри. Бақы, 1963.
- Рустамов Р. Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Бақы, 1965.
- Сейдов I. Азәрбајчан эдэби дилиндә сәз бирлашмалари. Бақы, 1966.
- Ширалијев М. Азәрбајчан диалектологијасы нь н асаслары. Бақы, 1962.
- Қазақ тилинің диалектологиялык сөздігі, Алматы, 1969.
- Һусейнов А. Азәрбајчан диалектологиясы, Бақы, 1958.
- Ahmet Saferoglu. Kitab al-Idrak li-lisan al-Atrak, Endülüsli Eseridin Abu Nayyan eseri, Istanbul, 1931.
- Besim Atalay. Türkçemizde Men-Man, yazan 1940.
- Brockelmann C. Osttürkische Grammatik, Leiden, 1951, S. VII.
- Vambery. Die Sarten und ihre Sprache, Zeitschrift der D. Mond Ges., t. 44, 1899.
- Stefan Wurm. Der Özbekische Dialect von Andidschan, München, 1945.
- Cabaïn A. von. Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950.

- Cabain A. von. Özbekische Grammatik, Leipzig, 1945.
Gunnar Jarring. The Uzbek Dialect of Galich, Leipzig, 1937.
Zajaczkowski. Manuel arabe de la langue des Turcs et des Kiptchaks,
S. XIII. 1959.
Zeynep Korkmaz. Güney-Bati Anadolu Agizlari, Ses Bilgisi (Fonetik) Ankara, 1956.
Zeynep Korkmaz. Nevsehir ve Yöresi Agizlari, Ses Bilgisi, Ankara, 1963.
K. Menges. Qaraqalpaq Crammar, 1, Fonologia, New York, 1947.
Nevsehir ve Yöresi Agizlari, Ankara, 1963.
Philologiae Turcicae Phundamenta, Wiesbaden, 1959.
Radloff W. W. Phonetik der nördlichen Turksprachen. Leipzig, 1882.
Janos Eckman. Das Tschagataische, Philologiae Turcicae Phundamenta, Wiesbaden, 1959.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Джекающие (кыпчакские) диалекты узбекского языка в их отношении к староузбекскому и современному литературному языку	10
Об этапах формирования и развития староузбекского литературного языка и о роли кыпчакских диалектов в этом процессе	10
Характерные особенности джекающих (кыпчакских) диалектов	12
О некоторых различиях между кыпчакскими (джекающими) диалектами	19
Фонетические расхождения	21
Морфологические расхождения	23
Лексические расхождения	25
Составление диалектологического словаря и атласа	27
Язык произведений Алишера Навои и кыпчакские диалекты	32
О формировании литературного языка Навои	32
Вокализм языка произведений Алишера Навои	36
Язык «Муҳокаматал-луғатайн» в сравнении с кыпчакскими диалектами и современным узбекским литературным языком	44
Фонетические особенности	47
Морфологические особенности	52
Этноним «узбек» в произведениях Навои	63
Кыпчакские диалекты в отношении к другим языкам и диалектам	68
Кыпчакские диалекты и язык узбекского народного эпоса	68
Некоторые грамматические изменения в языке	73
Лексическое и семантическое богатство народных дастанов и джекающих диалектов	75
Джекающие диалекты и народные дастаны как источники обогащения узбекского литературного языка	84
Отношение кыпчакских диалектов к казахскому и каракалпакскому языкам	89
Отношение кыпчакских говоров узбекского языка к языку египетских кыпчаков XIV в.	93
Глава II. Фонетика джекающих диалектов в сравнении с современным узбекским литературным языком	98

Вокализм кыпчакских диалектов и некоторые вопросы современного литературного языка	98
Фонетические особенности бахмальского говора в сравнении с узбекским литературным языком	106
Система гласных	107
Система согласных	113
Фонетические изменения звуков	119
Редукция гласных	—
Элизия гласных	120
Протеза гласных	120
Ассимиляция и диссимиляция согласных	121
Появление дополнительных звуков	123
Отпадение и выпадение согласных	124
Удвоение звуков	125
Сингармонизм	—
Семантика собственных имен и обусловленность фонетических законов семантикой слова	127
Некоторые вопросы алфавита и орфографии узбекского языка в связи с диалектными материалами	132
Глава III. Характерные морфологические особенности джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком	137
Имя существительное	137
Категория множественного числа	—
Категория сказуемости	139
Категория принадлежности	140
Категория склонения	141
Имя прилагательное	145
Степени сравнения	—
Имя числительное	147
Местоимения	148
Указательные местоимения	149
Вопросительные местоимения	150
Определенные и неопределенные местоимения	151
Притяжательные местоимения	—
Наречия	152
Послелоги	153
Союзы	154
Частицы	155
Междометия	156
Модальные слова	—
Обращения и вводные слова	—
Глагол	157
Категория настоящего времени	—
Настояще-будущее время	—
Настоящее время данного момента (настоящее конкретное время)	159
Категория прошедшего времени	161

Прошедшее незаконченное, или прошедшее повествовательное время	163.
Категория будущего времени	167
Желательное наклонение	168.
Повелительное наклонение	—
Условное наклонение	169
Имя действия	170.
Аспекты возможности и невозможности глагола	171
Залоги	172
Деепричастие	174
Причастие	—
Некоторые характерные словообразующие аффиксы	176
Аффикс <i>-в (-ав, -ов, -ув)</i>	—
Аффикс <i>-та/-да</i>	177
Аффикс <i>-қ/-қ</i>	178.
Аффикс <i>-т</i>	181
Аффикс <i>-ман/-мон</i>	184
Характерные морфологические особенности самаркандского городского говора и его отношение к окружающим кыпчакским диалектам	186.
Глава IV. Лексико-стилистические особенности джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком	193
Лексические особенности кыпчакских говоров в сравнении с узбекским литературным языком	193.
Полисемия	—
Омонимия	194.
Синонимия	199
Антонимия	202
Парные слова	203
Неологизмы	204
Изменения значения слов	205
Заемствования из русского языка	206
Заемствования из таджикско-персидского и арабского языков	208
Арханзмы	209
О некоторых терминах	210.
Имена собственные	211
Мужские имена	212
Женские имена	213
Идиоматические выражения	214
О поговорах, поговорках и загадках кыпчакских говоров	216
Об основном словарном фонде и словарном составе джекающих (кыпчакских) диалектов	218.
Роль кыпчакских диалектов в развитии стилистической системы узбекского современного литературного языка	219
Заключение	223
Библиография	227.

Данияров Худайберди Даниярович

**ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ДЖЕКАЮЩИХ (КЫПЧАКСКИХ) ДИАЛЕКТОВ
В СРАВНЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ**

*Утверждено Ученым советом Сырдарьинского
государственного педагогического института*

Редактор *Л. Приходько, Н. Ламецкая*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *О. Вахнина*

Р05479. Сдано в набор 24/VI-75 г. Подписано к печати 29/IX-75 г. Формат бумаги 60×90^{1/4}. Бумага типографская №1. Бум. л. 7,5. Печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 14,2.
Изд. № В-74. Тираж 2000. Цена 1 р. 66 к. Заказ 171.

Типография изд-ва «Фан» УзССР, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.